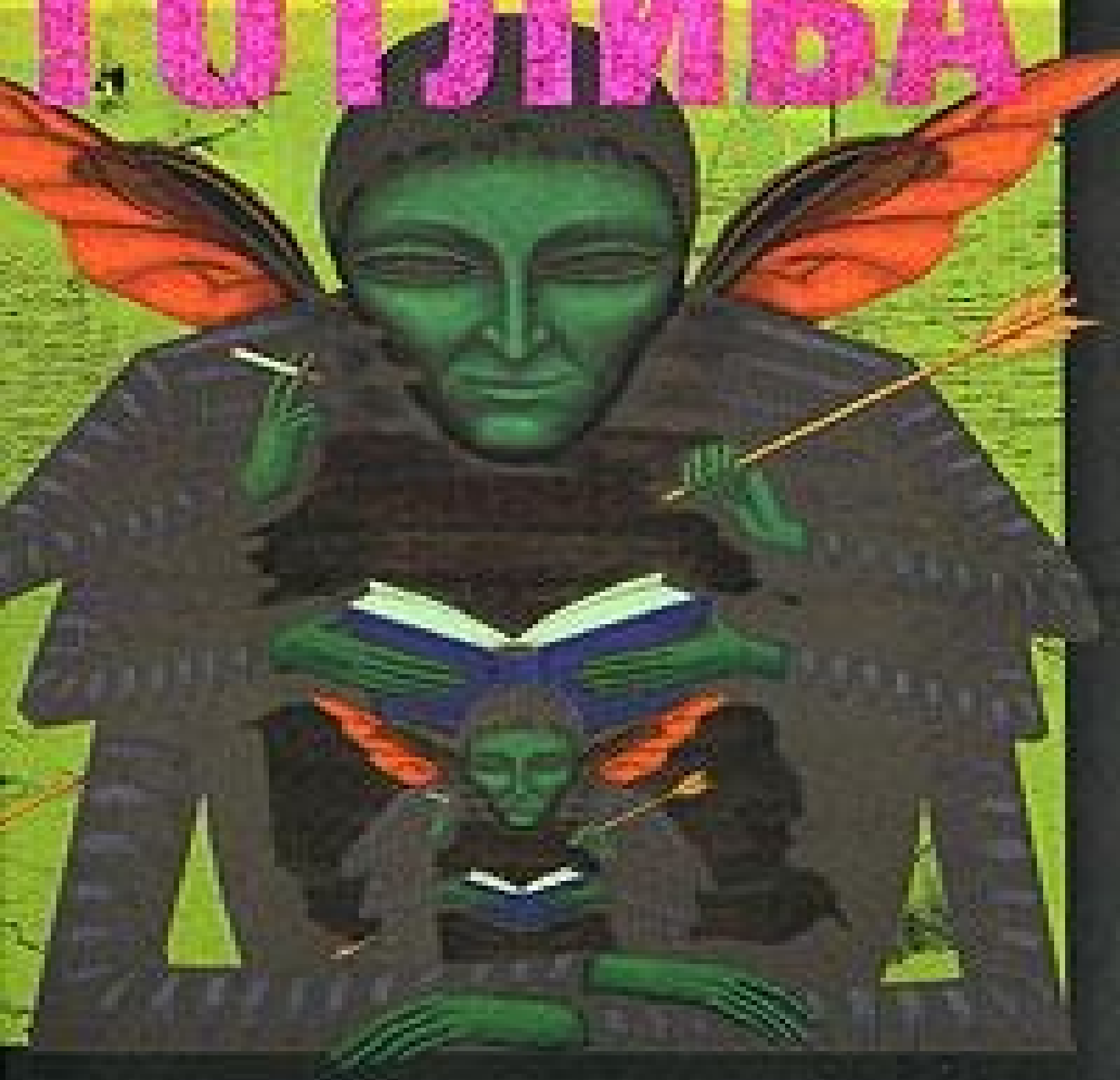

ДМИТРИЙ ЛИПСКЕРОВ

ПРОСТРАНСТВО ПОТФЛМБА

Annotation

В "Пространстве Готлиба" воспроизведены поиски своего "Я" между воображаемым прошлым и хрупким настоящим.

Главная тема романа – история любви двух инвалидов, Анны и Евгения, в силу обстоятельств вступивших в переписку. Верность и предательство, страстная любовь и люта я ненависть, мечты о счастье и горькое отчаяние, уход от суровой реальности в спасительную мистификацию сплелись в этом виртуальном романе с неожиданным и непредсказуемым финалом.

- [ПРОСТРАНСТВО ГОТЛИБА](#)
    - [ПИСЬМО ПЕРВОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ВТОРОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ТРЕТЬЕ](#)
    - [ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ПЯТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ШЕСТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО СЕДЬМОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ВОСЬМОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ](#)
    - [ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ](#)
  - [notes](#)
    -
-

ПРОСТРАНСТВО ГОТЛИБА
Дмитрий ЛИПСКЕРОВ

Все в твоих руках

*Огромная благодарность Джозефу Лиокумовичу за
поддержку в работе над книгой*

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

**Отправлено 11-го октября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4
Евгению Молокану.**

Скорее всего, вы так и не отважились написать мне первым. Существует, конечно, малая вероятность того, что конверт с письмом затерялся где-нибудь по пути, завалившись под стол в каком-то мелком почтовом отделении... При нашей встрече вы говорили, что никогда не писали писем, за исключением писем к своей матери, да и то в нежном возрасте – с просьбой выслать небольшое количество денег на нужды пионера-повесы, прозябающего в летнем лагере без сигарет и фруктового портвейна. Также вы откровенно поведали, что испытываете некий мистический ужас перед чистым листом бумаги и, когда сидите над ним, ощущаете себя "неполноценным". Я специально взяла слово неполноценный в кавычки, так как оно произнесено вами и я бы совсем не хотела, чтобы вы в самом начале нашей переписки обиделись.

На самом деле белизны бумаги бояться не стоит. Это то же самое, что нервничать перед девственницей. Вам не двадцать лет, а потому отбросьте комплексы и – вперед! Неуверенность в этом деле только помеха! Знайте, сомнения могут погубить взрослого мужчину. Громадный опыт самца может оказаться бесполезным перед юной и непорочной девой... Попробуйте купить пачку мелованной бумаги и положите на письменный стол так, чтобы видеть ее, увесистую, большую часть времени. Еще лучше, если вы вытянете из пачки один лист наполовину, так, чтобы он торчал и как бы приманивал вас своей непорочностью, как бы провоцировал своим острым уголком пачкануть по нему красными чернилами.

Совершенно не важно, что вы никогда не прибегали к эпистолярному жанру, дабы общаться с кем-то через тысячи верст. В этом деле начать никогда не поздно. Не поленитесь, выберите в какой-нибудь антикварный магазин и приобретите в нем дорогостоящий чернильный прибор. Он будет стоять на зеленом сукне вашего стола и черным мрамором пушкинских бакенбард напоминать о куче потраченных на бездарное приобретение денег. Тогда ваша рука непременно испытает желание обмакнуть в монблановские чернила остро отточенное гусиное перо и написать хотя бы бранное слово.

Поначалу, прошу вас, не стесняйтесь и пишите обо всем, что придет в

голову! Начать можете хоть с биографических данных или про то, как в нашей первой столице проистекает жизнь. Хотите – описывайте бредущих под вашими окнами пешеходов, выступление Президента или перескажите мне субботнюю эротическую программу! (Всегда корю себя за излишне острый язык, но надеюсь, что вы не из тех, кто придает этому чрезмерное значение.) В общем, пишите обо всем, к чему поведет мысль, к чему потянется рука. Мне интересно все то, что будет происходить от вас! Потратьте достаточное время на обдумывание, но не развращайте себя паузами больше недели, так как письмописание этого не любит и пальцы могут протечь мыслями в пустоту. С этими наставлениями прощаюсь и надеюсь в скором времени получить от вас любую весточку.

С уважением

Анна Веллер

P.S. Вкладываю в письмо конверт с моим обратным адресом.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

**Отправлено 29-го октября
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Уважаемая Анна!

Несколько дней мучился тем, как начать ответное письмо. Сначала я написал – многоуважаемая Анна, затем попробовал – здравствуйте, Анна, после написал – дорогая, еще просто – Аня, пишет вам... И так с десятков начал, пока не пришел к данному. Скорее всего, и оно нехорошее. Вы уж простите меня.

Воспользовался вашим советом и отправился в антикварный магазин. Их очень много в наших арбатских переулках. Есть и большие и маленькие. Но все они для туристов. Цены в них высокие, а по-настоящему хороших вещей мало. Я все же купил чернильный прибор. Продавец сказал, что он когда-то принадлежал Максиму Горькому, что из этой чернильницы писатель заправлял свою ручку-самописку и писал ею роман "Отчаяние". Думаю, что продавец врет, да и самописок, как мне кажется, тогда еще не было. Так или иначе, я купил прибор. Он оказался таким тяжелым, что пришлось вызванивать своего приятеля и просить помочь мне. Бычков, это фамилия моего приятеля, был очень удивлен, когда мы втаскивали чугунную чернильницу в мою квартиру. Он все время спрашивал, зачем мне такая дорогая и бесполезная вещь, а я уходил от ответа. Бычков пытался мыслить логически и строил разные версии. Он говорил, что если я хочу написать книгу о своей жизни, то лучше купить несколько шариковых ручек, а не тратить четырнадцать рублей с половиной на такое неудобство, как чернильница. Хотя, конечно, у тебя много свободного времени, размышлял он далее, так что ты можешь позволить себе заправлять ручки чернилами, а потом часами отмываться от фиолета в ванной. Еще он сфантазировал такую версию, что я просто собрался коллекционировать антиквариат. Впрочем, Бычков эту мысль тут же отверг, оглядев мою не очень богато обставленную квартиру, хотя откуда он знает, может быть, я коплю.

По правде говоря, я уже было собрался вам писать сам, так как отыскал в портмоне ваш адрес, записанный мною на календарике за прошлый год, но тут получил письмо от вас.

Мне стало приятно, что вы обо мне вспомнили, так как сам я считал, что наша мимолетная встреча не обязывает нас вступать друг с другом в переписку.

Я на самом деле никогда не боялся чистой бумаги, вероятно, вы меня не так поняли, но, как вы и сказали, положил пачку бумаги на письменный стол, хотя он у меня не обит зеленым сукном, а просто полированный, вытащил из нее листик и старался смотреть на него в свободные минуты, силясь почувствовать желание написать на нем что-нибудь. Я ждал три дня, но с моим организмом так ничего и не случилось, также я не почувствовал, что из моих пальцев проистекает какая-то мысль, как вы красиво выразились, хотя фаланги порой теплели... Я подумал, что писать письмо можно и без сильного литературного желания, а потому перестал ждать вдохновения и сел за стол... Мой приятель Бычков оказался прав. Я весь измазался в чернилах и долгие часы отмывался в ванной с помощью пемзы, протерев ею кожу в одном месте даже до крови. Но так или иначе, я все же начал, и тому доказательство сейчас в ваших руках.

Прохожие под моими окнами ходят все более праздные, как я уже говорил – туристы и просто приезжие. Мне нравится, что у них веселые лица, что они с хорошим настроением слушают уличных музыкантов. А еще они кушают питу – это такая полая лепешка, типа грузинского лаваша, в которую кладут всякую всячину – кусочки курицы, мяса, листья салата и много репчатого лука.

Президента я считаю достойным человеком, хотя особенно не интересуюсь политикой, все больше смотрю по телевизору развлекательные передачи, в основном тринадцатого и двадцать пятого каналов. Я бы мог пересказать вам субботнюю эротическую программу, но вы оговорились, что пошутили, да и мастерства, чтобы описать эти вещи не пошло, у меня не хватило бы. Однако должен заметить, что сама передача достаточно высокого художественного уровня, так что проглядите ее на следующей неделе, если выдастся такая возможность.

Вот как бы и все. Я ответил на вопросы и постарался следовать вашим советам. В свою очередь жду вашего письма.

С уважением
Евгений Молокан

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

**Отправлено 9-го ноября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Дорогой Евгений!

Знали бы вы, как я обрадовалась вашему письму!.. Господи, конечно, глупость, но я даже растрогалась. Несколько минут тискала конверт в руках, оттягивая момент вскрытия... У меня есть такой специальный ножичек для вскрытия конвертов... Вернее, это не ножичек, а пилочка для ногтей из маникюрного набора, который мне подарили на давний день рождения. Пилка уже стерлась и не шлифует ногти, так что, по сути дела говоря, она уже превратилась в тупой ножичек, приспособленный мною для открывания конвертов. У этой пилочки столь красивая ручка, что, глядя на нее, я вспоминаю человека, который подарил мне этот маникюрный набор. Предчувствуя ваш вопрос, отвечаю, что да, это мужчина. Если быть более точной, это был мужчина, но его более нет на этом свете... Знаете, все же это удивительная вещь – ассоциативное мышление. Начала с ножичка для вскрытия конвертов, а вспомнила мертвеца.

Этим ножичком я распечатываю письма, адресованные только мне лично, но никогда официальную корреспонденцию – счета за квартиру, электричество, рекламную продукцию и т. д. Так что, получив ваше послание, я в первую очередь извлекла из шкафчика кожаный футляр, расстегнула на нем молнию и достала свой любимый ножик...

Евгений! Хочу сказать без особого преувеличения, что стиль вашего писания не так плох, как я представляла ранее. В вашем письме порой встречаются обороты, которые, если пока и не ласкают взгляда, но тем не менее приятны языку. Сейчас уже редко говорят – праздные прохожие, а словосочетание "отмываться от фиолета" и вовсе меня порадовало...

Совершенно не обязательно начинать со слов – "уважаемая" и тому подобных. В этой канцелярской сухости совершенно нет привлекательности. Куда более впечатляют нестандартные начала, к которым, я надеюсь, вы придете в самостоятельном поиске литературного труженика и исследователя. Может быть, вам в этом помогут классики. Читайте их, купайтесь в роскошных словесах гениальных выдумщиков и фантазеров! Заимствуйте идеи смело, стремитесь выразить их в своих словах, присущих только вам, но никому другому!

"Радость моя безмерная!.. Мой ангел!.. Здравствуй, женка моя ненаглядная!.."

Какая же безмерная прелесть в этих словах!

Странная вещь, почему-то после того, как я процитировала начала пушкинских писем, мне вспомнился вопрос, который я забыла вам задать в прошлый раз. Какой системы коляской вы пользуетесь? Конечно, это странный перескок. Но ассоциативный ряд иной раз не поддается анализу на первый взгляд. Вероятнее всего, у Пушкина существует персонаж, который парализован и пользуется коляской. Вот он и всплыл в моем подсознании нежданно. Хотя какие коляски во времена Пушкина. Глупость какая-то! Может быть, кресла на колесиках и существовали, но не коляски.

Конструкции же типа вашей мне ни разу не встречались. С одной стороны, замечательная штука – не применять мускульных усилий, а, нажав кнопочку, катиться себе по асфальтовой дорожке и потягивать из пластмассового стаканчика пепси-колу. Прогулки становятся продолжительными и приносят удовольствие. Но, возможно, аккумулятор, приводящий коляску в движение, потребляет большое количество энергии, что весьма отражается на счете за коммунальные услуги.

С другой стороны, есть преимущества и в обычном кресле-каталке, приводимом в движение собственными руками. Мышцы постоянно тренируются, а организм находится в хорошем тонусе... Но в слякотную погоду ладони всегда грязны... К тому же они всегда в мозолях, а для женщины, согласитесь, окаменелости на руках – не самое лучшее украшение. И потом, пот...

Сообщите мне, пожалуйста, название вашей коляски!

Получила вчера письмо от Аси. Вы должны ее помнить. Это вялая особа пятидесяти лет, невероятных пельменных размеров, которая отдыхала в нашем санатории. Вы сейчас удивитесь – она до сих пор там. Уже третий срок вышел, как я съела свой последний завтрак с чудесной рисовой кашей и мягкой булочкой, слегка подрумяненной в духовке, а у вас так и вовсе четвертый, а наша маленькая Ася все еще посещает массажные кабинеты, разминая тесто своих телес, надеясь превратить его из дрожжевого в песочное... Она описывает лишь один случай, происшедший с ней в санатории. В строках ее письма нет напряжения, словосочетания вялы, впрочем, как и сама Ася, а потому я коротко перескажу суть... Нашу милую коровушку положили отпаривать в ванну со всевозможными травами, она надышалась ими и заснула тут же, уложив голову на чугунный край ванны. Вода из крана текла тонкой струйкой, не давая травяному настою остыть, и своим журчанием уносила Асю в романтические

сновидения о беззаботной любви с молодым бухгалтером, ласкающим ее плоть под струями водопада, что падает с вершины запруды, сооруженной в родном городке влюбленной парочки.

В самый ответственный момент Асиного сновидения, когда крик сладострастия зародился в ее необъятной груди, когда бедра-жернова колыхнули настой из дурманящих трав, истопник Ройтман прибавил давление в центральном бойлере и в трудовом порыве за считанные минуты перекидал в жерло топки грузовик каменного угля, пришедший накануне... Вместо пика наслаждения ошпаренная хлынувшим из крана кипятком, Ася вылетела в коридор, где своей очереди на процедуры ждала группа шахтеров из Донецка. Ошарашив угледобытчиков обнаженным роскошеством своих форм, Ася промчалась по коридору, ведущему к бассейну, и атомной бомбой бросилась в его прохладные воды... Основные жалобы в письме Аси сводятся не к тому, что ее ошпарили, а к тому, что теперь донецкие шахтеры, стоит ей появиться в столовой, раздевают нашу Дюймовочку своими вождедеющими глазками догола, а вечерами шумно дышат в темноте кинозала, рассевшись возле нее со всех сторон.

Ася спрашивает совета: что делать с шахтерами?..

Евгений, если вам не трудно, вышлите мне свою фотографию, буде таковая имеется. Я хочу поставить ее на письменном столе и, пища к вам, видеть глаза человека, к которому обращаюсь в своих посланиях.

Да, что касается просмотра эротических программ – то у меня нет телевизора и вместо него я смотрю в окно, наблюдая мир, не заключенный в рамки художественного осмысления. Телевизор отсутствует не по причине материальных затруднений, а по убеждению. Магический ящик ущемляет свободу наших мыслительных процессов, подменяя оригинальную способность мыслить мыслительными процессами других людей, причем сформированными под влиянием того же магического ящика.

На мой взгляд, Асе нужно выйти замуж. Может быть, ей посоветовать выбрать суженого из работников горной промышленности? Как вы думаете?

Ужасно смеялась, представив вас с ног до головы в чернилах, как вы пемзой трете кожу.

Вы абсолютно правы, что писать можно и без литературной тяги, зачастую случается так, что удовольствие приходит в процессе, рождаемое движениями руки, если она поспешает за мыслью и верно отражает ее на бумаге.

Очень хочется побывать на Арбате и посмотреть, как он изменился,

ведь я не была в Москве уже двенадцать лет, с тех пор, как провалилась попытка перевести Россию на Метрическую систему... Пита – это, верно, очень вкусная штука, и теперь, когда я буду вспоминать Арбат, мне будет представляться и лепешка с курицей. Ах, как хорошо ее с кетчупом!

На этой вкусной ноте заканчиваю письмо, заклеиваю его и поспешу, насколько это возможно в моем состоянии, на почту, к вечерней выемке писем.

С уважением

Анна Веллер

P.S. Не забудьте написать мне, что вы думаете про Асю.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

**Отправлено 14-го ноября
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Милостивая государыня!

Отправляю вам письмо с началом, которое, смею надеяться, вас полностью удовлетворит, хотя оно и заимствовано у вашего кумира. Получив от вас предыдущее письмо, тотчас сел писать ответ, так как в последние дни со мною произошли происшествия, кои не терпится пересказать.

Первое – пропал мой товарищ Бычков. Накануне мы ездили с ним в Коломенское. У Бычкова есть японский микроавтобус, который он выменял на коллекцию марок, оставленную в наследство отцом. Я спрашивал его: зачем тебе микроавтобус? У тебя ведь нет семьи!

– Тебя возить на прогулки, – отвечал Бычков. – Мне с тобой интересно общаться. И потом, зачем мне марки? Куда как лучше микроавтобус. Да и семья у меня может появиться вот-вот.

– Есть претендентка? – спросил я.

– Нет. Но есть на нее предчувствие.

В общем, отправились мы с Бычковым в Коломенское. Не знаю, как у вас в Санкт-Петербурге, а у нас в Москве осень стоит золотая. Лист на деревьях радует глаз. Бордовый, желтый, красный – он слетает под ноги, объявляя свое не унылое, но смиренное умирание.

– Вот так вот и мы, Евгений, – объявил Бычков. – Вот так вот и мы слетим когда-нибудь в небытие.

Обычно Бычков никогда не был склонен к философским заявлениям, из чего я заключил, что он действительно хочет найти себе женщину. Если у мужчины все в порядке в личной жизни, вряд ли он станет задумываться о небытии.

– Дыши, Евгений, полной грудью, пока возможность есть!

Бычков развел руками и вздохнул навстречу осеннему солнцу.

– Ах, как хорошо-о! – протянул он в пространство. – Какие погоды стоят очаровательные! Надо же, восемнадцать градусов в ноябре!

Бычков стянул с себя свитер, бросил его на спинку моей коляски и пробежал вперед по шуршащим листьям несколько шагов.

– Тепло! Хорошо!

Я тоже стянул с себя куртку, закатал рукава рубашки и подставил руки под слабые солнечные лучи.

Так мы, очарованные осенью, молча двигались по парку, прислушиваясь ко всякому чириканью воробьев и далеким голосам таких же, как мы, гуляющих. Мы не особенно разговаривали – нам, старым товарищам, было хорошо и так, молча, рядом друг с другом, соответствуя настроениями.

Уже перед самым выходом из парка, когда наша прогулка подошла к концу, когда слегка похолодало, Бычков спросил меня:

– Зачем тебе все-таки чернильный прибор?

– Чтобы он воодушевлял меня к литературному творчеству.

– Ага!.. Все же я был прав! – обрадовался Бычков. – Ты пишешь книгу!

– Нет, я пишу письма.

– Письма? – удивился он.

И тогда я рассказал Бычкову про вас. Я сказал, что мы с вами познакомились во время пересменки в санатории и прообщались всего два дня. Моя путевка заканчивалась, а ваша только начиналась. Еще я посмешил его рассказом о толстой Асе.

– Надо ехать! – со смехом сказал Бычков и поглядел на небо, по которому, стремясь нагнать друг друга, спешили к дождю тучи.

– Ой! – вскрикнул я, почувствовав, что какая-то дрянь укусила меня в левую руку.

– Что случилось? – спросил Бычков, заталкивая в автобус коляску вместе со мной.

– Какой-то слепень укусил меня! – сообщил я, почесывая укушенное место.

– Слепней в это время года не бывает.

– Тогда кто же это?

– Показалось.

Ну показалось и показалось, решил я, хотя рука неприятно зудела. Мы доехали до моего дома, Бычков выгрузил меня и доставил в квартиру. У него были какие-то неотложные дела, и он, даже не согревшись чаем, отбыл, оставив меня наедине с телевизором.

В тот вечер во всех двадцати восьми программах я не нашел ровным счетом ничего интересного, а потому в который раз посмотрел шпионский фильм с Акиканавой в главной роли. Да и то потому, что показывали все три серии разом. Насладившись в конце сериала торжеством героя, я съел мятную булочку, запив ее кефиром, вспомнил санаторий и его такие же

вкусные полдники, затем почистил зубы и лег в постель. Я сразу же заснул, утомленный поездкой в Коломенское, и снилась мне почему-то коллекция бабочек...

Проснулся я посредине ночи оттого, что отчаянно чесалась рука. Я включил свет и осмотрел ее. От самого локтя и на пять сантиметров кверху она разлилась бордовым цветом, а посреди красноты крохотным гвоздиком чернела точка укуса.

Все же это был слепень, подумал я, перебрался с постели на коляску и покатился в ванную, где у меня находилась аптечка. Обильно смочив вату йодом, густо помазал место укуса и вокруг, помахал рукой, чтобы йод высох, и вновь отправился в кровать. Больше рука не чесалась.

На следующее утро я попросил соседского мальчишку, спешащего в школу, купить мне питу, уселся со своим завтраком возле окна и стал рассматривать наступающий день... Запивая лепешку черным кофе и вглядываясь в лица прохожих, я старался отгадать, чем этот день их одарит. Безусловно, гадай не гадай, а ответа я не получу. Может быть, сумею догадаться о радостях и невзгодах людей, работающих тут же, на Арбате. Они в одно и то же время расходятся по рабочим местам, а вечерами так же пунктуально отправляются по домам. Без трех минут девять под моими окнами прошел аптекарь с такими вызывающе загнутыми усами, какие я бы не решился носить никогда. Он дошагал до своей аптеки и, тщательно отерев ноги, вошел в дверь, коротко перед этим обернувшись и поклонившись молодой девушке, работающей в галантерейном магазине напротив. Эту девушку еще недавно встречал в конце рабочего дня молодой мужчина, но в последнее время я его перестал видеть и по бледности лица девушки догадался, что между ними произошел разрыв. Теперь же аптекарь кланяется продавщице, демонстрируя свои безумные усы, и, может, между ними что-нибудь настроится со временем.

Прямо посреди улицы, удерживая в одной руке стремящийся в небо красный воздушный шарик, с ноги на ногу перескакивал по булыжной мостовой мальчишка-сорванец с физиономией счастливой и безмятежной. Он пережевывал огромную жвачку, вероятно составленную из нескольких, и не было в его мозгу ровным счетом никакой мысли, лишь какая-то праздничная считалочка или припевочка, в ритме которой он и припрыгивал. Лицо мальчишки показалось мне знакомым, но вспомнить окончательно, где его видел, я так и не смог.

Неожиданно из переулка, в котором находится "Комитет по абстрактным категориям", на улицу вылетела пролетка, запряженная парой лошадей, которой управлял здоровенный детина, стоящий во весь рост и

горланящий:

– А ну, посторонись!

Детина был одет в зеленый камзол, в левом ухе болталась огромная серебряная серьга, а из-под кучерявого чуба сверкал черный глаз.

Не прошло и секунды, как пролетка поравнялась с моим мальчишкой, он не успел посторониться, лошади дернули в сторону, и голова подростка каким-то образом попала между одной из оглобель и хомутом правой кобылы. Что-то хрустнуло на всю улицу, и взлетел к небу красный воздушный шар. Пролетку занесло, она некоторое время балансировала на двух правых колесах, словно раздумывала, падать ей или устоять, затем будто решила и мягко легла правым боком на мостовую.

От неожиданности я оторопел и безмолвно смотрел на катастрофу, происшедшую под моими окнами.

На мостовой, скривив руки и ноги, сплюснутой головой в луже крови лежал мой мальчишка. Рядом ходил возница и, простирая руки к собравшейся толпе, умоляюще говорил:

– Не виноват я! Не нарочно я! Ну верите мне, люди?!

Сквозь толпу зевак к убитому мальчишке протиснулась какая-то баба и, поставив к его ногам сумки с покупками, наклонилась к голове несчастного.

– Мой, – как-то буднично произнесла она и, разведя руками, сказала всем:

– Вот как бывает.

– Не виноват я! – канючил детина. – Он сам, под колеса!..

В ужасе я отпрянул от окна, включив заднюю скорость. Колеса коляски во что-то уперлись, и она чуть не опрокинулась вместе со мной. Затем я несколько минут просидел в ванной, подставив щеки под струю холодной воды, как бы смывая чудовищную картинку, и пытался прийти в себя.

Когда же я вернулся к окну и выглянул из него, то новому моему изумлению не было предела. На улице ровным счетом ничего не было. Может быть, я неудачно выразился, я имею в виду, что следов катастрофы не было. Их не существовало даже намеком! Не лежал на мостовой мой мальчишка с раздавленной головой, не нудил детина и не убивалась осиротевшая мать... Все-таки у мальчишки было очень знакомое лицо!.. В остальном на Арбате все было по-прежнему. Я увидел спешащего в свою аптеку аптекаря с лихо закрученными усами и заметил, как он кивнул девушке из галантерейного магазина. Вероятно, в ближайшем будущем между ними случатся отношения.

И тут я поймал себя на мысли, что аптекарь зашел в свою аптеку еще до случившейся катастрофы, что я уже видел его сегодня входящим! И продавщицу из галантерейного магазина с бледным от любовных горестей лицом тоже уже видел!

Милая Анна! Никак не могу прийти в себя от увиденного, а самое главное, не в силах осознать, что же все-таки случилось! Может быть, вам придет в голову какое-нибудь простенькое объяснение! Жду вашей версии!

Что меня еще очень волнует, так это что мой товарищ Бычков пропал. Вот уже трое суток, как от него ни слуху ни духу! Вы можете, конечно, возразить мне, что три дня отсутствия – это вовсе не срок для взрослого мужчины. Ну мало ли какие могут существовать у него дела, тем более что он намекал на возможность возникновения неких личных отношений!.. Но не тот человек Бычков, чтобы исчезнуть на семьдесят два часа и не предупредить меня об этом. Такого никогда не случалось за все шестнадцать лет нашего товарищества. Даже когда Бычков был на войне, он звонил мне по космической линии каждые два дня, справляясь, все ли у меня в порядке и не нужно ли мне чего. Так что я очень волнуюсь по поводу Быčkoва! Не случилось ли с ним чего-нибудь опасного!..

Название конструкции моей коляски – "Тояма". Разработана она была в Японии, там же и произведена под руководством конструктора Ситосиши. Преимущество этой коляски заключается в том, что ею можно управлять, будучи парализованным почти на сто процентов. Самое главное, чтобы частично шея двигалась или на худой конец язык. Поддвигающийся орган закрепляется чрезвычайно чувствительный тумблер, который реагирует на каждое к нему прикосновение. Если хочешь ехать налево – тронь тумблер влево, хочешь направо – толкни языком вправо, и так далее.

Безусловно, мне такое приспособление не нужно, так как, слава Богу, работают руки. Но есть и другое преимущество у моей коляски, если вы успели заметить. Ее внешний вид внушает уважение каждому встречному, потому что произведена она из титанового сплава, колеса на толстой рифленой резине, а из аккумулятора торчит похожая на военную антенна, способная принимать сигналы от дистанционного управления на тот случай, если человек парализован абсолютно. Прохожий уверен, что в коляске находится важная персона. Либо титулованный спортсмен, либо ученый...

К сожалению, я не принадлежу к категории спортсменов или ученых, а коляска досталась мне чудом. Наше районное отделение по нарушениям в опорно-двигательной системе посетил конструктор Ситосиши. Он читал нам лекцию по уходу за своим телом в условиях частичного или

полного паралича.

Мы много слышали всяких разных лекций от всевозможных светил науки и медицины, но в глазах конструктора Ситосиши имелась какая-то особая сердобольность, отличающая его от других лекторов, какие-то очень душевные взгляды бросал он на присутствующих. Не страдает ли у него какой-нибудь родственник схожей с нашей бедой! – подумал я. – Не случилось ли с самим конструктором такое же несчастье, родившее в нем столь теплый отзыв, который даже в голосе переводчика был различим?

И конечно же, я оказался прав. Уже после лекции я осмелился подъехать к конструктору и любопытствовал о его житье-бытье. И что вы думаете?! Когда я задал ему свой сакраментальный вопрос, глаза Ситосиши увлажнились и он сообщил мне, что двенадцать лет назад его любимая бабушка Киоке, которая заменила конструктору мать, погибшую на войне, попала под машину. Травма была настолько серьезна, что бабушка осталась парализованной на девяносто восемь процентов. Для нее-то и сконструировал любящий внук столь чудесную коляску, и по сегодняшний день перевозящую девяностовосьмилетнюю Киоке по ее надобностям.

– Ах, насколько вы проницательны! – удивился конструктор Ситосиши. – Вероятно, ваш недуг развил в вас способность делать умозаключения в тех ситуациях, мимо которых обычный человек пройдет равнодушным.

Он похлопал меня по плечу и растроганно сказал:

– Я привез в Россию два образца моих изобретений и один из них хочу преподнести вам!

Он взмахнул рукой, и в комнату внесли большую коробку, в которой и оказалась моя коляска.

– Она называется – "Тояма". Ездите на ней и вспоминайте мою дорогую бабушку Киоке. Это она вам дарит коляску!

Таким удивительным образом и появилось у меня это чудо конструкторской мысли, которое, как я узнал позже, должно было принадлежать летчику-испытателю, счастливо успевшему катапультироваться на салоне в Ле Бурже.

После месячного турне по России конструктор Ситосиши успел вернуться в Токио, чтобы похоронить бабушку Киоке, скончавшуюся в одночасье.

Нашей милой коровушке Асе непременно нужно выйти замуж, так как процессы, происходящие в организмах женщин этого возраста, должны находиться под контролем мужей, способных успокоить и удовлетворить их эмоциональные всплески. Конечно же, шахтеры для этого особенно

подходят!..

Неприменно советую вам приобрести телевизор, так как, анализируя чужие мыслительные процессы, вы можете набрести на мысль оригинальную, никому до этого не знакомую! Фантазируя же вне информационного поля, вы рискуете прийти к выводам, которые уже давно сделаны, и очень расстроиться от бесцельно потраченного времени.

Испытываю особенную благодарность к вам за то, что вы заставили меня обратиться к эпистолярному жанру. Постепенно начинаю испытывать некое подобие литературного вдохновения, особенно в процессе непосредственного изложения. Честно говоря, чернильным прибором более не пользуюсь, так как шариковые ручки все же удобнее, да и чернила скорее переводятся, нежели паста в стержнях, а часто выходить на улицу хлопотно для меня.

Опять пренеприятно чешется рука!..

Все же мне очень интересно ваше мнение по поводу происшедшей под моими окнами катастрофы.

С этим прощаюсь с вами.

P.S. Высылаю свою фотографию. На качестве не взыщите, какая уж есть. В свою очередь ожидаю вашего портрета!

С огромным уважением

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО ПЯТОЕ

**Отправлено 19-го ноября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Ах, не могу понять, как ни стараюсь! Уж не мистифицируете ли вы меня своими рассказами? Уж не хотите ли взволновать бедную женщину потусторонними фантазиями баловства одного ради?! Хотя не скрою, чем более мое сердце стучит от волнения, тем интересней мне читать ваши письма!

В вашем рассказе о катастрофе не все удачно складывается. Вы пишете, что сначала появился мальчишка со жвачкой во рту. Так ведь наличие жвачки говорит о том, что мальчишка абсолютно современен, что он принадлежит нашему с вами десятилетию. К тому же лицо его показалось вам знакомым. Видимо, он жил где-то рядом с вами. Пролетка, которая неожиданно выскочила из переулка, естественно, из лет сильно предыдущих... Сколько я ни ломала над этим несоответствием голову, простого решения найти мне не удалось.

Может быть, случившееся – сцена будущего кинофильма? Не спрятались ли оператор и режиссер на крыше одного из арбатских домов, запечатлевая на "кодак" происходящее внизу?.. Вполне вероятно, что за то время, которое вам понадобилось провести в ванной, дабы привести чувства в порядок, съемочная группа успела собраться и уехать восвояси. Может быть такое? Вполне. Хотя мне почему-то кажется, что это не правильный ответ... Ах, заинтриговали вы меня изрядно!

Ну да Бог с этим... Гораздо более меня волнует ваша рука. Прошел ли зуд?.. Укус слепня не так уж страшен, да и ваш товарищ Бычков трижды прав. Какие в ноябре слепни! Сначала я решила, что вы жертва клеща, но и эти твари столь глубокой осенью в лесах не наблюдались!.. Не знаю, не знаю, может быть, это поздний комар, тем более вы говорите, что стояла небывалая теплынь. Укус позднего комара может быть болезнен, но не опасен. Так что старайтесь укушенное место не расчесывать. Хотя наверняка к тому моменту, как вы получите мое письмо, все пройдет.

Завидую я вам, хоть что-то происходит в вашей жизни. Пусть мистического содержания события эти, но все же куда как интереснее ваша жизнь, нежели моя.

Мне же приходится с утра до позднего вечера проводить возле окна

своего деревянного дома и глазеть на главную улицу нашего поселка. Вероятно, я все же совершила ошибку, поменяв свою городскую квартиру на этот дом. Была уверена, что в поселковой местности, в ее скучности, мой недуг не будет столь мучить меня постоянным сознанием несостоятельности перед окружающим миром, в котором все движется и переменяется. Поначалу все было так, как я предполагала. Статичность картинок сельской жизни более не подчеркивала моей физической неполноценности. Мир вне города сам как будто парализован, в нем нет ни суеты, ни бессмысленных передвижений, все уныло и скучно, как и в голове инвалида. Продукты закуплены на долгие времена, а потому часто выезжать со двора на грязюку поселковых дорог нет необходимости... А потом, в поселке я никого совершенно не знаю близко, и поэтому не приходится разговаривать с товарками на темы для меня болезненные. Слава Богу, еще ни одна дура не поинтересовалась, каково мне без мужчин и как переживает свое одиночество моя муши... (Это по-немецки то же самое, что по-русски кунка, а по-английски – пусси.) Извините, конечно, за такие подробности, но буквально так спрашивала меня моя петербургская подруга, тоже немка.

С другой стороны, именно подвижности, глупой городской сумятицы не хватает мне в поселке. Частенько хочется заплакать оттого, что под окнами не проезжают троллейбусы, перескакивая своими рогами с одних проводов на другие, не тренькают ночные трамваи, развозя полуночников по теплым постелям, не сигналият автомобили... Хочется слышать шум толпы, тарахтенье вертолетов и детский смех...

Простите меня за столь сентиментальное отступление. Со мною случается это крайне редко. Вероятно, вы правы, нужно приобрести телевизор и впериться в него, пересматривая все, от глупых детективов до мучительных эротических программ.

Поставила на стол вашу фотографию и смотрю прямо в ее глаза. Стараюсь понять – мучают ли вас те же самые проблемы, что и меня?.. Я вовсе не имею в виду сложности, связанные с нашим общим недугом, нет. Я просто мечтаю о нашей психологической общности, о похожести взглядов на вещи простые и сложные, ищу в вас друга. Может быть, я поспешна, но так хочется, чтобы кому-нибудь можно было рассказать все.

Третьего дня обнаружила возле своих дверей чемодан. Вернее, это не чемодан, а что-то похожее на футляр музыкального инструмента, вот только какого, не понимаю. Футляр достаточно большой, обитый черным бархатом и изрядно тяжелый. Мне он показался сначала странным, но в чем эта странность выражается – было непонятно. Я оглядела все вокруг,

однако никого, кто бы мог поставить его возле моих дверей, не обнаружила. Поэтому я внесла находку в дом и оставила при входе. Хозяин футляра, вероятно, за ним скоро вернется, подумала я, но вот уже третий день забытая вещь стоит возле порога и притягивает мои взгляды своей брошенностью.

Просмотрела все бесплатные газеты – не приезжал ли к нам в последнее время в поселок какой-нибудь оркестр или ансамбль, но никакой такой рекламы не обнаружила... Как вы думаете, может быть, передать футляр с почтальоншей в стол находок, если таковой имеется в Шавыринском?

Евгений! Должна с восторгом сообщить, что рука ваша мужает с каждой строчкой, что даже мой опытный взгляд не может отыскать в письме стилистических неловкостей и завихрений, если уж только нарочно придирается... Ваш стиль очень схож с моим, и я немножечко горда, так как я, и только я заставила вас писать, вдохновив собственным примером. Вы просто молодец!

Опять смотрю на вашу фотографию и ловлю себя на мысли, что так скоро привыкла к портрету, как будто он стоял на моем столе всю жизнь.

Опишите мне, пожалуйста, эротическую программу. Каков процент в ней пошлости, а каков искусства, если таковое имеется? Может быть, я действительно соберусь и приобрету телевизор.

Что ваш товарищ Бычков? Нашелся или по-прежнему под властью любовного гона?.. Мне почему-то кажется, что он пропал именно по этой причине!

Высылаю вам свою фотографию и честно говорю, что она исполнена десять лет назад, до того как со мною произошло несчастье.

На этом до свидания

Ваша Анна Веллер

P.S. Вероятно, в ближайшем будущем я соберусь с силами и расскажу вам о том, как произошло со мною несчастье.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

**Отправлено 25-го ноября
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Милая, премилая, милая Анна!

Очень и очень ждал вашего нынешнего письма. Вероятно, со мною происходят вещи совершенно нерадостные, и вы единственный человек, которому я могу от души пожаловаться, так как Бычков до сих пор не объявился. Я даже звонил в милицию, но по телефону моего заявления не приняли, да и срок, после которого возбуждают розыск без вести пропавших гражданских лиц, еще не вышел. Так что терпите, Анна, и читайте строки моего уныния и полного недоумения.

На следующую ночь после того, как я отправил вам свое последнее письмо, я засиделся перед телевизором. Как раз была суббота, и по седьмому каналу телезрителей развлекали эротической программой.

Вот какая странность! Программа была продолжительностью в три часа, а пересказать хоть какой-нибудь ее эпизод крайне трудно. Практически не могу подобрать слов даже для начала. Все сводится к простой формуле – к количеству участников в данном эпизоде, к мастерству режиссера, оператора и гримера... Например, две девушки любят друг друга. На пленке запечатлен самый пик их любовных отношений. Они абсолютно обнажены, их тела натерты чем-то блестящим, что походит на любовный пот, глаза полузакрыты, а языки столь длинны и проворны, что добираются до самых интимных и сладких местечек в нашем сознании. Все это под сопровождение мягкой музыки – полутона, прозрачные ткани, капли воды по стеклу, за которым размытые пятна тел, тонкие пальцы, скользящие по груди и оставляющие на ней еле заметные красные полосы. Стройные и спелые бедра, которые вот-вот откроют перед нами самые заветные таинства... Но в тот миг, в то мгновение, когда ваши глаза распахнуты до предела, когда они готовы принять самые главные картины, насытиться и наполниться откровенностью, мастерство оператора, его умелые руки отводят камеру на какие-нибудь второстепенные части тела, например ступни ног, и зрителю приходится в это мгновение лишь прерывисто вздыхать и надеяться, что в следующем эпизоде бедра непременно откроют перед ним сладкие закоулки...

Вот так вот три часа... Когда на экране возникают мужские пары, я отправляюсь на кухню заварить пахучего чая или переключаю телевизор на другой канал, хотя бы на новости.

Вот так вот три часа...

Ночью я вновь проснулся от зуда в руке. На этот раз чесотка была столь нестерпима, что я, сжав зубы, с трудом залез в коляску и покатил в ванную за антисептической и болеутоляющей мазью, хранящейся в моей аптечке. Крышечка от долгого лежания мази прикипела к тюбику, я напрягался, открывая ее, но вместе с тем точно знал, что никакая боль, никакая зараза не устоит перед этой китайской смесью, которую привез мне с войны Бычков.

– Это чудесная мазь! – восклицал мой товарищ. – Она незаменима при всяких воспалениях в теле и костях. Пользуйся ею смело, и ты будешь здоров всегда!

В довершение столь убедительной рекламы Бычков рассказал, как его в песчаном окопе укусила в большой палец ноги гюрза, как он уже готовился к встрече с потусторонним, шепча молитвы, но тут ему на помощь пришел военный священник, натер укус пахучей мазью, и – о чудо! – рана затянулась в минуту, а яд был нейтрализован...

Наконец мне удалось открыть тюбик и выдавить из него на полпальца коричневатого геля, в который я обмакнул вату, накрученную вокруг спички, и поднес к больному месту.

То, что я увидел, крайне огорчило меня. На месте укуса выросла какая-то шишечка, величиной с большую конфету-драже. Да и цветом походила на нее же – переливалась от бордового на верхушке до синеватого в основании. Я с вниманием разглядывал это новообразование, сомневаясь, что бычковская мазь в данном случае мне поможет, но все же попробовал. Я нанес часть на самую опухлость, а другую вокруг ее основания, потихоньку втирая. Шишка на ощупь казалась твердой и очень теплой. На мгновение я подумал, что это просто нарыв, и хотел было его выдавить, но что-то остановило меня. То ли давние предупреждения, что ничего выдавливать нельзя – инфекция может разнестись по телу, то ли что-то еще, неосознанное...

Нанеся мазь, я на всякий случай стал активно дуть на руку, боясь, что будет щипать. Но ничего такого не произошло... Я еще некоторое время полюбовался на шишку, а затем покатился обратно в спальню, с удовольствием отмечая, как зуд постепенно сходит на нет, сменяясь ровным и приятным теплом.

– Ах, чудо-мазь, – радовался я, засыпая. – Не подвела!..

Еще перед сном я подумал, что дружба – самая великая на свете вещь! Иной раз вдохнешь грудью и замираешь до слез от осознания того, что у тебя есть такой добрый и надежный друг, как мой товарищ Бычков! Как мне хочется, чтобы и вы, милая Анна, стали моим добрым и верным другом, коим и я хочу быть для вас!..

Той ночью мне было суждено проснуться еще раз и уже ни на минуту не засыпать до утра. Нет, разбудила меня на этот раз не боль и не зуд. Сначала я даже не понял, что выбило меня из сна, какая такая сила способна на это?.. Но тут же вспомнил про шишку, включил свет и, закатав рукав пижамной куртки, стал рассматривать ее, закрасившуюся в один цвет – какой-то серый с зеленоватым отливом. Мне показалось, что шишка немного подросла и стала уже размером с лесной орех фундук. Я дотронулся до нее, надавливая потихоньку сверху указательным пальцем, но внезапно почувствовал, что новообразование еще больше затвердело, а затем под натянувшейся кожей что-то зашевелилось, сопротивляясь моему пальцу. От удивления я отдернул руку и вскрикнул.

Господи, что же это такое?! – крутился вопрос в моей голове. – Неужели все-таки клещ прокусил руку?!.

Я внимательно смотрел на шишку, стараясь уловить в ней движение, но клещ или что-то там еще теперь не подавало никаких признаков жизни.

Ах, ты!.. Может быть, мне все это показалось? – с надеждой подумал я и было уже собрался откинуться на подушки, как в шишке опять что-то дернулось, и я отчетливо увидел, как какая-то тварь толкает кожу моей руки изнутри, словно пытается вылезти наружу. Инстинктивно я прижал болячку подушечкой большого пальца, но вдруг что-то кольнуло меня под самый ноготь и пронзительная боль ошеломила, окатив подмышки холодным потом.

– Да что же это в самом деле?! – возмутился я вслух.

Я спросил так громко, что возмущенный сосед застучал сверху по железной трубе отопительной системы чем-то металлическим.

Не слишком в этой ситуации владея собой, я дотянулся до телефона и дозвонился до "Скорой помощи".

– "Скорая помощь" слушает. Тридцать первая. Что случилось? – спросил меня внимательный женский голос.

– Меня что-то укусило в руку, – ответил я.

– Что именно?

– Не знаю. Но что-то прокусило кожу и залезло внутрь.

– Куда внутрь? – не поняла оператор.

– В руку, – уточнил я.

– Наш разговор записывается на магнитофонную ленту, – на всякий случай предупредили в "Скорой помощи". – К тому же ваш номер высветился на телефонном определителе.

– Если вы думаете, что я вас в четыре утра надумал разыгрывать, – взорвался я, – то вы заблуждаетесь, милая барышня!

– Давайте еще раз, – устало согласились на той стороне. – Кто вас укусил?

– Я же вам уже ответил, что не знаю!

– Собака, змея, жена?.. – неутомимо выясняла оператор.

– Может быть, клещ, – предположил я.

– Сколько прошло времени с момента укуса?

– Часов восемь.

В трубке зависла пауза, потом, прокашлявшись, женщина сообщила мне, что в это время года клещи не водятся.

– Без вас знаю! – нагрубил я. – Тогда что же это такое?!

– Чешется?

– Нестерпимо!

– Может быть, клопы... Или аллергия. Голова кружится?

– Нет.

– Тошнота?

– Не наблюдается.

– Сколько вам лет?

– Сорок один год.

– Обратитесь завтра к врачу, – посоветовал голос. – А сейчас выпейте снотворное и спите. Тридцать первая желает вам спокойной ночи!..

Спокойной ночи так спокойной ночи, – внезапно успокоился я и выключил свет, чтобы не рассматривать свою беспокойную шишку. – Завтра отправлюсь к хирургу, и он вырежет этот орех под самый корень! – Я совершенно расслабился и очень быстро заснул.

На следующее утро шишка уже не выглядела такой огромной, как ночью. Я с большой осторожностью ощупал ее, но она оказалась какой-то вялой, не толкалась и не кусалась в ответ на провокационные прикосновения.

Был момент, когда я почти передумал идти к хирургу, так как в одиночестве спускаться по лестнице из подъезда на улицу было занятием малоприятным и опасным: однажды я даже перевернулся и пролежал лицом вниз минут десять, пока кто-то не заметил мою аварию и не поставил все обратно – с головы на колеса... Все же я победил свои опасения и, тепло одевшись, выкатился из квартиры на лестничную

площадку. Умело используя тормоз и задний ход, я успешно преодолел шесть ступенек, отделяющих мой первый этаж от улицы, и покатился по Арбату в сторону метро, за которым находится моя поликлиника. На мгновение я задержался возле того места, где несколько дней назад, по вашему мнению, дорогая Анна, происходили киносъемки, и что вы думаете?.. Да-да, на булыжной мостовой, в щелях, я обнаружил ссохшуюся кровь. Уверен, что это именно кровь, кровь, а не какая-то бутафорская краска!..

Катясь по дороге к поликлинике, я грустно думал о пропавшем Бычкове, о странной пролетке, о погибшем подростке, чья кровь еще не стерта временем и подошвами с мощеных тротуаров, и о моей злосчастной шишке.

Вся наша жизнь – череда опасностей, размышлял я, разглядывая молодых людей, несмотря на утро целующихся парочками по подворотням. Беззаботность и высокомерие перед старостью отличает юных. Оттого их жизнь гораздо опаснее жизни стариков. Их подстерегают неожиданные болезни и войны, которые могут свести на нет все мечтания и надежды, тогда как старики отвоевали свое и прожили жизнь, не занедужив теми болезнями, которые преждевременно укладывают в могилу полные любовных соков тела. Пример – мой мальчишка, скакавший с шариком по мостовым, а через мгновение принадлежавший уже миру мертвых.

Мой врач оказался старым опытным хирургом, прошедшим боевые испытания и имеющим военные награды. Выдающегося телосложения, седой, огромный, как памятник, с добрыми глазами пьяницы, он внушал великое доверие, и пациент с детской покорностью вкладывал свою маленькую ладошку в огромную руку гиганта и, не задумываясь, вверял эскулапу свою жизнь.

– Интересная штуковина! – проговорил гигант. – Я бы сказал даже, любопытная!

Облизав губы, хирург чмокнул языком, как будто у него пересохло во рту, и так же, как я накануне, надавил на шишку с разных сторон.

– Выдавливать пробовали?

– Нет, – ответил я. – С детства знаю, что опасно.

– Зря.

– Что зря? – не понял я.

– Если вы подозреваете, что вас укусил клещ, то его надо было давить.

– Но клещи в это время не водятся! – с уверенностью возразил я.

– Будем надеяться.

Хирург опять чмокнул языком, отпустил мою руку и ушел за

медицинскую ширму. Я услышал, как открылся стеклянный шкаф, как звякнуло стекло о стекло, как шумно и долго втекала какая-то жидкость в желудок врача...

Когда хирург появился, лицо его изрядно покраснелось и выражало полную расположенность к дальнейшей жизни. Он с удивлением оглядел меня и спросил:

– Вы что?

– Что? – не понял я.

– Ах, да... – вспомнил эскулап, сел и вновь пощупал мою шишку. – Давайте попробуем выдавить эту гадость! – решил он и, не давая мне опомниться, сдавил шишку между большими пальцами.

– А-а-а! – закричал я.

– А-а! – коротко вскрикнул хирург. – Что это?!

Он вскочил на ноги и, несмотря на свою комплекцию, резво отпрыгнул к окну.

– Что это?! – переспросил он. – Вы что это такое делаете?!.

– Да не я это!.. Я же вам говорил, эта штука сопротивляется. Она вовсе не хочет покидать меня, а потому дает достойный отпор всякому, кто хочет ее насильно выдворить! Вот и мне вчера этот клещ засунул под ноготь свое жало. Видите, даже капелька крови запеклась возле лунки... Говорят, что белые точки на ногтях – к счастью. А вы как думаете?

– Идите на рентген!.. – решил врач, как-то странно косясь на меня. – Потом ко мне.

Он отвернулся и, не дожидаясь, пока я выкачусь из кабинета, удалился за ширму и забулькал чем-то в стакан.

Рентген мне сделали быстро и велели находиться за дверью. Я сидел в своей коляске и терпеливо ждал рентгенолога. Он появился, вялый, на тощих ногах, неся снимок над головой и помахивая им для просушки, кивнул мне, чтобы я следовал за ним.

– Ждите, – сказал он перед кабинетом хирурга. – Вас позовут.

Вероятно, что-то серьезное, – подумал я. – Иначе бы сестра снимок отнесла.

Из-за двери хирургического кабинета доносились приглушенные голоса, но сколько бы я ни прислушивался к ним, разобрать ничего не смог. Зато, как мне показалось, опять зазвякала посуда и забулькала жидкость. За дверью засмеялись, затем все стихло, а через минуту из кабинета вышел рентгенолог и, даже не взглянув на меня, понес свое тело прочь, резво перебирая ногами.

– Молокан!

Услышав этот властный призыв, я смело въехал в хирургический кабинет и затормозил возле стола, за которым сидел врач и что-то записывал в мою историю болезни.

– Ну что, доктор? – заторопился я. – Это опасно?

Хирург кивнул на лежащий рядом снимок.

– Хотите-посмотрите... – предложил он, с трудом сдерживая икоту.

Я осторожно взял снимок и, приликая к нему, еще влажному, пальцами, посмотрел на свет. То, что я увидел, не оставило никаких сомнений.

– Все-таки это клещ! – воскликнул я.

– Это не клещ, – возразил хирург.

– А что?

– *Hiprotomus Viktotolamus*.

– Это что еще?!

– Такой жук.

– Что еще за жук?! – вскричал я, чувствуя, как мною овладевает раздражение. – Делайте, в конце концов, что-нибудь! Режьте его!

– Посмотрите на снимок еще раз. – Хирург оторвался от записей и громко икнул. – Видите тельце жука?

Я кивнул.

– А рога?

– Вижу.

– Теперь внимательно посмотрите на его лапки.

– И что? – не понимал я, что есть силы всматриваясь в контуры жука.

– А то, – пояснил эскулап. – Жука вырезать сейчас нельзя. Видите, от каждой его лапки тянется белая ниточка?..

– Ну? – не понимал я.

– Эти белые ниточки – ваши нервы. – Врач взял из моих рук снимок и поместил его на световое панно. – Вот эта ниточка, – он ткнул ручкой в правую лапку жука, – эта ниточка – нерв, отвечающий за подвижность вашей руки. Вот эта, – перо уперлось в левую лапку, – это нерв, уходящий напрямиком к коре головного мозга... И все остальные нервы идут к мозгу.

Хирург отошел от панно, сел за стол и прислушался к своему брюху, явно удовлетворенный, что икота прекратилась.

– Так что все это значит?! – обозлился я вконец, ничего не понимая.

– А то, что жука трогать нельзя, – пояснил врач. – Раньше надо было. Сейчас *Hiprotomus Viktotolamus* успешно сросся с вашей нервной системой и стал ее принадлежностью. – Он поднял указательный палец, упреждая мой следующий вопрос. – В истории медицины описано четыре таких

случая, ваш пятый. В одном случае жука вырезали и через два дня пациента парализовало... – Хирург оглядел мою коляску. – Парализовало и по рукам, и по ногам. Во втором жука прогревали магнитными полями и мучили лазерным лучом. Пациент оглох на правое ухо и ослеп на правый глаз. В третьем больному прописали мультиантибиотики, и на шестой день у него началась атрофия мозга...

По мере того как хирург описывал мне человеческие драмы, а я примерял их на свою персону, ужас охватывал все мое существо. Я уже чувствовал, как мои руки, наливаясь тяжестью, отказываются подчиняться командам мозга, а мозг в свою очередь не желает давать команду рукам.

– Что было с четвертым? – спросил я обреченно.

– Четвертого решили не трогать, – ответил врач. – Оставили жука в покое, и он практически не беспокоил хозяина.

– Что значит – практически?

– Иногда у пострадавшего наблюдалось некоторое раздвоение. Он чувствовал в себе собеседника и разговаривал сам с собой.

– Вслух?

– Нет. Мысленно, как бы телепатически.

– А о чем были разговоры?

Хирург отер пот со лба и уложил влажную ладонь на мою историю болезни.

– Четвертый пациент был ярким сторонником перевода России на Метрическую систему, а жук приводил доводы, из которых следовало, что этого делать не надо.

– Интересно.

– Россия – страна особенная. За много веков человек в ней привык к верстам и фунтам, а потому зачем все переменять? Пусть все будет как будет. Ишь ты, левостороннее движение им наше не подходит! – Доктор усмехнулся. – Мало ли что нам у них не нравится!

– Это жук так говорил?

– Это я так говорю! Я за наши версты две пули в животе имею! Понадобится, и третью приму!

– Мы тоже в тылу не отсиживались! – сказал я. – Тоже внесли за версты свою лепту!.. Что вы все-таки мне посоветуете делать с жуком?

Хирург откинулся на стуле, поколебав прочность конструкции, и пристально посмотрел на меня. В его взгляде появилось что-то суровое и мужественное. Взгляд призывал к единению и к радости общности в самом важном событии нашего времени.

– Там подвижность потеряли? – спросил врач.

Я кивнул.

– На Маньчжурском сочленении?

– На Малоазиатской равнине, – уточнил я.

– Пуля? Осколок?

– Стрела. Между пятым и шестым позвонком застряла. На четвертый месяц войны.

– Выпьете? – с беспредельной лаской в голосе спросил хирург.

– Я не особо сентиментален.

– А я выпью.

Хирург отправился к стеклянному шкафу и оттуда заговорил о том, что о природе *Hiprotomus'a Viktotolamus'a* никто толком не знает, прогнозировать деятельность жука сложно, но все же волноваться преждевременно не стоит, так как мы солдаты.

– А что со сторонником Метрической системы?

– А то вы не знаете, – ответил из-за ширмы хирург. – Двадцать лет тюрьмы. – Он появился, чмокая губами, а изо рта у него несло валерьянкой. – Это на случай директора, – пояснил эскулап, указывая пальцем себе на кадык.

– Что с жуком, я имею в виду?

– Этого нам не сообщают.

Я тронул рычажок управления на "Тояме" и откатился к дверям кабинета.

– Поеду.

– И что, никаких перспектив? – Доктор кивнул на коляску. – Физиотерапия какая-нибудь?.. Если что надо, я поспособствую...

– Спасибо...

Я выкатился в коридор и услышал вслед:

– Только не мажьте жука ничем!

Я катился по Арбату и вновь размышлял о превратностях судьбы. Теперь я не один, теперь у меня появился жук, который, возможно, в скором времени начнет со мною разговаривать о ненужности для России Метрической системы и правостороннего движения. А я и без жука это знаю, кажется, до сих пор чувствую, как стрела вонзилась в мою спину, дробя кость...

Возле самого дома я купил большую питу с жирными кусочками курицы и попросил налить в лепешку побольше кетчупа.

– Наливайте, сколько вам нужно. – Ларечница-гречанка кивнула на большую пластмассовую бутылку.

Я взял ее, сжал над лепешкой, бутылка хрюкнула и вывалила мне в

питу кетчупа, которого бы хватило на пять таких лепешек. Соус потек по моим ладоням, я наклонился над мостовой, предоставляя сочным красным каплям свободно стекать на брусчатку, и при этом громко чертыхался.

– Возьмите салфетки!

Гречанка протянула мне бумажное полотенце, и я, вытирая руки, смотрел на окрасившуюся кетчупом мостовую и вдруг опять вспомнил моего мальчишку, а также кровь, застывшую на месте катастрофы.

А может быть, это вовсе не кровь? – подумал я. – Может быть, это обычный соус, а мальчишка – плод моей фантазии?

И вдруг меня озарило.

А что, если это жук? Что, если смерть мальчишки под допотопной пролеткой есть воздействие жука на мой мозг?! Вполне вероятно, что уже тогда он сросся с моей нервной системой и дергал за нервы, как опытный кукловод за ниточки, вызывая во мне ирреальные картины?!

Осмывая столь неожиданный вывод, я машинально залез левой рукой под правый рукав рубашки и слегка ощупывал и поглаживал шишку, как будто привыкал к своему новому знакомцу, после того как узнал о нем что-то важное, вызвавшее во мне уважение и некое подобие симпатии. Словно почувствовав мои настроения, жук кольнул меня своим жалом, но не больно, а слегка, даже, можно сказать, нежно, как бы подтверждая правильность моих выводов и выражая ко мне взаимную приязнь.

Ах, милая Анна!

Если бы не ваша фотография, которую вы мне любезно прислали, не ваша чудесная красота, которую я вспоминаю столь часто, сколь позволяют мне сложившиеся обстоятельства, я бы совершенно пал духом.

Я смотрю на вашу фотографию и черпаю силы... Ваш полный чувственный рот слегка приоткрыт, взгляд юных глаз столь неожиданен, что дрожь прокатилась по всем моим членам, когда я впервые столкнулся с ним!..

Знайте, я очень часто смотрю на вашу фотографию!

Милая Анна! Мне сложно судить о том, правильно ли вы сделали, что сменили городскую квартиру на деревенский дом. Я, например, совершенно не перевариваю идиллических картинок сельской жизни. Я даже не люблю молока из-под коровы, а предпочитаю пить его из пачки, будучи уверенным, что оно пастеризовано. Я абсолютный горожанин, влюбленный в нескончаемую суету мегаполиса, с его дикостями и цивилизацией, с его постоянной бодростью трудоголика и бесконечной вереницей незнакомых лиц. Поэтому я понимаю вашу грусть по троллейбусам!

Не колеблясь покупайте телевизор! Он хоть отчасти поможет вам разрушить сельскую тишину!

До свидания!

Заканчиваю это письмо, чтобы тотчас начать следующее!

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

**Отправлено 30-го ноября
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Дорогой Евгений!

Если еще недавно я была уверена, что вы меня в силу каких-то причин мистифицируете, то сейчас всеполностью убеждена в достоверности происходящих с вами событий!

Прочтя ваше письмо, я тотчас натянула на руки резиновые перчатки, которыми пользуются во всем мире уборщицы, а также посудомойки, и выкатилась на своей коляске на улицу. Погода сейчас стоит промозглая, самая что ни на есть осенняя, а перчатки оберегают руки от грязи, от мерзкого проникновения ее под самую кожу... Честно сказать, я направилась в шавыринскую библиотеку, где заказала себе медицинскую энциклопедию. Пролистав ее в нужном месте, я так и не нашла *Hiprotomus'a Viktotolamus'a*, а потому, собравшись с силами, доехала до местной клиники.

Откровенно говоря, делать мне это вовсе не хотелось, так как мой врач, Ангелина Войцеховна, женщина лет сорока пяти, отличается суровостью характера, переизбытком мужских гормонов в мыслях, а вследствие этого некими нетрадиционными пристрастиями к особям женского пола, с каковыми частенько приходится бороться, дабы не стать их жертвой. К этой характеристике можно еще присовокупить, что она на досуге исполняет обязанности медэксперта в уголовной полиции нашего поселка.

– Ах, милочка моя! – Ангелина Войцеховна наполняет свой взгляд безмерным состраданием. – Сколь несправедливо бытие! Как зачастую сурово обходится с нами жизнь! Сколь часто я вас вижу, столь мне хочется приласкать вас, обнять крепенько! Как вам, вероятно, трудно приходится, когда нет рядом сильного друга, способного облегчить ваши страдания и утолить жажду чувственного наслаждения!

– Ангелина Войцеховна! – отвечаю я в таких случаях. – Я девушка сильная и справлюсь с трудностями. Да и тело мое в том месте, которое вас интересует, ничего не чувствует вовсе, поэтому я в такие минуты представляю из себя хоть и красивый, но все же труп! Я же вам об этом говорила!

– Это правда? – всякий раз спрашивает врачаха.
– Абсолютная, – подтверждаю.
– Ах, несчастная! Неужели – труп! – вздыхает она, и на этом обычно заканчиваются ее маленькие странности.

Дорогой Евгений!

Сейчас я вам косвенно призналась, что мне, к несчастью, недоступны некоторые женские радости, но я вовсе не стесняюсь этого перед вами, так как знаю, что и вы спинальный больной, что и ваши бедра холодны и нечувствительны, как мрамор... Однако мы с вами люди сильные и на своем опыте знаем, что чувствительность нервных окончаний не есть самое главное в природе ощущений. Есть еще и душевные окончания, способные ощущать более тонкие материи... Однако в сторону отступления!

Я поинтересовалась у Ангелины Войцеховны *Niprotomus*'ом *Viktotolamus*'ом, и она подтвердила существование такого насекомого, крайне редко встречающегося в природе.

– А что такое? – спросила она вяло. – Откуда вы знаете про него?

– Да ничего, собственно. В научно-популярной периодике встретился.

– Ага, – поняла врачаха и потеряла ко мне всяческий интерес.

Не знаю, Евгений, жалеть мне вас или, наоборот, завидовать. Если верить столь небольшой статистике об этом насекомом и применить ее к вам, то следует, что в вашем организме могут происходить и, вполне вероятно, уже происходят изменения, способные развеять скуку. Пример тому – случай с мальчишкой!.. Поэтому советую вам не вешать носа, а наоборот, настраиваться на самое интересное будущее, о котором мне важно знать все!

На этот раз не собираюсь жаловаться на свою скуку, так как и следа от нее не осталось. Во-первых, мне очень помогают ваши письма, без которых я уже вряд ли представляю свое существование. Нет, правда! Особенно меня вдохновила описанная вами эротическая сцена. Вы подали ее так тонко и неплотно, а вместе с тем чувственно, что я удостоверилась в вашей мужской сущности и в том, что, несмотря на несчастье, происшедшее с вами, мужское сохранилось в вас, не претерпев роковых изменений.

Очень болела за вас, когда читала те строки, в которых вы говорите врачу, что причина вашей неподвижности – стрела!

Я знаю об этом, вернее, я читала и смотрела различные кинофильмы о том, как японцы стреляют из своих национальных луков в русских. Еще я знаю, что делают они это в исключительных случаях, когда хотят выказать особое уважение к врагу, к его будущей смерти. Если я правильно

информирована, самураи практикуют два вида стрел – серебряные и золотые. Золотые берегутся для особо выдающегося солдата. Если это не секрет, то напишите мне, пожалуйста, какой стрелой вам повредили позвоночник...

Третьего дня мне пришел телевизор. Ах, да!.. Я же вам еще не сказала, что выписала телевизор по почте. И представьте себе, раздается утром звонок, и рабочие вносят его, черный и большой, в мой дом. Руководила рабочими почтальонша Соня, очень тактичная к моему недугу, а оттого желающая быть мне другом. Люди маленького роста почему-то всегда хотят дружить, и Соня тоже не исключение. А я вовсе не против перебраться словечком-другим с кем-нибудь на досуге.

– Я очень рада за вас, Анна! – сказала Соня, когда мы выбрали для телевизора место около зеркала и, включив его, уселись за столом выпить по рюмочке. – Я, честно говоря, боялась, что вы окончательно затоскуете. А так хоть будете следить за событиями, происходящими в мире.

– Вот что, Соня! – сказала я почтальонше, щелкая пультом. – Тут я как-то нашла на пороге дома ящик или футляр. Не знаю, что с ним делать.

– Какой ящик? – удивилась Соня.

– Да вот он стоит, у дверей! Станный какой-то!..

Соня приблизилась к футляру и принялась рассматривать его, впрочем не приближаясь вплотную.

– Бархатом обит черным! – констатировала почтальонша. – Чего в нем странного?

– Есть ли у нас в Шавыринском стол находок?

– Нету, – уверенно ответила Соня. – У нас в Шавыринском никогда не было стола находок. Открывали?

– Нет, – ответила я, снова щелкнув пультом.

– Зря.

– Вещь чужая.

– Но ведь хозяина нет, – возразила Соня, присев на корточки и поглаживая бархат футляра ладонью. – А что, если в ящике взрывное устройство?!

– Какие глупости, Соня! – рассмеялась я.

– Зря смеетесь! – обиделась почтальонша. – Японцы во время войны такие штучки выдывали! Вот мой брат Владимир Викторович был сапером во время войны...

– Война пять лет назад закончилась! – прервала я. – И потом, если в ящике бомба, зачем его открывать? Ведь взорвется же! В ваших словах нет логики!

– Это верно, – согласилась Соня, убирая от ящика руки. – Логика мало... Может быть, брата позвать?.. И потом, что будете делать с футляром?

– Не знаю, подожду несколько дней, вдруг хозяин объявится. А брата звать нет необходимости.

– Может, и объявится, – согласилась почтальонша, раскланиваясь в дверях. – Вы бы хоть газетку какую выписали или журналчик иллюстрированный!

– Так у меня же теперь телевизор!

– Телевизор телевизором, а пресса прессой! Ну да дело ваше!

Соня ушла, а я четыре часа кряду просидела перед телевизором, смотря наперебой все каналы, отрывая по пять минут от каждого, словно боясь пропустить что-нибудь интересное, чего уже никогда не увижу.

Поздним вечером, лежа в своей кровати, я прислушивалась к звукам осеннего дождя. Люблю осенний дождь. Есть в нем какой-то драматизм, какое-то бесконечное уныние, тоска по потерянному цветению. Тихое "ш-ш-ш-ш" за окном убаюкивает, и кажется, что все цветные минуты жизни уже позади, что осталось время лишь для того, чтобы осмыслить красочные мгновения и признаться – принесли ли они тебе удовлетворение или оставили даже воспоминания обездоленными... Ах, далее я заставляю себя не думать, так как очень боюсь неутешительных для себя признаний. В такие минуты хочется безудержно рыдать, ища мокрым носом руки матери, тыкаться ей в грудь, чтобы она защитила тебя, приласкала, отогнав лишь одной улыбкой твои проблемы и посмеявшись над ними, как над несуществующими мифами, успокоила бы, что жизнь твоя только начинается, что все еще впереди, и радости еще придут, и настоящие невзгоды...

Моя грусть по матери постепенно прошла, растворилась в тихом шорохе дождя, оставив лишь сладкое, щемящее чувство жалости к себе. Так жалеет себя ребенок, которого несправедливо обидели, и он обещает еще всем доказать свою исключительность.

Ах, мамочка моя, мамочка!

Неожиданно странный звук привлек мое внимание. Как будто что-то треснуло или надломилось.

Может быть, кто-то ходит под окнами? – предположила я и замерла, вслушиваясь в улицу. – Какая-нибудь веточка хрустнула под ногой незнакомца?..

Но все было тихо в природе, лишь стекала с неба вода, унося в недра земли следы осеннего тления.

Вероятно, мне показалось, успокоилась я и почти уже заснула, как вдруг звук повторился, и на сей раз я поняла, что рожден он вовсе не за окном, а происходит как раз в моей комнате.

Бывают такие моменты, когда пугаешься совершенно жутким образом, когда захватывает все твоё существо волна ужаса и никакие вмешательства рассудка не способны удержать тебя от животного страха. Ты находишься во власти химических процессов и цепенеешь до тех пор, пока организм не привыкнет к адреналину.

Именно таким образом испугалась я. Сжав простыни, приподнялась на руках в кровати и с раскрытым ртом ждала то ли повторения звука, то ли появления в своей комнате чего-то ужасного. Шея моя вспотела, живот окаменел, а глаза вглядывались в темноту, напрягаясь до лопающихся сосудов, стараясь вычислить в ночи место, где прячется это "что-то" и откуда последует нападение.

Надо включить свет! – вертелось у меня в мозгу. – Включить свет!

Но вместе с этим я боялась даже шевельнуться, словно надеялась, что, если замру, меня не смогут обнаружить, как будто моя неподвижность станет лучшим камуфляжем и спасет меня.

Щелк, щелк! – раздавалось в комнате отчетливо.

Такой звук получается, когда щелкают пальцем о палец, подзывая кого-нибудь. Глаза у меня были на мокром месте, сердце трепыхалось, я хотела закричать, но горловой спазм помешал это сделать, я лишь зашипела отчаянно, зажмурилась и приготовилась к самому ужасному.

Щелк, щелк!

– Мамочка, мамочка! – зашептала я.

Щелк, щелк! – казалось, раздавалось над самым ухом.

Да что же это в самом деле! – внезапно разозлилась я. – Какого черта я испугалась! Да и кого, в конце концов!

Я открыла глаза, нащупала рукой выключатель и с силой нажала на кнопку, впуская в комнату свет. Второй рукой я инстинктивно прикрыла лицо, как бы защищаясь от предполагаемого удара, но, когда стоваттная лампочка осветила все углы, обнаруживая в каждом привычную пустоту безо всяких угроз и посторонних, я внезапно засмеялась тихонько, чувствуя, как сердце постепенно замедляет свой ход, а плечи остывают от жаркого пота.

Какая все-таки глупость – ночные страхи! – подумала я с удовольствием и радостно посмотрела на большой черный телевизор, сейчас молчаливый и с нетерпением ожидающий следующего утра.

Щелк, щелк! – раздавалось снова.

Сердце мое забилося с удвоенной силой, но теперь было светло, и я держала себя в руках, вершок за вершком оглядывая комнату. Стол стоит как обычно, шкаф с одеждой на месте, зеркало, отцовская гитара на стене, черный футляр...

Щелк, щелк!

И я поняла!.. Я наконец поняла – звуки исходят из этого ящика, из этого футляра, так скромно стоящего возле двери. Это из него что-то щелкает, как будто призывая к чему-то.

Что же это может быть? – спрашивала я себя. – Какое-нибудь животное? Птица какая-нибудь щелкает клювом, призывая на помощь? Попугай, например... Или часы... Господи! – внезапно осенило меня. – Что, если Соня права, и в ящике мина, которая по какой-то причине заработала и вот-вот взорвется! Не зря ли я отказалась от помощи Владимира Викторовича?..

Щелк, щелк!

Нет, – решила я, отметая версию с миной. – Так часовой механизм не работает. Да и кому надо меня взрывать! Обойдемся без Владимира Викторовича! Нечего сидеть, надо набраться смелости и проверить в конце концов, что в этом ящике!

Я перебралась с кровати на коляску и подкатилась к футляру. Он стоял на том же месте, что и накануне, но сейчас от него исходило что-то зловещее, пугающее, или мне так только показалось после пережитых страхов.

Я обернулась на окно, штора была распахнута, давая возможность свежему воздуху спокойно проникать в комнату, и я подумала, что если кто-то сейчас смотрит в мое освещенное окно, то, вероятно, перед ним открывается странное зрелище – абсолютно голая женщина с нечесаными волосами в кресле-каталке раскатывает среди ночи по дому... Я похожа сейчас на ведьму...

Щелк, щелк!

Я смотрела на бархатный футляр, словно хотела проникнуть сквозь его стенки, осветить рентгеновскими лучами своих глаз таинственные внутренности, щелкающие непонятно чем, и тут мне стало ясно, почему он показался вначале странным.

На нем же нет никаких запоров! – удивилась я. – Ни одного замочка или щеколдочки! Как же он тогда открывается?!

Я провела по верху футляра ладонью, но ни выпуклостей, ни каких-нибудь скрытых кнопочек или крючочков не обнаружила. Ничего подобного не было ни с боков, ни даже на дне. Я попыталась отыскать хотя

бы щель между крышкой и футляром, но и ее не существовало. Только ноготь с треском обломил.

Щелк, щелк! – донеслось из футляра вновь.

Да и черт с тобой! – разозлилась я. – Хочешь щелкать – делай это во дворе! Буду я с тобой церемониться!

Я вытолкнула ящик в коридор, затем, открыв входную дверь, столкнула его с крыльца в темноту. Он прокатился по ступеням и скрылся в крыжовенных кустах.

– Вот так! – сказала я с удовлетворением.

А засыпая, подумала, что если в ящике какой-нибудь ценный музыкальный инструмент, то он непременно погибнет под дождем.

Должна сказать вам, Евгений, что у меня особое отношение к музыкальным инструментам. Мой отец, Фридрих Веллер, был гитарных дел мастером, известным во всей Европе, и после него в моей собственности сохранился один инструмент, который я решила никогда не продавать, какие бы жизненные невзгоды ни преследовали меня.

Знаете, Евгений, в чем заключался гений моего отца? Он был самоучкой. Ни его отец, ни дед даже не обладали музыкальным слухом, а уж о том, чтобы смастерить какую-нибудь скрипочку или на худой конец вырезать из орешника дудочку для ребенка, – об этом и речи быть не могло. И дед и прадед мои были обыкновенными немецкими столярами, проживая жизнь на свое нехитрое рукоделие в местечке Менцель, что находилось в русской стороне в двадцати верстах от города Морковина. Их руки были приспособлены для примитивного столярного дела. Казалось, что красные толстые пальцы могут только сжиматься и разжиматься на ручках рубанка, выстругивая кондовые столы и табуреты к ним. Похожие на ветки деревьев, узловатые и распухшие, эти персты вряд ли могли ласкать или даже щекотать, так они были примитивно устроены.

Помимо отца в семье жили еще четверо детей, и все они были младше Фридриха, к тому же произошли девочками, что не предвещало повышения материального благополучия в семье. За девочками нужно будет давать приданое, а где его взять в достатке, когда за любую работу в Менцеле платят сущие гроши.

Когда отцу исполнилось девять лет, город Морковин посетила труппа бродячих гитаристов-венгров, и вечером в балаганном концерте маленький Фридрих впервые услышал музыку. Также он увидел, с помощью чего эта музыка возникает. Мальчика до глубины души поразило, что из обыкновенных деревяшек, хоть и умело составленных, получаются столь божественные, столь созвучные его душе песни. После концерта, которым

руководил маленький лысый человек, он долго не мог прийти в себя – слабел на обратном пути, бледнел за ужином, затем раскалялся весь вечер и чуть было даже не заболел нервно, продрожав всю следующую ночь под одеялом и бредя пальцами музыкантов, рождающими музыку. Тряска продолжилась и утром, охватив все тело мальчика, а также челюсти, жутко клацающие зубами и угрожающие перекусить язык.

Дабы не потерять единственного ребенка мужского пола, мой дед еще засветло решил отвести Фридриха к музыкантам, чтобы те объяснили происхождение нервной трясучки и немедленно предоставили рецепт избавления от нее. На всякий случай дед прихватил с собою ружье, заряженное картечью, – пригодится, если венгерское отребье не вылечит сына от трясун, – взвалил мальчика на плечи и отправился в Морковин.

Каково же было удивление главы семьи, когда в месте расположения венгерского оркестра в предрассветном тумане он увидел вповалку лежащих музыкантов. Их синюшные лица были в запекшейся крови, а рядом валялись изломанные в щепки гитары.

– Что здесь произошло? – поинтересовался дед у кассирши Гретхен, зевающей в билетной будке.

– Перепились и передрались, – ответила кассирша. – Теперь трое суток будут спать. А, может, кто и того!.. – Гретхен ткнула пальцем в небо. – На том свете уже спит!..

– Мальчика у меня от них трясет, – пожаловался дед.

– От них всех трясет! Стольких девок ночью перемяли! Если бы не лейтенант Штеллер со своими солдатами, то не знаю, чем бы все кончилось.

– Мальчика у меня трясет, – повторил дед. – После их концерта и затрясло. Не знаю, что и делать... Думал, они помогут.

Он указал на пьяных и избитых музыкантов и, расстроившись от этой картины окончательно, просто махнул рукой, поднял сына на плечи и хотел было идти обратно в свой Менцель.

– Эй! – позвала Гретхен. – Подожди!.. Есть тут один... Живой и не пьяный.

Из-за спины кассирши, потупив глаза, выскользнул маленький лысый венгр и, виновато улыбаясь, спросил деда на русском языке, что тому надо.

– Ты вот что!.. – начал дед, опять опуская Фридриха на землю. – После вашей музыки сын у меня заболел. Не вылечишь – застрелю!

Лысый венгр побледнел после таких неожиданных слов, сам затрясся всем телом и залепетал отчаянно, что вовсе не лекарь он, что предназначения он другого – руководитель он оркестра, а лечить не умеет,

и в доказательство тому вытащил из-под пиджака малюсенькую гитару и ловко перебрал ее струны пальцами, отчего получилась музыка.

– А верхнюю деку сломали! – пояснил он жалобно и показал на трещину возле грифа.

– Ты мне зубы не заговаривай! – сказал дед властно и снял с плеча ружье. – Будешь лечить мальчика? Последний раз спрашиваю! После вашего концерта заболел он!

– Лечить не умею! – возопил музыкант. – Поговорить попробую!

– Делай что хочешь, но чтобы мальчишку не трясло! – решил дед и поводит для остротки ружейными стволами. – Полчаса даю!

Сопроводив венгра и сына в балаган, в котором проходил накануне концерт, он оставил их наедине в еще наполненном терпким запахом пота помещении.

Музыкант усадил трясущегося Фридриха на лавку и некоторое время смотрел, как стучатся локти о ее спинку, вторя барабанной дробью клацающих зубов.

– Что же с тобой такое приключилось? – с недоумением спросил венгр. – Музыка на тебя так подействовала?

– М-м-му-зыка, – подтвердил мальчик.

– И что, не можешь остановиться?

– Не м-м-могу.

– Тебя как зовут?

– Фрид-д-дрих.

– А меня Геза. – Венгр протянул руку и крепко сжал ею трясущуюся ладонь мальчика. – Будем знакомы. Тебе сколько лет?

– Дев-вять.

– А мне пятьдесят, – грустно сказал венгр и покачал лысой головой. – Все проходит... И оркестра у меня больше нет! – Он протяжно вздохнул. – Ты что же, хочешь музыкантом стать?

– Не-а, – ответил Фридрих.

– Как нет?! – удивился Геза. – А что же тогда?

– Х-х-хочу эти штуки делать, – сказал Фридрих.

– Какие штуки? – не понял Геза.

– Из к-к-которых м-м-музыка происх-х-ходит.

– Гитары, что ли?

– Ага.

– Вот невидаль! – удивился музыкант. – Какое странное желание! – Он почесал в затылке, и неожиданно в глазах у него просветлело. – Если хочешь делать, так делай! – Венгр соорил серьезное лицо, перекрестил

мальчика трижды и торжественно произнес:

– Сегодня, третьего числа восьмого месяца, Фридрих... э-э-э... как фамилия твоя?..

– В-в-веллер, – ответил мальчик, разглядывая со вниманием музыканта.

– Итак, третьего числа, восьмого месяца, – продолжил Геза, – Фридрих Веллер, рожденный в...

– В Мен-нцеле.

– Рожденный в Менцеле, производится в гитарных дел мастера! И коим быть ему суждено до гроба!

В тот самый миг, когда лысый венгр закончил произносить свою торжественную речь, произошло великолепное психологическое чудо. Поняв свое предназначение, уверившись в нем, как будто желание зрело долгие годы, а музыкант его лишь озвучил, Фридрих неожиданно перестал трястись и клацать зубами. Он сдержанно поблагодарил своего крестного и предложил отремонтировать его поврежденную гитару.

Геза чуть было не поперхнулся от неожиданности, но удержал себя, счастливый тем, что произошло чудесное исцеление и ему не грозит сегодня пасть от картечного заряда.

Пусть мальчишка чинит гитару, решил он. Все равно инструмент испорчен и придется покупать новый.

– Держи! – опять торжественно произнес лысый венгр и протянул инструмент. – Очень дорогой работы, редкого таланта мастер делал! – соврал он и, подыгрывая себе, поинтересовался: долго ли продлится ремонт?

– Да дня два продлится, – ответил Фридрих. – А может, и все три. Как готово будет, сам принесу.

– Ну-ну, – ответствовал Геза, почувствовав, как от предыдущих переживаний немного ослабели все его члены, как размякли ляжки и холодные ягодицы, и, дабы взять себя в руки и взбодриться, он представлял себе, как вернется в билетную будку к Гретхен и помнет ее худосочные телеса, начиная с откляченного зада и кончая впалым передом. – Ну-ну, – повторил он мечтательно. – Так до пятницы, значит...

Последующие два дня Фридрих не выбирался из мастерской. Он укрепил поврежденную гитару в столярные тиски, предварительно обвязав их губы пуховыми подушками, дабы не царапали лакировку, снял металлические струны и осторожно, с помощью острейшей стамески, срезал верхнюю деку. Затем зачистил шкуркой музыкальную фанеру, продвигаясь по конфигурации трещины, отполировал специальной

щеточкой края и, совместив дерево в месте поломки, отправился в кухню варить клей.

Откуда он знал, как это делать, – одному Богу известно. Какое-то могучее влечение руководило им! Как будто губы самого Всевышнего нашептывали ему на ухо рецепты, но Фридрих добавлял в обычный столярный клей какие-то травы, найденные им по запаху тут же, на сеновале, плавил пчелиный воск, кроша в него куриный помет, а затем все смешивал, доводя до кипения на медленном огне, и пробовал с помощью маленькой ложечки на вкус...

Когда подошел к концу второй день, когда сваренный лак остыл до температуры осеннего дня, Фридрих смазал янтарной жидкостью края, а также трещину верхней деки и, уложив ее на прежнее место, стал поджидать, пока отремонтированная гитара просохнет.

К концу третьего дня мальчик в сопровождении своего отца появился в Морковине и протянул ошеломленному венгру починенный инструмент.

– Только вот струны я не умею натягивать, – пожаловался он.

– Так это ничего! Это я сам! – затараторил Геза, бросая на Фридриха испуганные взгляды и натягивая на костяные колки извивающиеся струны. – Что ж я, помочь не могу!.. Совсем без рук, что ли!

Через некоторое время, когда все было отлажено по строгим музыкальным законам, когда установилась тишина, лысый венгр откашлялся, зачем-то посмотрел в небо, вдарил затем отчаянно по струнам и превратился в музыканта-виртуоза.

Фридрих восторженно слушал испанские переливы, роняя слезы на черную землю, а Геза, закатив в экстазе глаза, улыбался во весь рот, выделявая тонкими пальцами немислимые пассажи и отправляя чистейшие созвучия жаркого танго напрямик к своему венгерскому Богу.

Когда он напоследок хлопнул по струнам, прижимая их в окончание, худая Гретхен захлопала восторженно в ладоши, а отец Фридриха, застеснявшись, хмыкнул в кулак.

– Этот мальчик – гений! – прошептал Геза. – Он обладает великим талантом! Моя гитара никогда не звучала так, даже когда ее новенькую, двадцать лет назад, вложили в мои руки! Это поистине чудо! Сейчас мы стали свидетелями рождения великого мастера!

Геза встал во весь рост, поднял над головой гитару и закричал громогласное "ура".

– Ура-а-а! – подхватили остальные.

Таким образом, дорогой Евгений, и произошел из моего отца гитарных дел мастер.

К двадцати пяти годам Фридрих произвел на свет тридцать шесть чудесных инструментов, и два из них даже приобрел наследный принц Иордании, известный в мире гитарист. У меня сохранилось письмо Его Королевского Высочества, в котором тот по-детски восторженно хвалит отца и Бога за то, что они совместно потрудились, создав столь великолепные инструменты.

Благодаря своей трудной работе отец сумел скопить несколько денег, перевезти семью в Петербург и выдать четырех сестер замуж, дав за ними приличное приданое. Сам Фридрих женился намного позже, когда ему было почти тридцать. Его женой и моей матерью стала великолепная красавица Кэтрин, герцогиня Мравская, к которой сватались первые мужчины Европы, а она, ко всеобщему разочарованию, пожертвовала свое сердце простому, хоть и гениальному, гитарных дел мастеру. Через девять месяцев после скромной свадьбы Кэтрин скончалась при родах, оставив в воспоминание отцу лишь новорожденную меня, которая обещала через полтора десятка лет своею красотой возродить облик безвременно ушедшей жены.

Как-то, в один из летних дней, когда мне уже исполнилось семнадцать и я закончила первый курс медицинского института, в наш дом постучался огромного роста незнакомец с черной как смоль шевелюрой, с мускулистыми руками робота и попросил моего отца сконструировать ему гитару.

– Кто вы такой? – поинтересовался отец.

– Я – музыкант, – ответил незнакомец, косясь своими черными глазами на меня.

– Как ваше имя?

– Бутиеро Аполлосис.

– Редкое для наших мест имя. Откуда вы родом?

– Я – грек. Но мать моя испанка.

– Что вы делаете в Петербурге?

– Учусь в консерватории.

– Понятно, – кивнул головой отец. – А вы знаете, что мои инструменты чрезвычайно дороги?

– Мой отец – апельсиновый король Греции, Димас Аполлосис, – с гордостью произнес гость, блеснув с пальца бриллиантовым перстнем, и опять с любопытством посмотрел на меня. – Я его единственный наследник!

– Понятно.

Отец на несколько минут вышел и вернулся в гостиную, неся в руках

гитару, исполненную в манере испанских мастеров – со слегка удлинённым грифом.

– Покажите, что умеете! – предложил он, протягивая инструмент Бутиеро.

– Что, прямо сейчас?

– Вы стесняетесь? Вам должны были рассказывать, что я конструирую инструменты только для виртуозов. Причем меня мало интересует чистая техника. Нужна душа! Виртуозность в сочетании с чувством. Это редкость.

– Я вовсе не стесняюсь!

Бутиеро взял из рук отца гитару, на несколько секунд закрыл глаза, настраиваясь, а потом заиграл что-то очень нежное и бережное, так что сладкая волна накатила на мое сердце и я ласково посмотрела на грека.

У него были очень сильные пальцы с крупными костяшками, поросшими черными волосами, и я была крайне удивлена, как такие сильные, вовсе не музыкальные руки, созданные скорее для борьбы, управляют с деликатным инструментом отца, заставляя нейлоновые струны плакать и страдать.

В игре Аполлосиса было все – и солнечная Греция с лазурным морем, в синеве которого плывут оранжевые апельсины, и полуденное спокойствие испанской сиесты с ее жарким любовным шепотом; бесчисленное множество оттенков страсти, неги и спокойствия – в общем, все то, что отличает истинный талант от механического виртуоза.

Когда Бутиеро закончил играть, я увидела, как по щекам отца текут слезы. Я и сама была растрогана, а оттого смотрела на Бутиеро, широко раскрыв глаза, в которых совсем не трудно было прочесть зарождающееся чувство. И Аполлосис его разглядел.

– Я построю вам гитару! – пообещал отец.

Они договорились о сроках и вознаграждении, и грек ушел, подарив мне на прощание апельсиновую улыбку.

Нетрудно догадаться, что я влюбилась в Бутиеро. В свою очередь, он так же страстно ответил на мое чувство.

Мы стали встречаться, используя для свиданий каждую свободную минуту. Но наши отношения были на редкость невинны, какими не бывают уже в сегодняшние раскрепощенные времена. Ни одним движением, ни одним словом Бутиеро не пугал моей девичьей души, не торопил главного события, а терпеливо ждал, пока все произойдет естественно, когда Бог даст на это свое согласие.

Мы на целые дни уезжали за город, благо стояло превосходное лето с бурным цветением, с птичьими песнями, с парным молоком прямо из-под

коровы, с купаниями в быстрых речках и взаимными шептаниями на ухо всяких нежных словечек.

В середине июля Бутиеро предложил мне стать его женой. Мы лежали на крыше нашего десятиэтажного дома, загорали, пили квас, разглядывая в небесах пролетающие самолеты, а потом мой возлюбленный грек, щекоча мои губы своими, тихо сказал:

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой! Я хочу, чтобы ты родила мне дочь и чтобы она была похожа на тебя!

– А если она будет похожа на тебя? – спросила я.

– Это будет трагедия, – ответил Бутиеро. – Ее никто не возьмет замуж.

– Тогда я рожу мальчика. Он вырастет до шести с половиной футов и будет такой же сильный, как ты.

– Я люблю тебя! – произнес Бутиеро так страстно и нежно, как был на это способен грек, половина крови которого была замешена на жарком испанском вине.

– Я тебя тоже люблю! – ответила я и поняла, что именно сейчас произойдет то, чего так боятся или так ждут невинные девушки.

Он целовал мои плечи и грудь и все время повторял:

– Какая ты белая!.. Мой Бог, какая белая кожа!..

Он расстегивал пуговицы на моей юбке, тыкаясь носом в живот и жадно втягивая ноздрями воздух.

– Какая ты сладкая! – шептал Бутиеро и, слегка пугая меня, негромко рычал. – Какая ты...

Он не закончил фразы, так как ласки подошли к самому ответственному моменту. Мой белый живот открылся солнцу, и на него властно и нежно легла огромная рука, поглаживая и одновременно скользя к бедрам. Бутиеро навалился на меня, и волосы его груди щекотали мою грудь.

– Не бойся! – шептал грек, хотя я и не думала бояться. – Не бойся!..

Он целовал мою шею, слегка покусывая кожу, надавливая своими бедрами на мои.

– Не бойся...

Инстинктивно я пыталась сжимать колени, но под тяжестью тела Бутиеро ноги разошлись, и тут я испугалась. Что-то вспыхнуло у меня в глазах, чем-то обожгло в животе, и я закричала...

Таким образом Бутиеро стал моим первым мужчиной, и все шло к тому, чтобы я вышла за него замуж. Отец с упоением трудился над новой гитарой, впрочем не оставаясь при этом слепым. Он отлично видел, что между мною и греком происходят недвусмысленные отношения, и боялся

того мгновения, когда выросшая дочь покинет дом отца, следуя за мужем по неизвестным дорогам жизни.

– Ты поедешь в Грецию? – спрашивал меня отец.

– Поеду, если он захочет.

– А как же я? И как твой институт?

– У тебя куча племянников и сестры. Они не оставят тебя одного. И даст Бог, я рожу тебе внука. Тебе будет кому передать свое мастерство. И потом, в Греции тоже есть медицинский институт!

В такие минуты отец смотрел на меня пристально и, должно быть, вспоминал мою мать, красавицу Кэтрин, так рано ушедшую и оставившую его без женского тепла.

Вероятно, отец подсознательно боялся, что меня может постигнуть судьба матери, а потому призывал не торопиться обзаводиться детьми, а просто пожить в свое удовольствие. Но как бывает, мы рассчитываем на одно, а происходит совершенно другое.

Уже через месяц после того памятного июльского дня я поняла, что беременна и что непременно рожу своему возлюбленному мальчику, в жилах которого будут течь четыре европейские крови – немецкая от отца и меня, английская от герцогини Мравской, моей матери, а греческая и испанская от Бутиеро.

К концу августа отец доделал гитару и вручил ее своему будущему зятю. Инструмент оказался одним из лучших произведений Фридриха, и Бутиеро каждый вечер садился возле моего намечающегося живота и наигрывал на гитаре сентиментальные и печальные мелодии, объясняя, что теперь играет не только для меня, но и для нашего будущего ребенка, дабы тот родился уже понимающим и любящим музыку.

А восемнадцатого сентября по радио объявили о начале Метрической войны. Японцы высадили на Сахалине свой десант и постреляли в утренние часы тысячи ни о чем не подозревающих русских.

Самое страшное заключалось в том, что маньчжуры находились в союзническом договоре с Грецией, и по условиям его страна лазурного моря на второй день должна была вступить в войну.

– Сograждане! – обратился к своему народу Президент в тот же вечер. – Сегодня России объявлена война! Части японской регулярной армии высадились на Сахалине и под прикрытием боевой авиации продвигаются в глубь острова. По условиям японо-греческого договора завтра в войну вступит Греция, и Россия вынуждена будет воевать на два фронта. Я призываю свой народ сохранять спокойствие, бдительность, а также быть верными "Русской системе измерений"! Уже завтра министр

обороны выступит с телевизионным обращением и разъяснит условия частичной мобилизации. Я уверен, что мы способны защитить рубежи нашей Родины, обходясь лишь регулярными частями, но хорошо обученные солдаты и офицеры запаса должны быть готовы прийти на помощь регулярной армии.

Дорогие сограждане! В эти тяжелые для всех нас дни призываю вас сохранять мужество и верность "Русской системе измерений"!

Вечером восемнадцатого сентября из Афин позвонил Димас Аполлосис, апельсиновый король и отец Бутиеро, и приказал сыну немедленно возвращаться на родину.

– Я не могу этого сделать! – возражал Бутиеро. – У меня здесь беременная жена!

– Она тебе вовсе не жена! – кричал в трубку апельсиновый король. – И вообще, тебя посадят в тюрьму в России как врага!

К сожалению, Димас Аполлосис был прав. Наши власти дали всем японцам и грекам сорок восемь часов на то, чтобы выехать из России, и предупредили, что все оставшиеся после обусловленного срока могут рассматриваться как лица, сотрудничающие с врагом.

За день до окончания ультиматума мы с Бутиеро сидели на крыше нашего дома, тесно прижавшись друг к другу, как будто нам было холодно, а вовсе не стоял теплый осенний вечер.

– Они посадят тебя! – говорила я и целовала своего грека в подбородок. – Уезжай!

– Если я уеду, то они будут говорить, что ты родила ребенка от врага! Я не смогу тебе помочь! – отвечал Бутиеро. – Наш ребенок будет здесь отверженным! Поедем со мною!

– В Греции будет то же самое, – возразила я. – И потом, тебя призовут в армию и ты будешь стрелять в моих соотечественников!

– Я не смогу этого делать!

– Тогда тебя самого расстреляют за дезертирство!

– Что же делать? – спросил Бутиеро растерянно.

– Не знаю, – ответила я.

Мы сидели на крыше дома и смотрели на уходящее за высотные дома солнце. Его огромный огненно-красный диск казался мне столь печальным, столь символичной была его огненность, что я вдруг почувствовала всю обреченность, всю чудовищность нашей ситуации. Казалось, и Бутиеро думал о том же. Он еще крепче обнял меня, затем что-то хотел спросить, но прервался уже на вдохе, и я увидела в его глазах безмерную тоску, какой еще никогда не замечала в человеческих глазах.

– Ты меня любишь? – спросил Бутиеро очень тихо.

– Ага, – кивнула я.

– Закрой глаза, – попросил он.

Дело в том, что я очень его любила и очень доверяла. Но вместе с тем я до конца не знала, что таит в себе темперамент гитариста Бутиеро Аполлосиса, грека и испанца, сына Димаса Аполлосиса. В конце концов, мы были знакомы всего два с половиной месяца... Я закрыла глаза, как он просил, и вжалась в его огромное плечо. Плечо вибрировало, как будто Бутиеро напряг мышцы, чтобы я ощутила его силу, чтобы могла спрятаться за нее и ничего не бояться.

Так мы просидели некоторое время, ощущая своими душами тот великолепный объединяющий порыв, который иногда охватывает очень близких людей. Слезы катились из моих закрытых глаз, а Бутиеро все гладил меня по голове своей большой ладонью, и на миг мне показалось, что он тоже плачет, поддавшись трагичности нашей ситуации.

– Не открывай глаза, – прошептал он.

– Я не смотрю, – подтвердила я, ловя губами горькие капли своих слез, а оттого жалость еще более охватывала все мое существо, и я чуть было не разрыдалась окончательно.

Бутиеро поднял меня на руки и, прижимая к своей груди, сделал шаг с крыши.

– Прощай! – услышала я или мне только показалось...

Я открыла глаза только тогда, когда почувствовала, что мы летим. Почему-то я совсем не испугалась. По-прежнему находясь в объятиях Бутиеро, я смотрела на приближающуюся землю. Казалось, что она приближается странно медленно, словно растянулось время. Я видела стоящих внизу людей, которые задрали к небу головы и с ужасом смотрели на наш полет; увидела регулировщика движения, остановившего автомобильный поток и дающего возможность пожилому инвалиду перейти дорогу.

Зачем мы летим? – вертелось у меня в мозгу. – Ведь мы разобьемся!..

Я попыталась оттолкнуться от Бутиеро, упершись ему в живот руками, но он так крепко меня обнимал, будто прирос ко мне. Вероятно, это меня и спасло от неминуемой смерти.

Прежде чем потерять сознание, я услышала звук от нашего падения. Более страшного звука я не слышала в жизни. Такой шлепок получается только от падения живого тела с большой высоты, когда кости разрывают ткани, когда плоть прессуется в биомассу. Никогда ничего похожего не бывает с предметами...

Потом я провалилась во что-то черное и очень бесконечное и оттуда услышала:

– Сегодня в городе уже третий такой случай! Обнимаются и сигают с крыши!

Другой голос подтвердил:

– В полуденных новостях сообщали! Я сам видел по телевизору репортаж!

– Вероятно, что-то в природе происходит! – сказал третий.

– Война! – констатировала женщина.

Когда, оповестив о трагедии все окрестности, завывая сиреной, "скорая помощь" остановилась поперек улицы, я открыла глаза и увидела перед собой форменные полицейские ботинки – начищенные до блеска, с туго затянутыми шнурками. Затем мою голову небрежно прикрыла белая простыня, оставляя часть лица открытой, и я поняла, что меня окончательно принимают за мертвую. Кому придет в голову мысль, что можно спастись, прыгнув с десятого этажа. А я совсем не хотела быть мертвой и, разглядывая форменные ботинки, попыталась закричать. Но в горле у меня что-то заклокотало, забулькало и резануло в груди кинжальной болью. Ощувив во рту привкус крови, я испугалась, что мне вовремя не окажут помощь и я сейчас умру.

Мне совсем не хотелось умирать, а потому я собралась с силами, вытянула шею и что есть мочи укусила за полицейский ботинок.

– Ой! – вскрикнул полицейский.

Инстинктивно дернув ногой, он чуть было не выбил мне зубы, но затем, что-то сообразив, сдернул простыню и заглянул мне в лицо.

– Ой! – повторил полицейский, и я поняла, что он ненамного старше меня. Может быть, ему лет двадцать. – Кажется, она жива!

И тут все бросились ко мне, засуетились. Тут же надели кислородную маску, пришили к руке капельницу и только после этого переложили мое тело на носилки.

– Вы слышите меня? – спросил врач, наклонившись ухом к самым моим губам.

Я его слышала, но отвечать не могла, да и не хотела.

– Она в шоке, – пояснил кому-то врач и втянул шприцем какую-то жидкость из ампулы.

– Надо же, как повезло! – отозвался чей-то голос. – Это он своим телом смягчил падение! Она прямо на него упала, а потому осталась живой! Смотрите, как парня распластало! Не голова, а просто лепешка!

Под завывание сирены "скорая" помчалась в больницу. Врач то и дело

нащупывал на моем запястье пульс и, глядя на медсестру, объяснял ей:

– Вы не обращайте внимания, Таточка, что глаза у нее открыты. Она без сознания. Вероятно, у нее сломан позвоночник.

– А она выживет? – с участием спросила медсестра. – Такая молодая!..

– Думаю, что выживет, – успокоил врач. – Только ходить, наверное, не сможет.

– Я бы покончила с собой, если бы со мною такое произошло! Всю жизнь просидеть в инвалидной коляске!.. – Девушка что-то представила себе и, уверившись окончательно, решительно сказала:

– Полпачки титломазолина, и все! Уж лучше в печь крематория, только не стать инвалидом!

Удивительно, но я не чувствовала боли. Я лежала на носилках и как-то отстраненно думала о том, что в моей жизни произошло нечто ужасное! Мой мозг равнодушно переваривал информацию о том, что у меня сломан позвоночник, что Бутиеро Аполлосис, мой возлюбленный, гитарист-виртуоз с руками борца, превратился в лепешку и теперь его уже не касаются проблемы интернациональных браков в условиях войны.

– У вас есть титломазолин? – спросила я шепотом и потеряла сознание.

Уже в больнице на следующий день я узнала, что у меня случился выкидыш и что мой ребенок не вырастет врагом. Жизнь Бутиеро Аполлосиса и его семени осталась в прошлом, растворившись сладким сиропом в горьких воспоминаниях.

Когда Димас Аполлосис узнал о смерти сына, он в патриотическом порыве выписал чек на пять миллионов долларов и передал его лично министру обороны Греции, дабы тот умело распорядился этими деньгами для борьбы с русскими.

– Они будут все измерять на метры и взвешивать на килограммы! – пообещал в своей речи апельсиновый король. – Если для этого понадобится еще пять миллионов, то вы знаете, у кого их попросить!

Узнав о происшедшем со мною несчастьи, Фридрих Веллер, гитарных дел мастер, внезапно ослабел сердцем, вскинул к небу гениальные руки и отправился в небеса к своей прекрасной Кэтрин.

Таким образом, дорогой Евгений, со мною произошло несчастье, о котором я вам обещала рассказать. С тех пор минуло достаточно лет, и я не тоскую более об утерянном счастье.

Единственной памятью об отце и Бутиеро Аполлосисе осталась висящая на стене гитара, которую я изредка снимаю и прижимаюсь к холодным струнам щекой. Я совсем не умею играть, но иногда мне

кажется, что гитара сама способна рождать печальные испанские песни, коснись я ее нейлона пальцами.

Итак, Евгений, перед этим лирическим отступлением я рассказывала вам о том, что посреди ночи меня напугал своими странными звуками найденный накануне футляр. Также я уже вам поведала, что столкнула его с крыльца в кусты крыжовника, но подумала, что если в нем заключается какой-нибудь музыкальный инструмент, то он непременно погибнет под дождем.

Уже светало и перестал дождь, когда я решила отправиться на улицу за футляром и вернуть его в дом, впрочем не внося в комнату, а просто оставить в коридоре до утра. Завтра разберусь, что с ним делать, – решила я и, раздраженная бессонной ночью с ее шумными сюрпризами, вновь переползла с кровати на коляску, натянула на голое тело халат и выехала на крыльцо.

Ящик валялся там же, куда я его сбросила. Скотившись по специальному пандусу в сад, я подобрала его; он к этому времени действительно пропитался влагой, и казалось, что бархатная обивка уже сгнила и разъезжается под пальцами.

– Анна Фридриховна? – услышала я из-за калитки удивленный голос. – Это вы?

От неожиданности я выронила ящик и обернулась на голос.

– Не пугайтесь! – успокоил голос. – Это Владимир Викторович, брат Сони-почтальонши. Иду на рыбалку и гляжу – вы тут, в саду!..

Он смотрел на меня из-за забора, и я чувствовала, как его глаза буравят меня, выглядывая мою грудь из плохо запахнутого халата.

– Сейчас карасик хорошо клюет! – добавил Владимир Викторович. – А мне тут Соня рассказала о вашей находке. Я, конечно, не думаю, что это мина, но, знаете, японцы на все были способны. Так что если нужна моя помощь в саперном деле или вообще что-нибудь по хозяйству, например, – он нашел в себе силы перевести взгляд с моей груди на крышу дома, – обращайтесь по-свойски!

– Спасибо, Владимир Викторович, – ответила я. – Непременно воспользуюсь вашим предложением!

– А что вы так рано в саду делаете? – спросил Сонин брат. – Еще пяти нет.

– Крыжовник собираю.

– А-а, – кивнул головой Владимир Викторович и собрался уже идти своей дорогой, как вдруг спохватился:

– А какой же сейчас крыжовник?!. Осень уже!

– У меня хладостойкий крыжовник, – пояснила я. – Из Новосибирской области саженцы выписывала!

Окончательно удовлетворившись ответом, Владимир Викторович пошел по дорожке к пруду, и еще с минуту я слушала, как позвякивают его рыболовные снасти, стучаясь грузилами об эмалированное ведро.

Вероятно, сегодня уже не заснуть, – подумала я, осторожно промокая пропитанный водой футляр махровым полотенцем. – Днем все будет валиться из рук!.. А футляр-то, однако, изрядно попортился под дождем! – Я достала фен и включила его на полную мощность. – Вон как бархат скукожился!..

И тут футляр открылся. Совершенно беззвучно! На миг мне показалось, что в нем что-то завибрировало, тыркнулось живым в стенку, затем крышка чуть приподнялась, словно из-под нее выглядывали, а потом и вовсе распахнулась. Руки мои отнялись, футляр опрокинулся с колен на пол, вываливая на паркет своё содержимое.

Признаться, Евгений, я отчаянно взвизгнула, и, будь с моими ногами все в порядке, я бы сиганула, не раздумывая, в форточку и бежала бы без оглядки, куда взгляд простирается, так мне было страшно. А здесь оставалось лишь прилипнуть попкой от ужаса к кожаному сиденью коляски и быть бессильным свидетелем своего страха.

Ах, Евгений! Вы никогда не задумывались о природе страха? О его истинной сущности?.. Ведь что такое страх?.. На мой взгляд, это что-то привносимое в человека со стороны. Ведь это не мозг рождает в желудке испуг, потому что зачастую наши мозги не успевают среагировать на событие, испугавшее нас, а адреналин в желудке уже плещется, укачивая рыбку страха... Я думаю, что страх – это некая субстанция, живущая параллельно с нами, и, когда создается благоприятная ситуация, наш организм впускает на некоторое время эту субстанцию, как бы оплодотворяясь ею. Страхи рождают самые серьезные мыслительные процессы!

Но я вновь отвлеклась!

Итак, все содержимое вывалилось на пол. Им оказались три продолговатых предмета, затянутых в материю, похожую на одежный брезент и перехваченную с одного конца шнуровкой.

Эти предметы были бы похожи на батоны колбасы, если бы не чехлы.

Наверное, части саксофона, – решила я, но, когда совместила их в своем воображении в три длины, у меня получился музыкальный инструмент размером более двух аршин. Таких саксофонов не бывает!

Чего уж легче – взять подкатиться к этим колбасам да проверить их

содержимое, развязав на чехлах шнуровку. Но что-то останавливало меня, заставляя потеть и отирать о полы халата ладони.

Я взяла со стола пульт дистанционного управления, включила телевизор и, щелкая программами, искоса поглядывала на содержимое футляра. Батоны без движения лежали на полу, и я прибавила в телевизоре громкости. Большинство программ еще не начали работу, транслируя лишь циферблат часов с указанием точного времени.

Пять часов шестнадцать минут.

В половине шестого наступит время "Ч", и я посмотрю, что там в чехлах, решила я, переключая телевизор на интернациональный канал, работающий круглосуточно и транслирующий мировые новости.

– Вчера в России, – сообщил диктор с раскосыми монгольскими глазами. – Вчера, около двенадцати часов ночи, в Анварской тюрьме скончался приговоренный к пожизненному заключению автор Русской Метрической системы Прохор Поддонный. Мировая общественность скорбит о безвременной кончине выдающегося ученого-метриста и выражает его родным и близким, а также передовым согражданам России свои искренние соболезнования.

Прохор Поддонный родился сорок девять лет назад в небольшом русском селе Вонялы под городом Мысловец в семье учителей, – продолжал диктор. – Закончив Мысловецкий государственный университет, Прохор поступил в Московскую аспирантуру при "Комитете по абстрактным категориям" и через четыре года защитил диссертацию по теме: "Системы измерений в мировом сообществе".

Следующие четырнадцать лет своей жизни Поддонный отдал на создание Русской Метрической системы, которой вот уже семнадцать лет пользуется мировое сообщество. И только родина гения отринула величайшее открытие столетия, еще раз доказав, что нет пророка в своем отечестве! Девять лет назад Прохор Поддонный был удостоен Нобелевской премии, но получить ее не смог, так как к этому времени находился в тюрьме, приговоренный к пожизненному заключению.

За год до смерти Поддонному удалось передать на волю из тюрьмы новый фундаментальный труд под названием "Правостороннее движение", который сейчас анализируют лучшие мировые умы в области экономики и философии, а президенты всех развитых стран ждут их оценки.

Не дай Бог, опять война! – подумала я и посмотрела на часы. Пять часов двадцать девять минут. Еще несколько мгновений, и наступит время "Ч".

Я выключила телевизор и, дважды крутанув колесами, подкатилась к

футляру. Подняв один из чехлов, ощупала его от одного конца до другого, обнаруживая какие-то знакомые очертания, но так и не смогла определить через материю, что это такое. Как будто что-то из резины, или...

Я дернула за шнуровку, веревки распустились, и прорезиненный чехол сполз, обнаруживая под собой часть сжатой в кулак руки. С безымянного пальца сверкнуло золотом кольцо.

– Мать честная! – произнесла я вслух, вздрогнув от неожиданности. Увиденное настолько ошеломило меня, что я застыла с находкой в руках и пялилась на нее, не зная, что предпринять. Несмотря на оторопь, охватившую весь мой организм, я тем не менее не испугалась. Может быть, потому, что в свое время навидалась в институте всяких там отрезанных конечностей и культий, оставшихся после ампутаций, а может, потому, что устала бояться и надпочечники более не в состоянии выделять адреналин.

Вот это... Вот это да! – тупо вертелось у меня в голове. Сомнений не было – и в двух других чехлах также находятся руки. Кого-то разрезали на части! – догадалась я, заталкивая сжатый в предсмертном усилии кулак обратно в чехол. И не одного расчленили, – сделала я еще одно открытие. – Трех рук у человека не бывает!.. Надо отвезти страшную находку в полицию! – Я сложила найденное обратно в футляр, покатила в ванную, и там меня несколько раз вывернуло наизнанку.

Дорогой Евгений! Я заканчиваю свое письмо, так как чрезвычайные обстоятельства, описанные мною выше, не позволяют мне далее продолжать! Надеюсь, что мне удастся преодолеть все неожиданности и я вскоре вновь сяду за письменный стол, чтобы неотложно поделиться с вами новостями!

Ваша Анна Веллер

P.S. Что-то письмо ваше запаздывает!

P.P.S. Что ваш жук?

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

**Отправлено 14-го декабря
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Дорогая, прелестная, милая Анна!

Всемиловнейше прошу вас простить меня за то, что заставил ждать ответного письма! Но вы ведь знаете обстоятельства, по которым я вынужден писать реже, чем мне бы того хотелось!

Надеюсь, к тому времени, когда вы получите это послание, ваши ужасные напасти каким-то образом разрешатся и уголовное следствие определит, кому принадлежал этот злополучный футляр с его чудовищным содержимым!

Также надеюсь, что случившееся не оставит на вашей психике серьезной раны, так как я представляю вас женщиной сильной, способной перенести и не такие невзгоды.

Вы спрашиваете меня, как мой жук?.. Что ж, немного расскажу вам о моем *Hiprotomus'e Viktotolamus'e*.

Через два дня после получения диагноза я отправился в читальный зал библиотеки при Зоологическом музее, дабы более тщательным образом познакомиться с моим... э-э-э, как бы это сказать, ну, пусть будет – соседом. Если мне предстоит с ним уживаться неизвестно сколь долгие времена, то я обязан знать о нем как можно больше.

Я попросил библиотекарку подобрать мне книги по экзотическим насекомым.

– Какого региона? – спросила в ответ худая бледная особа.

Вот этого как раз я и не знал.

– Экзотических насекомых много! – пояснила библиотекарка, натягивая на указательный палец напалечник.

Мне совсем не хотелось объяснять, что разыскиваю я *Hiprotomus'a Viktotolamus'a*, так как мало ли чего она могла заподозрить, а потому я попросил подобрать мне книги по южным регионам.

– Африки?

– Давайте Африки, – согласился я.

– Подходите через два часа, – сказала она, затем посмотрела на мою коляску и поправилась:

– Подъезжайте.

– Однако, как долго! – посетовал я.

– Внизу есть бар, – предложила бледная особа, ловко тасуя с помощью напалечника формуляры с новыми поступлениями.

В баре я был в совершеннейшем одиночестве, если не считать пожилого бармена, который сварил мне кофе и надолго ушел в подсобное помещение.

Я пил кофе маленькими, но частыми глотками и размышлял о том, чем займусь в остальные полтора часа.

– Ну и зачем вам понадобилось знать обо мне подробности? – услышал я за спиной хриплый мужской голос.

Обернувшись, я никого не увидел и решил, что голос донесся из подсобного помещения.

– Вы меня не там разыскиваете! – опять услышал я.

На сей раз мне показалось, что говорят с правого боку. Но и там никого не было.

– Перестаньте вертеть головой! – сказал незнакомец с легким раздражением. – Пора бы уже понять, кто с вами разговаривает!

В правой руке у меня что-то резануло, затем кольнуло иглой изнутри, и я чуть было не поперхнулся попавшей в горло кофейной гущей.

– Неужели?! – внезапно догадался я, потирая шишку, проткнутую каким-то шипом.

– Да-да. Только не надо говорить вслух и так громко! Достаточно того, что вы будете говорить про себя, иначе вас примут за сумасшедшего!

– Нір... Ніprotomus Viktotolamus?! – спросил я про себя, чувствуя, что на самом деле схожу с ума.

– Он самый, – подтвердил жук. – Ну и зачем вы сюда притащились?

– Чт-т-тобы уз-з-знать о вас побольше! – Даже про себя я заикался.

– Я практически нигде не описан, – сказал жук. – Так что вы ничего не найдете здесь обо мне!

– Что же мне д-д-делать?

– Отправляйтесь домой!

– А как же заказ?

– Раскидают опять по стеллажам.

– Х-х-хорошо, – согласился я и выкатился на улицу.

– Погуляем? – спросил Ніprotomus, когда я протянул руку, чтобы остановить такси.

– Е-е-если хотите.

– А почему нет. Свежий воздух полезен не только животным, но и

насекомым. Опустите, пожалуйста, руку и, если не трудно, не делайте правой конечностью резких движений, так как... – жук сделал паузу. – Используйте, в общем, левую!

– Хорошо, – опять согласился я, наконец справившись с заиканием. – Где будем гулять?

– А где хотите. Можем просто посидеть возле какой-нибудь лавочки. Возьмем белую булочку, покормим птичек.

Купив пару свежих рогаликов, я поехал... или мы поехали – в сквер, в котором обычно собираются матери с маленькими детьми, желающими покормить, а заодно и попугать жирных городских голубей. Остановившись под огромным дубом, я растер между ладонями часть рогалика и стал раскидывать крошки перед собой, приговаривая: "Гули-гули".

– Что вы хотите узнать обо мне? – спросил жук, когда несколько сизых голубей спланировали из-под крыш и, задрвав свои хвосты к небу, принялись клевать с асфальтированной дорожки белый хлеб.

– Мне было бы интересно знать, к какому вы принадлежите виду?

– Виду?!.. – удивился жук, и мне показалось, что он хмыкнул. – А вы что, энтомолог?

– Нет.

– Вы просто любите природу?

– Знаете, когда чем-нибудь заболеваешь, то непременно хочется узнать о своей болезни все.

– Я не болезнь.

– А кто вы? Или что вы?

– Все-таки – кто, – уточнил *Niprotomus*. – Я существо одушевленное. Я – не болезнь! Я – приобретение.

Я промолчал и стал наблюдать за снующими по плодородному пятаку птицами. Их было уже несколько десятков. Жирные, они старались опередить друг дружку и выхватить из-под клюва соперника понравившуюся крошку.

– Вы что, не склонны считать, что я приобретение? – поинтересовался жук.

Неопределенно пожав плечами, я оторвал от рогалика поджаристую корку и запустил ее в птичье месиво. Трусливые на миг взлетели, а затем вновь рухнули к кормушке, расталкивая смелых.

– В общем, ваше дело, за кого меня принимать, – согласился *Niprotomus*. – Как говорится, время покажет.

Я почувствовал, как жук зашевелился под кожей, словно принимал

более удобное для себя положение.

– Я принадлежу к семейству жуков-рогачей-зимников, – признался жук. – Мы единственный вид, который может существовать при самых лютых морозах. Причем мы не впадаем в коматозное состояние спячки, ожидая оттепели, а существуем активно, как и в благополучные сезоны.

– А как вы выглядите? – спросил я.

– Вы имеете в виду внешне?

– Ага.

– Обыкновенно. Чем-то похож на майского жука. Только рога больше, панцирь крепче. Кстати, в моем панцире содержится огромное количество полезных лекарственных веществ.

– В самом деле?

– Определенно. Пока я нахожусь в вашем организме, вы защищены от простуды. Вам не страшны ни респираторные заболевания, ни даже грипп! Мои выделения способствуют нормализации почечного давления. Так что теперь вы понимаете, что я – приобретение?

– Теперь – да.

– У меня шестнадцать ножек. На каждой по сорок чувствительных рецепторов, которые способны определять климатическое состояние окружающей природы и передавать в мой мозг ее параметры. В зависимости от погодных перемен я могу регулировать защитные силы своего организма... Кстати, – жук опять шевельнулся, от чего я недовольно поморщился, – у меня нет крови и нет глаз.

– Я знаю, что в насекомых нет крови! Помню, в детстве частенько давил каблучком жуков-короедов. Оставалось только такое белесое мокрое пятно.

– В общем-то это не делает вам чести, – ответил Niprotomus.

– А как же вы ориентируетесь в пространстве? – любопытно спросил я. – Без глаз-то!

– Мои рога – передатчики ультразвукового сигнала, с помощью которого я прекрасно перемещаюсь. Чтобы вам было понятно, я посылаю сигнал, и он, отразившись от препятствия, вновь возвращается ко мне. Чем ближе препятствие, тем быстрее он возвращается.

– Примитивное устройство.

– Какое есть, – отрезал жук. – Кстати, сейчас я прекрасно вижу! – уточнил он. – Пользуюсь вашими глазами.

Забросив очередную порцию хлеба в голубиную свалку, я закрыл глаза и мысленно спросил:

– А сейчас видите?

– Нет, конечно.

Я вновь открыл глаза и заметил среди голубей какую-то ярко окрашенную птичку, которая в отличие от остальных не склевывала с асфальта крошки, а поглядывала в мою сторону, подергивая зеленой с хохолком головкой.

Потерявшийся попугай, – решил я.

– Что вы говорите? – спросил жук.

– Ничего. Это я сам с собой. Позвольте спросить вас?..

– Пожалуйста.

– В какой связи находятся наши с вами органы чувств?

– Органы чувств? – задумался Niprotomus. – Да, пожалуй, не в значительной. Зрение, как я уже говорил, да возможность общаться через общий нерв.

– И все?

– А что, вам недостаточно этого?

– Знаете, – искренне признался я, – я бы вовсе обошелся без вас!

– Грубо. Посмотрим, что вы скажете в будущем.

– А я думал, что мы переговариваемся телепатически!

– Нет, – пояснил жук. – Телепатия здесь ни при чем. Когда вы произносите что-то про себя, еле заметные колебания голосовых связок передаются мне по "тонкому" нерву и я их воспринимаю!

– А как же я принимаю вашу речь? У вас что, тоже есть голосовые связки?

– Дело в том, что мои рога способны колебаться с такой частотой, что получается подобие человеческой речи...

– По-моему, все это чушь! – разозлился я. – Не знаю, зачем вам нужно меня обманывать! Какие-то колебания выдумали!.. Через "тонкий" нерв!..

От охватившего меня раздражения я поднял над головой правую руку и с удовольствием потряс ею.

– Вы – врете! – крутил я локтем. – Вы воспринимаете слова именно телепатически, но хотите, чтобы я считал по-другому, дабы подслушивать мои мысли!

– Вовсе нет! – воскликнул жук. – И не трясите, пожалуйста, рукой!

– Нет?!.. А когда я подумал о попугае, вы тут же среагировали на мою мысль!

Я так потряс рукой, что Niprotomus отчаянно вскрикнул.

– Перестаньте, пожалуйста! Ну, вы правы! Ну, пусть я вас обманул! – ныл жук, а я продолжал взмахивать рукой, пока не привлек внимание какого-то прохожего. Он тоже помахал мне в ответ, вероятно принимая за

знакомого. – Прошу вас, перестаньте! – умоляло насекомое.

Вернув правую руку обратно на подлокотник коляски, я, все еще злой, глубоко задышал, стараясь успокоить нервы.

– А вы не дурак, – сказал жук, когда мой пульс восстановился, а ноздри перестали раздуваться.

– Слава Богу.

– Поверьте, – оправдывался жук, – подслушивать ваши мысли вовсе не самоцель для меня!..

Я обиженно молчал и смотрел на пеструю птичку, которая казалась мне теперь не попугаем, а скорее – канарейкой. Птица по-прежнему не обращала внимания на голубиную свалку, а стояла, приподнявшись на своих тонких лапках, вытягивала головку с хохолком на зобастой шее и заглядывала мне издали в глаза.

– Поверьте!

– Тогда скажите, какая ваша истинная цель!

– Это не так просто объяснить! – продолжал оправдываться *Niprotomus*. – Но вам ничего не угрожает!..

– Либо вы говорите о своей истинной цели, либо...

– Либо что? – спросил жук, и я почувствовал, что настроение его изменилось. В голосе или имитации такового послышались стальные нотки. – Вы хотите предъявить мне ультиматум? Или припугнуть меня? Ну что ж, пробуйте!

А что, собственно, я могу ему сделать? – задумался я. – Какой ультиматум выдвинуть?.. Ни вырезать это гадкое насекомое из-под кожи, ни что-либо другое сделать с ним я не могу. Врач предупреждал, что любые радикальные средства приведут мой организм к серьезным последствиям. Полному параличу или слепоте с глухотой. Остается лишь махать рукой, доставляя жуку мелкий дискомфорт. Да и рука может в конце концов оторваться!..

Внезапно жук пронзил мою кожу своей иглой, и я вскрикнул на весь сквер отчаянно, распугивая насытившихся голубей. Лишь маленькая цветная птичка не испугалась, а раскрыла свой клюв, показывая тонкий загнутый язычок.

– Это чтобы вы понимали, что я могу делать в ответ, когда вы машете рукой! – пояснил *Niprotomus*. – И спешу вас предупредить – в моем арсенале возмездия достанет еще средств причинить вам массу неприятных ощущений! Поверьте мне на слово!..

– Какого хрена! – заговорил я вполголоса. – Какого хрена вы вторгаетесь в мою жизнь! По какому праву пользуетесь моим телом, да еще

при этом угрожаете мне, доставляя физические мучения, таракан вы этакий!

Игла вновь пронзила мою кожу, и дернулось мучительной болью все тело.

– Это вам за таракана! – объяснил жук и ткнул шипом еще раз. – А это на будущее!

То, что произошло дальше, я назвал охотой за саранчой. Когда первая болевая волна откатилась, я увидел, как маленькая цветная птичка щелкнула клювом, пряча язычок, затем распрямила острые крылья, оттолкнулась своими тонкими ножками от земли, взлетела мгновенно до верхушки дуба и упала с высоты камнем на меня. Она зацепилась за мою правую руку и с неистовым отчаянием принялась расклеивать рукав куртки, вонзая в болонью острую стрелу своего клюва.

– Уберите ее! – завизжал жук. – Сверните ей немедленно шею!

От наблюдаемой картины я на мгновение оцепенел, затем, видя, как гибнет куртка, махнул в гневе на птицу левой рукой, отгоняя ее от себя, но маленькая негодница, отлетев на несколько метров, развернулась и, опять набрав высоту, отчаянно ринулась в атаку.

– Раздавите ее! – вопил в испуге *Niprotomus*. – Иначе вас парализует так, что вы даже моргать не сможете!

– Кыш! Кыш! – шипел я, пытаюсь поймать птицу в ладонь.

Один раз ей все-таки удалось проткнуть своим клювом куртку и пиджачную материю под ней. Я почувствовал, как чиркнул клюв, оставляя на коже царапину, впрочем неглубокую.

– Она клюнула меня! – изумился жук. – Она клюнула меня!

В конце концов я изловчился и, достав птицу краешками пальцев, отбросил шлепком ее крошечное тельце на несколько шагов в сторону. Птичка отлетела к кустам, захлопала по земле крылышками, закрутилась вокруг себя, как будто пыталась избавиться от чего-то ей мешающего.

Не убил ли я ее ненароком?

Я вовсе не хотел этого делать, а потому смотрел на дергающуюся в грязи птичку с сожалением и очень хотел, чтобы она пришла в себя и улетела восвояси.

– Ишь ты, дрянь какая! – не успокаивался жук. – Мне кажется, что она достала до моего тела.

– А ведь она выклевывать вас хотела! – сказал я с неким удовлетворением.

– А что вы радуетесь? Не вижу повода для злорадства!.. Если бы она меня... э-э-э... съела, то ваше и без того немощное тело сейчас бы слепло и

глохло в инвалидной коляске!

С этим я не мог не согласиться, а потому молча наблюдал за тем, как птичка все-таки поднялась на свои ножки, покачалась из стороны в сторону на тонких, а затем оттолкнулась от земли и, виляя, на низкой высоте полетела в свою сторону.

– Поеду домой, – решил я.

– Правильно, – согласился Нiprotomus, и мы покатались к шоссе, чтобы остановить такси.

Возле дома я купил питу с кусочками говядины, полил ее майонезным соусом и без особого аппетита принялся есть.

– Что-нибудь вегетарианское было бы полезнее для вас! – прокомментировал жук. – Салатик какой-нибудь овощной или винегрет!..

– Не ваше дело! – огрызнулся я.

Жук вздохнул.

– И чего вы все время такой грубый?!. – с сожалением то ли спросил, то ли констатировал он.

– Скажите, это ваших рук дело, – я опять на мгновение запнулся, – или лап, в общем, как угодно. Это вам я обязан галлюцинацией несколько дней назад?

– Какой именно?

– Погибший под колесами пролетки мальчишка.

– Ах, мальчишка! – вспомнил Нiprotomus. – Мальчишка с вашей физиономией!

И тут я понял, что показалось мне тогда знакомым в погибшем подростке. Он был очень похож на меня в детстве.

– Моя работа! – признался жук. – Вам было тогда скучно, и хотелось развлечь вас каким-нибудь пустячком!

– А почему подросток был с моей физиономией?

– Да за-ради баловства одного!.. К тому же в какой-нибудь из параллельных жизней с вами вполне могло произойти нечто похожее!..

Питу я запил стаканом минеральной воды и, взяв с прилавка зубочистку, принялся за гигиеническую процедуру.

– Все-таки переходите на овощи, – увещевал Нiprotomus. – Всякая капуста, помидорчики с огурчиками позволяют быть менее восприимчивым к галлюцинациям!

Придя домой, я снял с себя куртку, пиджак, закатал рукав свитера и рассмотрел руку. Через шишку, как раз через ее середину, шла бордовая царапина, сделанная клювом маленькой птички. Царапина была не глубокая, но я для профилактики решил смазать ее перекисью водорода.

Жидкость зашипела, испаряя следы крови, а я поспешно принялся дуть на руку, в которой теперь жил *Hiprotomus Viktotolamus*, мой новый сосед.

Улегшись на кровать, я включил телевизор и, пощелкав программами, оставил канал для Путешественников.

– Господин *Hiprotomus*, – спросил я, – вам нравится смотреть телевизор?

Жук не отвечал.

– Вы любите спорт или художественное кино?

Жук по-прежнему молчал.

Заснул, что ли? – подумал я. – Умаялся, бедный, сегодняшним днем и теперь поживает в моей жировой прослойке! Ну да и Бог с ним!..

Канал для Путешественников показывал восхождение группы итальянских альпинистов на Джомолунгму. Вся трудность восхождения состояла в том, что скалолазы штурмовали вершину с западной стороны горы в условиях плохой видимости, обусловленной весенним временем года... Камера оператора запечатлела гибель одного из участников экспедиции. Маленький итальянец по прозвищу Ящерица – синоптик в огромных солнцезащитных очках, поскользнулся на склоне в сорок пять градусов и, упав, покатился под гору. Все бы кончилось хорошо, если бы Ящерица при падении не выпустил из рук горный молоток, которым он мог зацепиться за снег и замедлить свое скольжение. Так или иначе, маленький итальянец пытался цепляться за снег руками, но, обветренный, тот был тверд, как лед, и Ящерица, то переворачиваясь на живот, то на спину, катился под откос все скорее, как чемпион-саночник. Финальной точкой его жизни стал взлет над пропастью. Джомолунгма трамплином выстрелила итальянца в небо, и целых тридцать шесть секунд он парил в пространстве, сопровождаемый собственным криком, пока наконец не рухнул на острые скалы, похожие на гигантские зубы аллигатора.

Как истинный профессионал, оператор экспедиции снял эту сцену до конца, а также запечатлел скорбные лица коллег-альпинистов.

Утомленный сегодняшним днем, я заснул под телевизор, и снился мне мой товарищ Бычков. Оказывается, это он был тем итальянским альпинистом, разбившимся о скалы.

Но ведь Бычков-русский! – удивлялся я сквозь сон. – И ростом он выше, нежели скалолаз!.. Вероятно, я сплю и мне все это снится.

– Просыпайтесь! – услышал я команду. – Просыпайтесь!

Я открыл глаза и оглядел комнату, решив со сна отыскать в ней Бычкова. Но в комнате, конечно же, никого не было, лишь по-прежнему работал телевизор, рассказывая зрителям про жизнь тропического леса.

– Проснулись? – спросил жук.

Я покашлял.

– Часа два проспали... Сейчас уже такое время, что если спать дальше – рискуете не заснуть ночью!

На экране телевизора, во всю его ширь, простирался влажный зеленый лист какого-то тропического дерева. На самой его середине, слегка пошевеливая длинными усиками, сидело насекомое с красными крылышками.

– Сделайте погромче! – попросил жук.

Я увеличил в телевизоре звук, и из его динамиков послышались скрипы и клекотания, издаваемые тропическим насекомым. Краснокрылый жучок сучил задними лапками, подергивал остроконечным брюшком, как будто тужился.

– Интересно? – спросил я.

– Интересно, – ответил Niprotomus. – Не мешайте!

– Теп-теп-теп! – издавало краснокрылое насекомое. – Теп-теп...

– Слышите? – шепотом спросил жук, как будто боялся спугнуть с экрана картинку. – Вы слышите?

– Слышу, – ответил я.

– Это он самочку приманивает! Видите, как тельце его вибрирует!..

– Брачный период? – поинтересовался я.

– Ага, – подтвердил жук. – Если ему повезет, то появится самочка!..

– Повезет.

– Почему вы так думаете? – продолжал шептать Niprotomus, и я вдруг почувствовал, как по моему животу разлилась какая-то теплая, приятная волна.

– Потому что эта передача... – ответил я, – про жизнь насекомых, и если в ней показывают брачный период, то самка обязательно появится!

– Логично-логично!.. – занервничал жук и пошевелился под кожей.

– Можно сидеть спокойно? – попросил я, и как раз в этот момент на влажный зеленый лист впрыгнул еще один краснокрылый жучок, застыв на его краешке.

– Вот она! – в восторге шепнул Niprotomus. – Он сумел ее приманить!

Дальше все происходило, как положено происходить в обычном фильме про жизнь насекомых. Самец раскрыл крылышки, показывая самочке прозрачные подкрылки, приподнял задние лапки и засучил ими по брюшку, подзывая клекотанием свою избранницу.

– Теп-теп-теп!

Самочка очень медленно, пятясь, придвинулась к самцу и зашевелила

краешком брюшка, выказывая свое согласие на соитие.

В этот момент произошло то, что вызвало у меня по крайней мере сильнейшее удивление!

Я думаю, милая Анна, что могу вам об этом рассказать, так как уверен, что этот факт не вызовет у вас внутреннего протеста, а наоборот, вы поймете меня, как человек, страдающий тем же недугом, а стало быть, переживающий такие же его последствия.

Так вот, по мере того как на экране происходили события из интимной жизни насекомых, с моим организмом случилась вещь поистине необыкновенная, если исходить из того, что я классический парализованный ниже пояса.

Впервые за много лет я ощутил, как ноги мои согрелись до колен, живот затвердел, а все то, на что я не смел и надеяться, вдруг произошло, воспряло в необычном стремлении и желании, заставляя дыхание ускоряться, а руки сжиматься в кулаки.

Между тем самочка дотронулась до тельца самца своим брюшком, тот подпрыгнул и опустился на ее спинку, поджимая под себя острую сабельку, вылезшую из тельца. Сабелька проникла в брюшко самочки и зашевелилась внутри избранницы, раскачивая ее тельце из стороны в сторону.

Я был настолько удивлен событием, со мною происходящим, что отбросил в сторону одеяло и смотрел во все глаза на чудо, свершившееся с моей плотью.

– Теп-теп-теп! – клекотал краснокрылый жучок.

– Теп-теп-теп! – вторила ему самочка.

Господи, у меня было такое ощущение, что чьи-то ласковые руки гладят мое тело, пробегаясь нежными пальчиками от груди до самого живота! Мне казалось, что кто-то невидимый питает мое тело живительными соками жизни, заставляя плоть взметаться, пугая своей непривычной огромностью!

– Теп-теп-теп!

– Теп-теп-теп!..

Ах, милая Анна! Глаза мои закрылись сами собою, предо мною возник ваш прозрачный прозрачный образ, такой невероятно далекий и такой вместе с тем близкий, что казалось, протяни руки, и пальцы смогут коснуться вашего лица, вашей шеи, ощутить мягкость и тепло кожи!.. Господи, как безумно мечтается открыть все ваши тайны!

Ах, Анна! Почему мы так далеки друг от друга?!

Сабелька краснокрылого жука последний раз вздернула тельце

самочки, затем выскочила на волю, опалаясь лучом солнца, и исчезла в брюшке самца.

Что-то оборвалось внутри моего живота, запросилось толчками наружу, я задохнулся и почти заплакал от наслаждения.

Вжик! – и голова самца под мощным движением челюстей самочки отскочила от краснокрылого тела и, скатившись по зеленому листу, упала куда-то к корням деревьев.

Мою кожу изнутри пробила игла *Niprotomus*'а, и я, стиснув зубы, застонал от боли, пришедшей после наслаждения.

– Ох, ох! – слышал я тяжелое дыхание жука. – Ох!.. Какое все-таки варварство!

– Вы о чем? – не понял я, переводя дух.

– После любви отгрызает голову! – пояснил жук.

– Страсть.

– Ревность! – не согласился *Niprotomus*.

– Почему?

– Чтобы он более никому, кроме нее, не доставил такого наслаждения!

У этого вида, видимо, матриархат! Самец сделал свое дело, оплодотворил ее, а потому более не нужен виду. Она ему – хрясь – и голову отъела!

– Что со мною произошло? – спросил я.

– Вы о чем?

– Я не из тех, кому нравятся насекомые! Во всяком случае, они мне нравятся не настолько, чтобы возбудить во мне желания, давно умершие!

– Ах, вы об этом! – догадался *Niprotomus*. – Я же вам говорил, что я – приобретение, а вы мне не верили! Вашими глазами я наслаждался тем, что нравится мне, а вы моими органами чувствовали то, что вам недоступно. Взаимозаменяемость!..

Поздним вечером того же дня я вновь включил телевизор, настраивая приемник уже не на канал для Путешественников, а на эротическое шоу, благо кончалась суббота. Мне еще раз хотелось испытать то крайнее наслаждение, но не чувственности одной ради, а для закрепления в сознании давно забытых ощущений.

"Марсианские хроники" – так называлось шоу. Сюжет его был чрезвычайно прост. Юная марсианка прилетает на космическом корабле на Землю и встречает романтического юношу-землянина, единственного ученого, кто считает, что на Марсе есть жизнь. Все прочие жизнь на Марсе отрицают, а потому девушка влюбляется в романтического юношу. Остальное время фильма герои познают телесные особенности друг друга, восторгаясь совершенством природы, для эротизма которой даже

космические расстояния не помеха.

Неприменно надо отметить, что героиня фильма была необыкновенно хороша и, конечно же, являлась для меня объектом чувственности. Все части ее тела были построены так, как мне нравится, движения, взгляды – все особенно мне импонировало и, казалось, должно было привести меня в состояние готовности. Но, несмотря на все вышесказанное, тело мое оставалось совершенно холодным и вялым, тогда как мозг размяк и активно впитывал эротические картины.

– В чем дело? – спросил я жука нервно.

– А что такое? – переспросил Niprotomus.

– С моим телом ничего не происходит! Я опять бесчувственен, как засохший кусок дерева!

– А по какому случаю вы должны прийти сейчас в состояние возбуждения?

– Да как же! – возмутился я. – Вы что же, не видите, какая передача идет по телевизору?

– Вижу, – ответил жук. – Но такие программы меня совершенно не интересуют!

– А меня интересуют!

– Я вам не мешаю смотреть.

– Но ведь я... я не получаю того, что должно получать от просмотра!

– Вы же спинальный больной, – ответил жук. – Вы не можете испытывать удовлетворения.

– А как же сегодня днем?! – возмутился я. – Как это по-вашему называется?!

– Ах, это! – протянул Niprotomus. – Так это не с вами все происходило, а со мной! Это не вы, а я возбуждался пережитыми картинами природоведения, а уж вместе со мною и вы, так сказать, попутно!

– Так это значит, что я буду возбуждаться, только когда вы этого захотите! – задохнулся я от возмущения. – После просмотра фильмов про насекомых! Я стал энтомофилом! Надо же, первый энтомофил в природе!

– Вот люди! – тяжело вздохнул жук. – Еще вчера он и мечтать не мог о таком божественном подарке, а сегодня ему этого мало, он хочет по собственному желанию иметь симпатии! Нет, милый мой! – отрезал Niprotomus. – Учитесь довольствоваться малым!

Возмущение перекрыло мне горло. Я тяжело и коротко дышал, как астматик во время приступа, не зная, что мне делать, как ответить совершенно обнаглевшему насекомому.

– Ну ты! – только и смог выдать я.

– Ожидайте от природы милости и будьте ей благодарны за всякую малость, подаренную вам нежданно, – продолжал жук. – Не запрашивайте слишком многого, ибо многое уже не радует, тогда как малое веселит душу, не давая ей пресытиться!..

Niprotomus вещал столь самозабвенно, что пропустил тот момент, когда возмущение вскипятило мой разум и я, схватив со стола вилку, всадил ее себе в руку.

Мое счастье, что металл прошел вскользь, лишь слегка задев шишку. Тем не менее вслед за ударом раздался жуткий крик, резанувший мне слух потусторонним ужасом.

– Вы меня убили!!! – вопил жук. – Вы ранили меня в самое сердце!

– Не преувеличивайте! Вилка прошла вскользь!

– Вы расплющили мою заднюю ножку!

– У вас их шестнадцать.

– Глупый вы человек! – плакал жук. – Ведь я вам ничего плохого не делал, лишь одно добро творил, а вы в ответ... Вилкой в живое существо!

– До свадьбы заживет! – сказал я и подумал о том, что Niprotomus действительно ничего плохого не сотворил мне, а значит, я действительно чересчур жесток.

Только я хотел принести жуку свои извинения, как услышал:

– Вы поплатитесь за это немедленно! Вы поймете, что со мною так нельзя.

После произнесения этой угрозы что-то лопнуло у меня в голове, я почувствовал, как правый глаз закатывается под свод черепа, а левая рука в считанные секунды утеряла свою чувствительность и улеглась вдоль тела ненужным предметом. Челюсть моя отвисла камнем, и на грудь засочилась слюна. Я попытался было что-то сказать, вскрикнуть, но только замычал бессмысленно, уставясь единственным глазом в потолок.

– Со мною так нельзя! – продолжал жук. – Я не безответная тварь! Я могу за себя постоять!.. К тому же я вас уже неоднократно предупреждал, что вы поплатитесь! Теперь побудьте беспомощным идиотом!

Происшедшее ошеломило меня, я находился на грани отчаяния. Я осознал, что не в состоянии позвонить даже в "Скорую помощь", хотя был уверен, что стал жертвой кровоизлияния и что жить мне осталось несколько часов. В ближайшее время меня хватит второй удар, и если я его переживу, то уж наверняка и правая моя рука лишится подвижности. Струйки пота покатались у меня из подмышек, щекоча ребра.

– За-чем вы так сде-ла-ли?! – промямлил я, с трудом ворочая языком. Распухший, он вываливался из рта, делая меня похожим на больного

синдромом Дауна. – Я же ге-рой вой-ны!..

– Ах, мой дорогой! – неожиданно произнес Niprotomus с чувством. – Если бы вы знали, как мне тяжело приходилось в жизни! Если бы вы только знали, сколько тягот выпало на мою долю, вы бы не размахивали, как варвар, вилкой и не втыкали бы алюминий в живое существо! Я тоже когда-то воевал!

– Так рас-ска-жи-те мне, – выговорил я по слогам, не способный в эту минуту ни удивляться, ни иронизировать. Я был наполнен страхом, словно бочка водой после дождя. Ужас полного паралича сочился из каждой поры, каждая клеточка тела дышала им, и я во что бы то ни стало хотел использовать любую ситуацию, дабы вернуть себе былую подвижность. Я знал, я понимал, что все зависит от жука, от его расположенности, а когда человеку дают возможность рассказать про свою жизнь, про ее биографические тяготы, то он непременно добреет и готов на возвышенные поступки. Может быть, насекомые устроены так же, как люди? Может быть, мой жук когда-то сражался с полчищами муравьев и был тяжело ранен, как я. – Рас-ска-жи-те! – еще раз попросил я с особой проникновенностью в голосе.

– Да вы и не поверите мне! – вздохнул жук.

– Я очень довер-чивый человек! – с пафосом произнес я и испугался – не переборщил ли.

– Ах, стоит ли сейчас?..

– Сто-ит, – шамкнул я плохо двигающейся челюстью, с трудом сдерживая злость.

– В самом деле, что ли, рассказать? – кокетничал Niprotomus. – Ах, пожалуй, что самую малость! – Он сделал паузу, пошевелился в шишке, принял удобную позу и сказал:

– Ведь когда-то я тоже был человеком!

Я был готов ко всему, но на такое заявление мой организм и психика настроиться не успели, и, кривя губами, распуская по подбородку слюни, я засмеялся.

– Я так и предполагал, – спокойно произнес жук.

– Прос-ти-те ра-ди Бо-га! – взмолился я, скрипя зубами. – Ха-ха!.. Это нер-вный смех!.. Ха-ха!.. Мне вовсе не смеш-но, но согла-ситесь, если бы я вам зая-вил, что когда-то был бу-каш-кой! Ха-ха!.. Вы бы так же смея-лись!

– Не вижу повода для смеха!

– Но как же!

– А так, все мы когда-то были кем-то другим!

– Вы серь-езно?

- Абсолютно.
- Вы верите в пере-селе-ние душ?
- Я не верю в это, я точно знаю!
- От-куда, поз-вольте по-интере-со-ваться?
- Просто знаю, и все!
- Зна-чит, вы были в прош-лой жизни человеком?
- Так точно.
- Тог-да кем был я?
- Вот этого я вам не скажу.
- А вы зна-ете? – с недоверием спросил я.
- Однозначно.
- И что, никогда не ска-жете мне?
- Думаю, что нет.
- В таком случае я вправе подоз-ревать, что вы гово-рите не правду! – подначивал я.
- Ваше право, – сохранял невозмутимость жук.
- Зна-чит, вы жук-зимник-ин-дуист! – резюмировал я. – В прош-лой жизни – чело-век!
- Император, – уточнил Niprotomus.
- Вот это да! – поразился я. – Не прос-то человек, а им-ператор!
- Император России.
- Не мог ли бы вы немного облег-чить последствия ин-сульта, а то очень труд-но под-дер-жи-вать беседу.
- Какая мне от этого корысть, если вы смеетесь надо мною! К тому же вы особа нервная, где гарантия, что вы снова не воткнете в меня какой-нибудь гвоздь?
- Мое слово!
- Ах, перестаньте!
- Если вы не вер-нете мне под-вижность, – предупредил я, – я не смогу уха-живать за собою, пи-таться!.. Я умру, а вмес-те со мною и вы!
- Я подумаю, – пообещал Niprotomus, и я вдруг почувствовал, как что-то расслабилось у меня в затылке, как будто размякла застаревшая болячка, опухлость спала с языка и скатился с челюсти камень. Втянув в себя слюну, я с восторгом попробовал было пошевелить левой рукой, но она по-прежнему лежала вдоль тела бессмысленным растением. Я хотел спросить, как насчет неподвижной конечности, но жук опередил меня и сказал:
  - Потом.
  - Хорошо, – согласился я, не желая злить насекомое. Главное, первый шаг сделан. – Итак, вы были Императором России?

– Совершенно верно.
– Алексеем Сергеевичем?
– Вовсе нет.
– Иваном Грозным?
– С чего вы взяли?
– Да просто гадаю.
– Мое имя было Аджип Сандап, – сказал Нiprotomus и повесил паузу, чтобы я осознал всю значимость услышанного.

Моя милая Анна!

На этом месте я заканчиваю свое письмо, чтобы через кратчайшее время начать новое. Не терпится поскорее узнать, что в дальнейшем произошло с вашей удивительной находкой. Практически каждый день наблюдал в телевизоре за криминальной хроникой, но никаких сообщений, схожих с вашим, не поступало.

Сколь многократно я смотрю на вашу фотографию в течение дня, столь часто все мое существо охватывает умиление и одновременно всеобъемлющая радость оттого, что мне выпало счастье познакомиться с вами, а также состоять как в дружеской, так и романтической переписке.

Несмотря на столь насыщенную в последнее время жизнь, не перестаю думать о пропавшем товарище моем – Бычкове. Чрезвычайно надеюсь, что он жив и что с ним не произошли события трагического звучания.

Милая Анна!

До свидания!

Всеременно ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

**Отправлено 22-го декабря
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Милый Евгений!

Читала ваше письмо и плакала в некоторых местах, так я за вас счастлива! Я роняла слезы на бумагу, и буквы вашего письма растекались чернилью по строчкам.

Милый мой, славный Евгений!

Я смотрю сейчас на вашу фотографию, на ваши глубокие добрые глаза и хочу их целовать!.. Вы уж простите мои неожиданные бредни, но я не в силах справиться с желанием обнежить вас всего, замучить ваши волосы ласками пальцев, зашептать ваши уши любовностями!..

Ах, Господи! Сейчас пишу вам такие откровения, а сама боюсь, что, как только опущу письмо в почтовый ящик, тотчас могу пожалеть о том, ведь женщине не должно писать о чувстве вперед мужчины!.. Хотя смею надеяться, что я правильно поняла строки вашего письма, обращенные ко мне, и я вовсе не первая открыла кое-какие мои дверки!..

Так счастливо я себя ощущала, что почувствовала необходимость поделиться с кем-нибудь непременно, а может быть, и посоветоваться. Я связалась с нашим санаторием, пытаюсь отыскать толстую Асю, но она выбыла в неизвестном направлении, так и оставив мою жажду выговориться без желающего ее утолить. Ну что ж делать, мне не привыкать советовать самой с собой, впрочем, наверное, как и вам, Евгений.

Вспоминаю, как впервые увидела вас возле входа в Главный корпус. Какие у вас сильные руки! Мне приятно, и я горда за вас, что, искалеченный, вы не бросили бороться за красоту своего тела, компенсируя тонкость безжизненных ног мощью бицепсов и совершенством грудной клетки.

Я рада за вас еще и потому, что вы получили возможность испытать то чувство, на которое не смели надеяться в вашем положении. Одновременно я признательна, что, достигнув наивысшего наслаждения, вы вызвали в своем воображении мой образ, и он помог испытать вам то, что обычно мужчина испытывает именно с женщиной!

Одновременно немножко завидую, что мне не подарено, как вам,

вспыхнуть животом. Но я не отчаиваюсь и пылаю фантазиями.

Прошу вас, молю! Не ведите себя с жуком так вызывающе! Вполне вероятно, что он вовсе не враг вам, а даже наоборот – драгоценный подарок судьбы! Может быть, *Hiprotomus* послан вам самим Богом, дабы вы не соскучились без собеседника и могли поверять свое тело чувствами и ощущениями. Не нервнируйте насекомое, а то может произойти ужасное – вас парализует, и вы не сможете писать мне. А ваши письма – единственное, что есть в моей жизни!

Не прекословьте жуку, слушайте его рассказы, не выказывая иронии и своего превосходства хотя бы вслух, и тогда он, глядишь, будет радовать вас возбуждением на природу, а я буду завидовать вам.

Итак, в прошлый раз я остановилась на том, что непременно решила известить полицию о своей страшной находке. Я уже было собралась свезти футляр в ближайший отдел, как вспомнила блеснувшее золотом кольцо на отрубленной руке. Мне показалось, что драгоценность не рядовой работы, что выполнена она десятки лет назад и украшена каким-то камнем.

Должна вам признаться, что по природе своей я законченная ворона и что все блестящее волнует мою кровь много сильнее игристого вина, а потому колечко бередило мои фантазии непрерывно.

Я совершенно не собиралась снимать с пальца кольцо. Мне просто хотелось рассмотреть его хорошенько, а уж потом расстаться с находкой окончательно и навсегда.

Я стянула чехол до конца, от кисти до плечевого сустава, обнаруживая под брезентом еще и полиэтиленовую обертку, туго обтягивающую руку, как целлофан обтягивает длинный парниковый огурец.

Как я уже говорила, ладонь была сжата в кулак и представляла, по всей видимости, из себя прекрасный ударный экземпляр. Огромный, с голову трехлетнего ребенка, крепкие костяшки пальцев были испещрены легкими и давними шрамами – явным доказательством того, что рука частенько использовалась в драке.

На безымянном пальце руки находился тот предмет, ради которого я отложила сдачу своей находки органам полиции. Это было великолепное кольцо старой работы. Составленное из золота трех цветов, оно представляло из себя умело свитое гнездо, откуда выглядывала змеиная головка, выточенная из сапфира. Змейка смотрела на меня бриллиантовыми глазками и, казалось, готова была в любое мгновение выстрелить из своего гнезда и укусить меня в бровь.

– Ах, какая прелесть! – не удержалась я от восклицания. – Какая

изящная вещица!

Наверное, мои восторги может понять только такая же ворона, как я. Держать в руках отрубленную руку и восхищаться кольцом, принадлежавшим мертвому человеку, которого разрубили на части, – со стороны выглядит не очень-то привлекательно... Но что поделать, тяга к блескучему порой затмевает разум, оставляя лишь частицу его, способную только на любование драгоценностью.

Я попыталась разжать кулак, дабы снять кольцо и повертеть на свету безделушку во всех ракурсах, но мешала полиэтиленовая обертка. Я было принялась стаскивать ее с руки, как перчатку, но она не поддавалась, туго обтягивая мертвую плоть, и неприятно морщила, теребя бледную бескровную кожу.

Я отправилась на кухню за ножом, вовсе не задумываясь о том, как буду объяснять полиции надобность расчехления ужасной находки, а просто поддела острым концом тесака полиэтилен и разрежала его от плеча до кисти. Рука выскользнула из обертки и шлепнулась локтем на мои колени. Белая, словно намелованная, она была совсем прозрачная и удивляла количеством голубых вен, бегущих под кожей, словно реки на карте. Без сомнения, рука знавала силовые упражнения и не чуралась физической работы. В ее бицепсе угадывался великолепный рельеф, и, согнув руку в локте, я в этом смогла убедиться. Под кожей образовался весьма значительный шар, не уступающий по крепости бильярдному.

Рука была правой, и ее срезали точно по плечевому суставу. Орудие, по всей видимости, было заточенным, как бритва, так как место обреза было очень аккуратным и из него не торчали ошметки мяса и сухожилий. Не заметно было и кровяных пятен, из чего я заключила, что рука могла содержаться некоторое время в ванне с формалином, после чего ее, обескровленную, высушили и упаковали в полиэтилен.

Я вновь попыталась разжать кулак, но сильные пальцы врезались ногтями в ладонь, и казалось, никакая сила не способна разогнуть их.

Меня охватило раздражение оттого, что никак не удастся добраться до кольца. Тщетные усилия только разгорячили меня, так что пот выступил на лбу. Я чувствовала себя мародером, обирающим труп, с той лишь разницей, что я вовсе не собиралась присваивать драгоценность, а просто хотела наглядеться на нее и вновь нацепить на мертвый палец.

Из ящика шкафа я вытащила скалку, которой обычно раскатывают тесто для пирога, и попыталась засунуть один ее конец между сжатыми пальцами, используя ее как рычаг для разжимания.

– Отдай! – приговаривала я, вкручивая скалку. – Отдай!..

Одновременно я думала о том, что делаю что-то совсем нехорошее, что надо взять себя в руки и остановиться, пока не поздно. Но все мои мысли на эту тему помещались в каком-то самом отдаленном углу мозга и совершенно не могли справиться с настойчивым "отдай!". Я с упорством маньяка корежила чужую ладонь, пока она наконец не поддалась и пальцы, треснув суставами, не разжались.

Именно эта рука издавала щелчки, пугая меня, – почему-то решила я. – Это она щелкала пальцами в призыве... Какая чушь!

Из разжатой ладони на пол выпала какая-то бумажка. Но не она заинтересовала меня в тот момент, а только кольцо, сияющее сапфиром с безымянного пальца, манило меня, как стрелку компаса притягивает Северный полюс.

Господи! – молила я. – Лишь бы оно не вросло в кожу! А то ведь в раже я не смогу остановиться... и ножом!.. Не допусти, Господи!..

Я взялась пальцами за кольцо и потянула его. Кольцо не двигалось.

Главное – не нервничать! – успокаивала я себя, вертя кольцо в разные стороны, раскачивая его на холодной коже. – Вот так, вот так!

И колечко пошло! Сначала с трудом, потом все уверенней, перевалило через первую фалангу, а далее пошло как по маслу, пока наконец не оказалось у меня в руках. Я отпустила мертвую руку, и она с глухим стуком опустилась рядом с моей коляской.

Дважды крутанув колесами, я остановилась посреди комнаты, как раз в самом ярком световом пятне от люстры, подняла кольцо на ладони и залюбовалась сапфировой змейкой и сиянием ее бриллиантовых глаз. Затем я попробовала украшение на своей руке, но кольцо было чересчур велико для любого моего пальца.

Мужское, – утвердилась я и, вновь сняв драгоценность с пальца, завертела ею перед глазами.

– Ах, какое великолепие! – приговаривала я, заглядывая в самые бриллиантовые глазки змейки. – Какая тончайшая работа!

На внутренней стороне кольца я увидела какие-то буквы и решила, что это проставленная проба, но, присмотревшись внимательно, разглядела, что ошиблась, что это вовсе не проба, а нечто, похожее на иероглифы.

А колечко-то – азиатское! – догадалась я, и вдруг мне показалось, что в змеиной головке что-то переменялось. То ли сапфир поменял свой цвет, то ли бриллианты загорелись по-новому, но что-то неуловимое случилось с драгоценностью. Вдобавок от золота произошло тепло, металл неожиданно нагрелся, сапфировая головка змейки вдруг дернулась, будто в броске, и мою щеку что-то укололо. Укол был не сильным, как комар укусил, но

некая странность нашла на мое тело мгновенно. Я вдруг ослабела всеми членами, ощутила непреодолимое желание спать, тут же закрыла глаза и, прежде чем отпустить сознание в глубины сна, подумала:

– Яд! Колечко-то японское оказалось, с секретом!..

Украшение выпало из рук, покатилося по полу, и я отключилась.

Не знаю, сколько времени я провела без сознания, но когда пришла в себя, то обнаружила, что день за окном в полном разгаре и что солнце полощется в занавесках моих окон, забрасывая стены комнаты причудливыми тенями.

Ах, как некстати электрический свет вперемешку с солнечными лучами! – подумала я и, щелкнув выключателем, погасила люстру.

На полу, в солнечном квадрате, лежала рука с растопыренными пальцами. Увидев ее, окрашенную зимним золотом, я вспомнила, что неожиданно потеряла сознание от японского кольца, и порадовалась, что не умерла, став жертвой азиатской изощренности. Яд, должно быть, испортился.

А где же кольцо? Вероятно, выпало, когда я находилась вне реальности.

Оглядевшись по сторонам, я не обнаружила драгоценности ни рядом с коляской, ни под столом, ни где-либо еще на полу.

Вот незадача! – огорчилась я. – Куда же оно могло запропасться?

Колыхнулись на окне занавески, и световой квадрат, в котором лежала рука, переместился в сторону. Что-то блеснуло на одном из пальцев, и я, безмерно удивляясь, поняла, что это то самое кольцо, которое я безуспешно разыскиваю на полу.

А как оно туда попало? – поинтересовалась я у самой себя, будучи абсолютно уверенной, что не надевала его на палец. – Мистика какая-то!

Мне все это очень не понравилось, я было уже окончательно решила сдать футляр в полицию, как под колесом своей коляски заметила сложенную квадратиком бумажку розового цвета, выпавшую давеча из разжатой мною ладони.

Может быть, в ней написана разгадка смерти? – подумала я, дотягиваясь до бумажки. – Имя преступника начертано?

Еще я подумала, что все это не мое дело, что я уже и так много напортачила, что надо наконец перестать заниматься самодеятельностью и, пока меня не обвинили во всех смертных грехах, немедленно сдать отрубленные руки куда положено. Но увы! Женское любопытство поистине непреодолимо! Оно, словно удар в солнечное сплетение, заставляет закоротить дыхание и сделать то, что делать совсем не нужно.

Нетерпеливыми руками я развернула бумажку. На ней были начертаны крупными печатными буквами два слова: ЛУЧШИЙ ДРУГ.

Так вот кто убийца – ЛУЧШИЙ ДРУГ! – догадалась я. – Это он расчленил тело!

Под крупными буквами было написано что-то еще, но гораздо более мелко. Приблизив бумажку к глазам, я с трудом разобрала:

"Переверните переводную картинку обратной стороной и приложите ее к предплечью руки. Затем возьмите смоченный теплой водой кусочек ваты и осторожными движениями трите бумагу до тех пор, пока изображение не отслоится, приклеившись к руке".

Что за чушь! – подумала я. – Какая переводная картинка?!

Зазвонил дверной звонок, и в полном недоумении от прочитанного я отправилась в коридор открывать. На пороге, празднично улыбаясь, стояла почтальонша Соня.

– Забыла вам гарантию от телевизора отдать! – сообщила она, протягивая пакет с бумагами. – А сегодня гляжу – лежит в сумке! Вот тебе на! Думаю, а что, если у вас телевизор сломается! Так что держите!

Она вручила мне гарантию, а также еще один пакет, в котором лежало что-то увесистое.

– Вот, Владимир Викторович вам передает!

Я заглянула в пакет и обнаружила в нем здоровенную рыбку с красными плавниками.

– Накануне поймал, – пояснила Соня. – Очень он вас жалеет. Говорит – такая красивая женщина, а без движения! Пусть хоть рыбкой порадуетя!

– Ну что вы! – благодарила я, смущаясь. – А как же вы?

– Он много поймал, – махнула рукой Соня. – Он каждый день ловит. Давайте чаю попьем! – и попыталась протиснуться между коляской и дверью.

– С удовольствием, – согласилась я, но, вспомнив, что на полу комнаты валяются отрубленные руки, повернула коляску боком, перегораживая вход.

– Ой, совсем забыла! – воскликнула я театрально. – Только что натерла полы! Давайте к вечеру чаю! Я сама в холодном коридоре сижу!..

– Полы? – с недоверием переспросила Соня. – Как же вы?.. – Она скосила глаза и посмотрела на мои неподвижные ноги.

– Ага, – подтвердила я. – Взяла щетку, прикрепила ее к швабре и... Туда-сюда!

– Да?

– Да. Я давно уже приноровилась.

– Хорошо, – согласилась Соня. – Давайте вечером чай.

Конечно, она мне не поверила про полы, но будучи женщиной от природы деликатной, ничего не сказала, а просто ушла немного огорченная, впрочем спросив разрешения взять с собой на вечернее чаепитие Владимира Викторовича – брата. Я разрешила.

После нескольких минут на улице под ярким зимним солнцем все происходящее показалось мне еще более странным. Видимо, охлажденный кислород не прояснил мозги, хотя и заставил кровь бежать быстрее. Я представила, что мне нужно вернуться домой в компанию трех отрубленных рук, и от этого мне вовсе не стало веселее. Может быть, обо всем нужно было рассказать Соне? Мы бы, женщины, все-таки посоветовались с Владимиром Викторовичем, а он, человек в прошлом военный, непременно бы нашел из сложившейся ситуации выход. Я обернулась вслед Соне, но ее проворные ножки уже унесли хозяйку по всяческим надобностям.

Все три руки по-прежнему валялись на полу. Две в чехлах, одна – обнаженная со скрюченными пальцами.

Лучший Друг! – подумала я про руку и еще раз удивилась прочитанному. – Зачем на мертвую руку приклеивать картинку?

И еще несколько вопросов у меня появилось. Почему я не тороплюсь сдать этот проклятый футляр в полицию? – первый вопрос. Почему копаюсь с этими отрубленными руками? – второй. И третий – нет ли во мне каких-нибудь патологических влечений, до сей поры скрывавшихся в глубинах подсознания?

Я задала себе три вопроса, но отвечать однозначно хотя бы на один не спешила.

Вероятно, мне интересно, что за руки скрываются в двух остальных чехлах, – подумалось мне.

Как только я допустила такую возможность, любопытство завладело мною безраздельно. Тело затрясло от возбуждения, ладошки рук зачесались, и я, более не борясь с собой, наклонилась над вторым чехлом.

Вторая рука принадлежала женщине. Это была изящная ручка с тонкой кистью, маленькой ладошкой и очень длинными пальцами. Принадлежала она, по всей видимости, молодой особе до тридцати, не трудившейся физически. Кожа на руке была идеально гладкой. Ни единый прыщик не портил ее ровности. Никаких лопнувших сосудиков, а уж тем более шрамов, лишь несколько крохотных родинок притягивали к себе взгляд. Подушечки пальцев мягенькие, а линии на ладошке такие длинные и ровные, что любой хиромант определил бы жизнь длинную, ничем не омраченную.

Ах, сколько мужских усов щекотало тыльную сторону этой ладони, целуя ее ритуально и вожделенно, – подумала я с некоторой завистью. – А сколько кудрявых и буйных голов ласкали эти тонкие пальцы!.. Но вот тебе на! Лежит у меня на столе эта любвеобильная рука, а тело неизвестно где!

А еще мне подумалось, что зачастую руки бывают красивыми, а тело или лицо – уродливыми. Так что еще неизвестно, сколь счастлива была эта рука.

Ах, как неумно ревновать к мертвым, – ответила я сама себе. – Как нехорошо злобничать по отношению к покойным! Вероятно, во мне действительно притаилось и живет до времени что-то низменное!..

Женская рука, так же как и первая, сжимала в ладошке розовую бумажку, развернув которую, я прочитала: ЛУЧШАЯ ПОДРУГА. А в скобочках – МАССАЖИСТКА. Ниже, мелким шрифтом, объяснялось, как перевести эти названия на руку с помощью обыкновенной ваты и воды.

Бред какой-то! – решила я. – Если исходить из теории, что в бумажках начертаны имена убийц, то такого вовсе не может быть! Не бывает таких совпадений, что одного прикончил лучший друг, а вторую – лучшая подруга, которая к тому же по профессии массажистка. И зачем все это приклеивать к рукам? Нет, я окончательно запуталась. Чушь!

Женская рука, как и мужская, была отрезана с помощью очень острого предмета и бледна, словно вымоченная в формалине, и, к сожалению, ни на одном из ее изящных пальцев не помещалось какого-нибудь кольца.

Третья рука принадлежала старику. Это было сразу понятно по дряблой мускулатуре, обвисшей складками с предплечья. К тому же при жизни старик, вероятно, страдал болезнью суставов. Локоть руки был раздут и бугрился под кожей солевыми наростами. Тыльная сторона большой ладони была вся в пигментных старческих пятнах, словно ее закапали йодом. Пальцы были, как и у женщины, очень длинными, но с грубыми толстослойными ногтями. Ногти, вероятно, росли медленно и желтели вследствие возраста или курения. Рука, правая, как и в двух предыдущих случаях, тоже прятала в своем кулаке розовую бумажку, содержание которой и вовсе повергло меня в недоумение.

ГОРЬКИЙ – было написано в ней.

И тут, как мне кажется, я поняла. В этих бумажках совсем не имена убийц начертаны, а имена их хозяев!

Я засмеялась. Может быть, на нервной почве родился мой смех, а может быть, он был самым здоровым и естественным в этой ситуации. Ну пусть еще у меня обнаружилась рука какого-то Лучшего Друга или Массажистки, но рука Горького, которого уже Бог знает сколько лет нет на

этом свете!.. Это действительно смешно!.. Кстати, я тут же вспомнила одно из первых ваших писем, в котором вы сообщаете, что купили чернильный прибор, принадлежавший Горькому и из которого он написал роман "Отчаяние".

Хотя фамилия Горький может быть и не только писательской. В школе, в которой я когда-то училась, был мальчик по фамилии Горький, совсем не являвшийся родственником классику. Так что фамилия Горький не эксклюзивная!..

А еще я подумала, что Горький, может, и совсем не фамилия, а обозначение вкусового ощущения, антоним слову "сладкий".

На старческой руке, ни на одном из ее пальцев, также не было ни единого кольца.

Последнее, что мне осталось осмотреть, так это футляр, в котором помещались руки.

Он был, как я описывала ранее, продолговатой формы, обитый черным бархатом, с тремя ячейками внутри, в которые укладывались руки, как я понимаю, для транспортировки. Их привязывали кожаными ремешками, чтобы при кантовании футляра не причинить багажу ущерба.

Также в футляре я обнаружила тоненькую брошюрку, сложенную вдвое, с надписью на титуле: ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ.

Видимо, хозяин после покупки забыл выбросить инструкцию или решил оставить ее для памяти, так как у футляра хитрые замки. Вдруг забудет, как они открываются, а тут под рукой инструкция...

Уже через секунду я поняла, какую глупость сморозила! Ведь если хозяин забыл, как открываются замки его футляра, а инструкция лежит внутри футляра, то, не открыв его, он не достанет инструкцию, а следовательно, не выяснит, как открываются замки! Слава Богу, что мой мозг не подводит меня в сложные моменты и не отказывается мыслить логически!

Я открыла брошюру и на первой странице прочитала следующий текст:

"Уважаемый владелец футляра!

Книжечка, которую вы в настоящий момент держите в руках, поможет вам в дальнейшем использовать Руки по их прямому назначению, которое, впрочем, определил Производитель. Производитель смеет вас заверить, что Продукция отвечает всем требованиям и запросам Заказчика, а также является уникальным творением, произведенным когда-либо человечеством. Производитель отнюдь не отождествляет себя с человечеством и не считает себя частью такового.

Производитель не несет ответственности за неожиданный выход из строя части Продукции или всего целого, так как Руки являются биологическим продуктом, с момента их производства живущим по собственному календарю жизни".

Далее шел пункт № 1:

«ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РУК И ИХ ФУНКЦИИ».

Начинался он со слов:

"Каждая рука предназначена для определенных функций. Настойчиво предупреждаем вас, что, требуя от руки несвойственной ей функции, вы укорачиваете ее биологический цикл... Итак, рука Лучший Друг предназначена"...

Я собралась читать дальше, и каково было мое огорчение, сколь было неприятным изумление, когда я поняла, что после второй странички идет не третья, а сразу тридцать вторая, которая описывает не предназначение рук, а способ управления ими. Я обшарила дно футляра, все его закоулки, надеясь, что страницы книжки с инструкциями разброшюровались и завалились куда-нибудь, но надежды мои были тщетными. Футляр был абсолютно пуст, лишь несколько каких-то черных зерен застряли в бархате.

А как же я узнаю, что мне делать с руками? – возопила я в вечность и вновь сама себе ответила:

– В полицию их, дорогуша! Пусть там ломают головы над их предназначением!

Но, конечно, я уже понимала, что не потащу футляр ни в какую полицию, пока сама не разберусь в таинстве этих рук и не утолю своего гипертрофированного любопытства.

В конце концов, Евгений, уж вы меня поймете наверняка! В нашем с вами положении людей, прикованных к инвалидным коляскам, имеющих ограниченную подвижность, а вследствие этого недостаток информации, а также обделенных во всем другом, что здоровым людям кажется вполне естественным и легко достижимым, нам ли с вами, Евгений, запросто отказываться от того, что посылает неожиданно судьба! Пусть подарок этот и сомнительного содержания, но, как говорится – не до жиру!

Нет! Я не собираюсь сдавать своей находки в полицию, пока не исследую сии предметы самостоятельно!

Итак, мне пришлось довольствоваться тем, что есть. Коли после второй страницы идет сразу тридцать вторая, так нечего делать! И я принялась читать дальше:

"СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ РУКАМИ

1. Достаньте руку из футляра. Если вы собираетесь использовать руку

впервые, то предварительно удалите с нее полиэтиленовую пленку.

2. Если рука находилась в футляре неподвижно более семи дней, то, прежде чем начать пользование, тщательно промассируйте ее от кисти к плечу, чтобы при работе сухожилия и мускулатура не были подвержены судороге и неожиданным разрывам.

3. Убедитесь в том, что выбрали именно ту руку, которую хотели, прочитав ранее переведенную на кожу картинку с названием.

4. Также убедитесь, что поставленная задача соответствует выбранной вами руке.

5. Положите руку на ровную поверхность ладонью вниз и в зависимости от выбранной задачи нажмите на костяшку одного из пальцев, пока не услышите конкретный щелчок. После этого рука начнет действовать самостоятельно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Если рука после нажатия на костяшку отказывается действовать, попробуйте нажать на костяшку еще раз, но никак не более двух раз.

2. Если рука и после этого не функционирует, возьмите иглку, продезинфицируйте ее и уколите руку в ложбинку между безымянным пальцем и мизинцем. Следите за тем, чтобы игла не проникала слишком глубоко под кожу, иначе существует вероятность повреждения внутренних органов.

3. Если же рука и в этом случае не подает признаков жизни, то возьмите шприц, наполнив его на полпальца адреналином, и введите лекарство в вену, следя за тем, чтобы вместе с ним в систему не попал воздух.

4. Если после процедуры, описанной в пункте № 3, рука остается неподвижной, значит, ее биологический цикл окончился.

5. В случае окончания биологического цикла руку следует похоронить в землю или сжечь".

И последняя фраза инструкции:

"Производитель желает вам успешного использования Продукта!"

Более в книжечке я ничего не нашла.

Включив телевизор, под программу о классической музыке я принялась обдумывать факты, которые у меня имелись на данный момент.

Итак, волею судеб мне достались три руки, которые имеют определенное предназначение. Также руки могут выполнять различные функции по желанию владельца. Я знаю, как приводить руки в действие, но не знаю самого главного – каково их предназначение и для чего они служат. То есть, по сути дела, я не знаю ничего.

К тому же мне неизвестно, когда были произведены эти руки, и вполне вероятно, что их биологический цикл давно окончен.

В размышлениях я провела почти целый день, но так и не решилась что-то предпринять. Безусловно, Евгений, вы как мужчина предложили бы выяснить все опытным путем, но какая-то маятная неопределенность останавливала меня, доставляя некоторое удовольствие от оттяжки самого интересного момента. Так любовник истомляет себя созерцанием обнаженного тела любимой, отодвигая момент полного соития, дабы потом насладиться стократ. Так гурман долгие минуты втягивает в себя запахи деликатесных блюд и не спешит положить в рот первый кусочек. И только тогда, когда желудок спазмирует, крича о пощаде, когда слюна водопадом устремляется по лабиринту кишок, только тогда, только в этот момент на язычок кладется крошечный ломтик, ну, например, кекса, намазанного тончайшим слоем паштета из гусиной печенки с вкраплениями прозрачного желе.

Серьезным испытанием для меня стал вечерний приход почтальонши Сони и ее брата Владимира Викторовича. Беседа с ними и чаепитие явились самой трудной оттяжкой перед решительным шагом.

Я сложила руки обратно в футляр и засунула находку в шкаф так, чтобы ни Соня, ни ее брат не могли ее лицезреть.

К чаю я поджарила рыбу, подаренную мне Владимиром Викторовичем, и подала на большом блюде с картофелем.

– Да что вы! Зачем! – сетовал рыболов. – Я же эту рыбку вам презентовал!

– Вот мы ее вместе и съедим! – отвечала я, раскладывая куски по тарелкам. – Еда простая, но сытная!

Судя по выражению лица Сони, она была вовсе не в восторге от предложенного угощения, но, удачно воспитанная, не показывала виду, вяло ковыряя вилкой рыбий хребет.

– Говорят, что рыбу потреблять полезно, – завязал разговор Владимир Викторович, рассматривая мою шею и поэтому немного краснея. – Что-то в ней такое содержится, что предохраняет щитовидную железу от болезней!

– Это в морской рыбе! – уточнила Соня.

– Разве?

– Именно, – подтвердила сестра.

– Пусть будет в морской, – согласился Владимир Викторович, и его взгляд переместился с моей шеи чуточку ниже, засверлив буравчиком толстый свитер.

Того гляди, просверлит до самого тела! – усмехнулась я. На вид саперу

было лет сорок пять, он находился в хорошей форме и было в его лице что-то азиатское.

Соня перехватила взгляд брата, блуждающий по моему свитеру, вершок за вершком исследуя топографию моей груди. Глаза почтальонши сверкнули, она отщипнула вилкой большой кусок рыбы и отправила его в рот, расстреливая брата глазами.

А сестра ли она ему? – озадачилась я и под прицелом Владимира Викторовича слегка выгнулась, натягивая свитер на груди. Мне было приятно, что мужчина разглядывает меня и что это нехитрое занятие доставляет ему удовольствие. Также мне нравилось, что это раздражает Соню; я ощущала некоторое соперничество и, кажется, выигрывала в нем.

– Ешь! – чуть громче, чем надо, произнесла Соня и дернула Владимира Викторовича за рукав.

Конечно, он ей вовсе не брат! – окончательно уверилась я, глядя на то, как почтальонша отчаянно работает челюстями, пережевывая рыбу. – Просто они официально не расписаны и, чтобы про них не говорили всякого, назвали братом и сестрой. К тому же в физиономии сапера угадывается замес азиатских кровей, тогда как в лице Сони кровь преимущественно одна – легкая, славянского окраса.

– Я ем, – ответил Владимир Викторович и, как показалось, еле заметно мне подмигнул. Одним коротким взмахом ресниц.

Ишь, какой негодяй! – с некоторым восторгом изумилась я.

– А что ваш ящик? – спросил сапер, слизывая с губ масляную каплю.

– Какой ящик? – сыграла я удивление.

– Который вам кто-то подкинул?

– Ах, футляр!.. – продолжала я прямо по Станиславскому. – Так нашелся хозяин и забрал его!..

– Нашелся?! – почему-то обрадовался Владимир Викторович. – Ой, как хорошо!.. А что в нем было?

– Так, музыкальный инструмент в нем помещался.

– Что вы говорите! А какой?

И тут я соврала мгновенно, и сколько потом ни размышляла над тем, почему ответила именно так, вразумительного объяснения не находила. Может быть, потому, Евгений, что вы стали для меня чем-то очень важным, и я думаю о вас большую часть своего времени?..

– Саксофон! – ответила я. – И принадлежит он известному московскому музыканту Евгению Молокану!

– Слава Богу, что вещь вновь обрела своего хозяина! – подытожил Владимир Викторович и подмигнул мне так явно, что заметила Соня. Лицо

ее в мгновение ока набрякло кровью, она нависла над столом, багровея носом, глаза выкатились из орбит, почтальонша пыталась было вздохнуть, но в горле что-то встало преградой, как будто сама смерть перегородила гортань. Соня заколотила по столу руками, взбрыкнули в конвульсиях ноги, и смешалась речная рыба с жасминовым чаем.

– Она подавилась! – закричала я. – Помогите же ей!

Владимир Викторович поглядел на сестру с недоумением, как на хамелеона, меняющего свой окрас. И действительно, лицо Сони, ее шея в этот миг меняли свой цвет с багрового на синий с очагами желтизны, обещая в дальнейшем определиться в радикально черный.

– У нее кость в горле! – паниковала я. – Она сейчас умрет!

Судорожно припоминая первые уроки медицины в институте, я тараторила Владимиру Викторовичу о том, что нужно вооружиться вилкой и сделать прокол чуть ниже щитовидной железы, освободив воздуху естественный проход. За это время судороги Сони из отчаянных сделались угасающе умеренными, и я поняла, что, если что-то срочно не предпринять, в моем доме случится трагедия.

– Колите!

– Да как же я ее вилкой по горлу?! – удивлялся Владимир Викторович. – Человек все-таки!

Во всем его облике не было ровным счетом никакого волнения. Казалось, что происходит вещь совершенно естественная и его спутнице ничего особенного не грозит. В довершение я увидела, как сапер вновь подмигнул мне, на этот раз нарочито, подчеркивая подмигивание всей гладко выбритой щекой.

– Не могу я ее по горлу! – повторил Владимир Викторович с нежностью.

Неожиданно он распрямил ладонь лопатой, вытянул руку, развернул плечо на сорок пять градусов и со всего маху шарахнул Соню ручищей по спине. Рот у Сони открылся, словно рыбий, кость вылетела из синего зева, как первобытное копьё из пещеры. Вслед за этим раздался протяжный стон, почтальонша со свистом задышала, захлопала быстро-быстро глазами и пролила на порозовевшие щеки слезы возрождающейся жизни.

– Зачем же вилкой! – улыбнулся сапер. – Так на чем мы остановились?

– На чем!.. – Я решительно была не способна вернуться в русло предыдущей беседы. – Простите... Может быть, ее отвести домой?

Я с жалостью смотрела то на Соню, то на ее брата или кем он там ей приходится.

– Да все уже в порядке! – отказывался Владимир Викторович. – Она в

порядке.

И на самом деле, личико Сони стало почти таким же розовым, как и до косточки. Она даже пыталась улыбаться, хотя дышала пока чаще обычного.

– Вы сказали, что в футляре был саксофон и что принадлежал он известному музыканту Евгению Молокану? Правильно я понял?

– Да-да, – подтвердила я.

– Ну, очень хорошо, что все так благополучно завершилось! – успокоился сапер и попросил еще чаю. – Музыкальный инструмент для музыканта – вещь чрезвычайно важная! – продолжал он, прихлебывая из кружки ароматный напиток. – Это как руки для сапера! Нет инструмента, нет и музыканта!

Владимир Викторович глотал жасминовый чай, смотрел на меня во все глаза, и казалось, приоткрылось в его взгляде что-то до этой секунды спрятанное потаенно, что-то холодное и безжалостное. Или же все это действительно мне казалось.

– Это уже третий раз за неделю! – сказала Соня слабеньким голоском.

– Что – третий раз? – не поняла я.

– Подавилась она в третий раз, – пояснил сапер. – Постоянно, когда ест рыбу – давится.

– А я ему говорю – не лови ты больше эту рыбу! Она уже поперек горла стоит!

– А я люблю рыбу!

– А я через нее когда-нибудь умру! – трагично сообщила Соня.

– А вы не ешьте ее, – предложила я. – Пусть сам питается!

– Он заставляет.

– Зачем? – удивилась я.

– Затем, что полезно от щитовидной железы! – ответил Владимир Викторович.

– Да не помогает речная рыба от щитовидки! – вскричала Соня. – Только морская! Сколько раз повторять!

– А кость-то, смотрите! В дверь шкафа воткнулась! – указал сапер.

Мы с Соней повертели головы и увидели действительно торчащую из дверки шкафа рыбью кость.

– Сейчас вытащу.

С этими словами Владимир Викторович поднялся со стула, прошел через всю комнату и, схватив кость за кончик двумя пальцами, дернул ее на себя. Каково же было наше удивление, когда, вместо того чтобы выдернуться, кость потащила за собой дверь и открыла на четверть содержимое шкафа. И тут я вспомнила, что в нем лежит футляр с руками,

про который я так убедительно врала гостям.

– Закройте немедленно шкаф! – сказала я грубо. – Сейчас же!

Владимир Викторович обратил ко мне удивленное лицо, все еще продолжая держаться за кость:

– Да я вовсе не нарочно его открыл. Он сам!

– Закройте же! – настаивала я, надеясь, что никто не разглядел сокрытого в шкафу футляра.

– Хорошо-хорошо! Вы только не волнуйтесь! – замахал руками сапер и медленно притворил дверь. – Уже закрыл. Вот и нечего волноваться!..

Когда опасность миновала, я попыталась исправить неловкость, намекая, что в шкафу содержатся мои интимные вещи, принадлежности, не предназначенные для мужского постороннего взгляда.

– Там кое-что из женского шелка, – пояснила я кокетливо.

После моих оправданий глаз Владимира Викторовича разгорелся бенгальским огнем, и я опять испытала некую радость победы женского начала над мужским. Теща себя мыслью, что даже в таком недвижимом состоянии представляю интерес для противоположного пола, я проводила гостей до дверей с настойчивым предложением сделать чаепитие нашей доброй традицией и встречаться как можно чаще. Гости заверили в своих искренних симпатиях и обязались трижды в неделю навещать меня. Совсем уже на прощание сапер как бы ненароком положил свою ладонь мне на бок, пытаясь протиснуть ее между спинкой коляски и моей спиной к бедру, но я вся напряглась, напружинилась, и ему это не удалось.

– Ой, простите! Всего хорошего! – распрощался Владимир Викторович.

– До свидания, – ответила я и пожала Сонину влажную ладошку.

Наконец наступило настоящее время. Продолжительные моменты оттяжек закончились, и я подкатила к шкафу. Рыбья кость по-прежнему торчала из дверцы, и, потянув за нее, я открыла мебель, откуда нерасторопно выпорхнула на комнатный свет моль, которую я ловко уничтожила двумя хлопками ладош. Бабочка оставила на моих руках цвет дешевого серебра. Я вытянула из шкафа черный футляр.

Какую же из рук мне использовать для начала? – задалась я вопросом. – Лучшего Друга, Лучшую Подругу или Горького?

Буду делать все по порядку, – пришло решение. – Лучший Друг был первым, с него и начну.

Достав из футляра мускулистую руку со сверкающим на безымянном пальце кольцом, я уложила конечность на стол, как было сказано в инструкции – ладонью вниз, и, помолясь, нажала на костяшку между

указательным и средним пальцами. Раздался щелчок, как будто обломилась сухая ветка...

Милый Евгений! Милый!.. Вот и ваше письмо подоспело! Уже держу в руках мой ножичек-пилочку для распечатывания корреспонденции...

Целую нежно. Чиркая губами по вашей щеке!.. С наступающим Рождеством Христовым!

Ваша Анна Веллер

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

**Отправлено 27-го декабря
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Дражайшая Анна!

Как меня злит то, что я не могу сорваться с места и запросто приехать к вам! Какая мука оттого, что два человека со схожими судьбами и отношением друг к другу не могут найти даже географической точки пересечения для своих искалеченных тел. Ну да ничего! Есть у нас вместо этого могучее устремление помыслов, и не будем отчаиваться, надеясь на Божественный промысел.

Итак, непременно хочу пересказать вам то, что поведал мне *Niprotomus Viktotolamus* после своего смелого заявления, что когда-то, в другой жизни, он существовал человеком и к тому же был Императором Российским по имени Аджип Санда.

– И с чего мне начать? – спросил жук и сам ответил:

– Начну с самого начала. С рождения. Не возражаете?

Я не возражал.

– Я родился в три часа пополудни под истошные крики павлина.

– Поэтично, – прокомментировал я, но жук не обратил внимания на иронию и продолжил рассказ.

– Е-е-ее! – орала птица, и содержались в ее песне все самые омерзительные звуки, которые когда-либо слышало человечество.

Наш семейный лекарь Кошкин держал меня на ладони и чуть было не плакал в притворном умилении, как будто впервые принял удачные роды. Приподнятый на всеобщее обозрение, я обалдело глазел на собравшихся, растопырив в разные стороны свои согнутые в коленях ножки. Зрачки моих больших черных глаз то и дело закатывались, не в состоянии удерживать фокус, отчего я вздергивал розовыми пятками и потрясывал крошечной принадлежностью мужскому роду. Также я распустил к полу длинную слюнку, которая блестела и дрожала в свете солнечного дня. В самом центре моего еще совсем крошечного тельца, в месте, которое в будущем станет пупком, горел кровью остаток перевязанной кишки, еще несколько мгновений назад связывающей меня с матерью. Павлин по-прежнему неутомимо орал, по-своему воспевая роды. За ним, конечно, отчаянно

бегали, пытаясь поймать в огромный сачок, но гадкая птица в последний момент увертывалась и, отпрыгнув на безопасное расстояние, раскрывала торжественный хвост, собираясь продолжить свою свинскую песню. Ловцы в такой момент замирали в параличе и, тараща глаза, смотрели, как тварь открывает свой клюв, высовывая из него тонкий, словно жало, язычок, как широко расставляет когтистые лапы, как набирает грудью воздух...

– Е-е-eee-а! – раздалось наконец.

И хотя этого крика ждали, готовились к нему, но тем не менее всех, и ловцов, и собравшихся при родах, передернуло морозным холодком.

– У-у-у! – застонала моя мать.

Старуха Беба с задрапированным кашихонской сеткой лицом стояла возле волосатой руки лекаря Кошкина, сжимая в одной ладони пустой стеклянный сосуд, удерживая горловину так, чтобы мой мужской орган смотрел в самое его дно, а второй медленно наклоняла бутылку, из которой лилась вода в серебряный таз, стоящий в ногах акушера.

Все находившиеся в комнате, за исключением матери, сделали серьезные лица, потянули ко мне головы, вытягивая шеи, и что есть силы в слаженном порыве зашептали: пыс-пыс-пыс!..

Но ни это змеиное шипение, ни импровизированное водоизвержение в таз никак не затрагивали мой слух. Что-то замкнуло в моем организме, и я продолжал пялиться то на окружающий мир, то, внезапно утерев в нем резкость, заглядывал внутрь себя, рассматривая под черепом радужные переливы. Крошечный финик моей пипки прилип к грецкому ореху мошонки и ни на что не реагировал.

– У-у-у! – вновь застонала мать.

– Е-е-eee-а! – заорал павлин что есть мочи.

– Пыс-пыс-пыс! – зашипели собравшиеся с утроенной силой, мысленно уговаривая мой никчемный отросток выдать порцию долгожданной жидкости.

– Убейте его! – послышалось из глубины комнаты.

Все оборотили лица к моей матери.

– Убейте его! – повторила она слабо.

– Кого? – с изумлением спросил лекарь Кошкин, чувствуя, как от продолжительного держания ребенка наливаются тяжестью рука.

– Кого? – Старуха Беба, икнув от ужаса, чуть было не выронила бутылку с водой.

– Кого?! – поперхнулся собственной слюной астролог и звездочет Муслим.

– Да павлина же, павлина! – с раздражением ответила мать.

– Ах, павлина!.. – с радостью спохватились вокруг. – Павлина можно! Павлин – птица! Павлин – не ребенок!

– У-у-у! – застонала мать и закрыла глаза.

Кто-то подошел к окну и сделал какие-то знаки ловцам. Те, потные и злые от тщетных попыток запутать райскую птицу в сети, в то же мгновение поняли, что от них требуется. Один сбегал за длинным ружьем, засунул в него разрывную пулю и три горсти картечи, второй опустился на колено, подставив стрелку свое плечо для хорошего упора. Несколько секунд ушло на прицел: палец припотел к спусковому крючку, левый глаз сощурился, исчезая под густой бровью, стрелок выдохнул и выстрелил.

– Е-е-eee-а-а-а!!! – заорала птица перед кончиной так, что осыпались яблони в нашем саду. – Е-е-eee-aaa!!!

Она еще никак не могла поверить в то, что уже никогда не будет петь в зените дня, закрываясь от жаркого солнца своим знаменитым хвостом, а потому бегала ошалело с пулей в разорванном сердце по саду, как какая-нибудь глупая беспородная курица, и смотрела на бледнеющий мир недоуменно.

Одновременно с выстрелом что-то в моем теле расслабилось и сократилось, отросток отлип от мошонки, и я брызнул в сторону янтарной жидкостью.

Старуха Беба, испытывающая восторг по поводу кончины павлина, почти упустила этот важнейший момент, а потому часть драгоценной влаги пролилась глупо и пусто, просочившись куда-то сквозь мраморные плиты пола. Старуха, однако, спохватилась и ловко подставила под остаток моей струи свою посуду, прислушиваясь, как бурлит и пенится драгоценная влага.

Все с облегчением вздохнули – то ли оттого, что павлин в это мгновение валялся на клумбе с орхидеями и издыхал, дергая в предсмертных конвульсиях чешуистой ногой, то ли оттого, что я наконец облегчился.

– Приготовьте мне его на ужин, – прошептала моя мать. – Зажарьте в грушах и черносливе.

– Кого? – перепугался лекарь Кошкин, представив вместо моей розовой кожи поджаристую корочку. Я по-прежнему лежал на его руке, заставляя ее неметь своей небольшой тяжестью.

– Кого? – переспросила старуха Беба, побледнев и прижав к груди наполненный на четверть сосуд.

Кого? – хотел узнать звездочет Муслим, но сдержался, прикрыв рот ладонью.

– О Господи, Боже мой! – воскликнула мать и, собравшись с силами, повернулась на другой бок.

– Нельзя тебе ворочаться, милая! – ласково сказала Беба, маленькими шажочками приближаясь к ней. Она вытянула вперед руку с сосудом, в котором задорно плескалась моя моча, и несла его как особую ценность или святыню. – На-ка, лучше выпей, милая! Первенькая! Самая полезная! Удачу в жизни принесет и здоровье!

– Да вы что, издеваетесь? – отмахнулась моя мать. – Мне бы водички с лимоном, а вы что подсовываете!

– Обычай уж у нас такой! – оправдывалась Беба, но все же с завидным упорством подставляла склянку под ее нос.

– Да-да, обычай! – подтвердил Муслим. – Многовековой и очень древний!

– Пей, славная, пей! – увещевала Беба. – Сила в тебе будет и материнство проснется!

Неожиданно мать приподнялась в постели, с трудом сдерживая позывы тошноты. Ночная рубашка распахнулась, открывая большую белую грудь, всю, от основания до розовых сосков, усыпанную крупными веснушками.

– Мужу моему пошлите! – вскричала женщина, взмахнув копной рыжих волос. – Царю! На войну! Ему сейчас нужны и сила и здоровье! А я попросту – водички! – Она стянула через голову рубашку, закрыв усталые бедра кашемировым покрывалом.

– Да как же так! – вскинула свободную руку Беба.

– А так! Здоровье императора важнее, нежели мое!

Звездочет Муслим, впервые увидевший рыжую женщину голой, стоял, словно ударенный током, и пялился жадными глазами на обнаженную грудь, из которой крупными каплями сочилось к животу жирное молоко.

– Господи, как все не вовремя происходит! – с мукой произнесла мать, и никто не понял, к чему относится эта фраза.

Рука лекаря окончательно онемела, лицо покраснелось, ладонь передернуло судорогой, и я, соскользнув с нее, устремился навстречу мраморному полу. Еще одно мгновение, и моя головка непременно расколослась бы о белый камень, если бы не вторая рука Кошкина, ловко подхватившая меня и вознесшая на привычную высоту.

– Ничего доверить нельзя! – возмутилась мать. – Несите ребенка сюда!

Взяв меня на руки, она с некоторым удивлением констатировала, что я – мальчик, затем заглянула в мое лицо и тихо произнесла:

– Глаза как... – запнулась. – Как у императора!

– Да-да! – подтвердила Беба. – Как миндаль красивы! Как родник прозрачны! Как небо чисты!

– Ишь ты, лысый! – хмыкнула мать и ткнула мне правой грудью в нос.

Я со всей силой своих беззубых десен уцепился за сосок и зачавкал им, сначала медленно, затем ускоряясь, шумно пыхтя, становясь похожим на паровоз.

Звездочет Муслим, с окаменевшим животом, не в силах оторвать левого глаза от свободной груди кормящей, правым косил на зеркало, тщательно оглядывая себя – не изменилось ли что-нибудь в его фигуре, не выдадут ли его восставшего позора и одновременно гордости просторные одежды?.. Но все оставалось в порядке. Халат мерзавца был тщательно запахнут и топорщился на нем всего лишь узлом куханского пояса. Звездочет глубоко вздохнул и, наверное, решил, что этой ночью непременно навестит своих жен. Звезды на этом настаивали.

– Что смотрите? – спросила мать собравшихся. – Дел других нет?! Мочу под сургуч и с гонцом к императору!

Старуха Беба, продолжавшая держать склянку с драгоценной жидкостью, хотела сказать что-то вслух, но, удержавшись, лишь проворчала себе под нос:

– Ой, скиснет! Пропадет на жаре!..

– Все сделаем, как скажете, Ваше Величество! – уверил лекарь Кошкин и на мысках парчовых чувак выскользнул из комнаты.

– Ах, как вовремя мальчик родился! – зацокал Муслим, пятясь к выходу. – Как звезды удачно выстроились!

Уже в дверях он рассмотрел большую обнаженную спину матери аж до самых поясничных ямочек и чуть было не лишился чувств.

О небеса! – изумился он. – И спина рыжая!

Лишь одна Беба осталась в комнате, ласково улыбаясь самой идиллической картине – кормящей матери и сосущему младенцу.

– Возьми мальчика! Я устала! – сказала мать и оторвала меня, словно присоску, от груди. Я чмокнул губами, пьяно покрутил в пространстве глазами, захлопнул их под белобрысые ресницы и засопел прибывшим к станции железнодорожным составом.

– Вечером доест, – добавила мать, затем отложила меня в сторону, отвернувшись к стене, сладко зевнула и, засыпая, прошептала:

– Зажарьте мне его!..

Отнеся меня в заранее приготовленную комнату, уложив на самые тонкие шелковые простыни и прошептав над моей лысой головой короткую молитву, старуха самолично расплавила кусочек сургуча, залепила им

горловину сосуда с бесценной влагой и, с трудом выводя на листе пергамента буквы, написала короткое письмо, которое и приложила к еще теплой посуде.

"Его Императорскому Величеству, Царю Русскому.

Спешу уведомить Ваше Величество, что супружница Ваша Инна Ильинична Молокова одиннадцатого числа сего месяца разродилась успешно младенчиком мужского пола и посылает Вам его наипервейшую мочу, дабы Вы набрались из нее сил и смогли достойно защищать границы нашего доблестного Российского Отечества".

И подпись: "Ваша старая нянька Беба".

И постскрипtum: "Таковы уж наши обычаи".

Она немедля передала посылку гонцу с наставлением, не жалея верблюда, мчаться в лагерь Императора, сама же отправилась на кухню. Ей не терпелось разделать павлинью тушку, вырвать из горла птицы язык, выудить из-под ребер маленькое сердце в голубой пленке и вместе с печенью все это сварить в тягучей сладкой патоке.

В это время я спал так крепко и глубоко, как может спать только новорожденный, чей мозг не отягощен ровно ничем. Но мне так же, как и всему человечеству, снились сны. Они были крайне просты и состояли из перетекания одних ярких цветов в другие, еще более яркие. Я жадно питался красками, как будто уже тогда предчувствовал, что жизнь моя наяву будет состоять только из черно-белых оттенков.

Старуха Беба взрезала павлиний желудок и, к своему удивлению, выудила из него кусочек пергамента, развернув который, прочла по-арабски:

"Ребенок, рожденный одиннадцатого числа, должен быть назван Аджип Сандалом. Если же его нарекут другим именем, то младенец на закате третьего дня неизбежно умрет". И подпись: "Эль Калем".

Ніротоміс замолчал, и мне казалось, что я слышу его дыхание. Так обычно дышат перед тем, как заплакать.

Неожиданно для себя я понял, что заслушался рассказом жука и вполне им заинтригован, несмотря на то, что вряд ли верил в переселение душ. Но тем не менее я сочувствовал рассказчику, его вере в когда-то происходившее и ловил себя на том, что когда вспоминаю свое детство, то также чувствую желание заплакать. Мое детство было счастливым, а глаза сейчас на мокром месте.

Вспоминая себя маленькими, мы шумно втягиваем носами вовсе не из-за невзгод, перенесенных в детстве, а вследствие жалости к себе, взрослым. Мы как будто заболели с тех пор. Взрослые – заболевшие дети! – сделал я

ВЫВОД.

– Что было дальше? – спросил я Niprotomus'a.

– Дальше? – переспросил жук. – А дальше было вот что. Старуха Беба так перепугалась обнаруженного пергамента, что затряслась перегретым воздухом и решила никому не показывать найденное письмо. Ведь подписано оно было самим Эль Калемом!..

А на следующий день, когда меня крестили по православному обряду и матери было предложено выбрать имя, она не колеблясь отобрала из всех возможностей одну и нарекла меня Порфирием. Священник окунул меня в святую воду, я во всю мощь легких втянул ее в себя и захлебнулся.

Каково было изумление всех присутствующих, какой неопиcуемый ужас нарисовался в их глазах, когда из серебряной посуды вместо бодрого младенца выудили за ножки синюшное тельце, отказавшееся дышать совершенно.

Многие зашлись в немом крике, некоторые охнули в голос, лишь мать моя хранила мужественное спокойствие.

И на этот раз лекарь Кошкин проявил свой высочайший профессионализм. Он сделал искусственное дыхание, заново вдувая в меня жизнь, помял ладонью воробьиное сердечко, и оно в ответ слабенко застучалось в грудь, оповещая всех, что еще не настало время печали.

В тот день, день крестин, меня не забрал к себе Бог, но что-то испортилось в моем организме, какие-то разлады в нем произошли, и час за часом я таял, словно ангелок, вырезанный скульптором из льда.

Послали за отцом, Императором Российским, и вскоре он прибыл на пегом верблюде в сопровождении многочисленной свиты.

Отец коротко оглядел меня, не узнавая в синюшном младенце своей плоти, и вышел вон. В интимной обстановке он обнял мать, пожалел о случившемся и, обремененный государственной войной, отбыл обратно на поля сражений.

Наступил третий день моей жизни, и я дышал часто-часто, как собака на жаре, готовясь с минуты на минуту устремить свою душу в божественную запазуху.

Все это время старуха Беба отчаянно мучилась. Неприкаянная, она не могла отыскать себе в доме места, что не укрылось от глаз моей матери.

– Ты что-то скрываешь! – сказала она жестко.

– Что ты, государыня!.. – испугалась царская нянька и забегала глазами по сторонам, не в силах укрыться от крепкого материнского взгляда.

Тогда мать размахнулась и влепила старухе сочную оплеуху, после чего та не выдержала, бросилась на колени и, разрыдавшись, рассказала о

неожиданной находке.

– Эль Калем, говоришь? – произнесла мать и покрутила дьявольское имя на языке. – Эль Калем... Ну что ж, пусть мой сын будет называться Аджип Сандалом, нежели отдаст Богу душу!

– Господь с тобой! – еще больше испугалась Беба.

– Как сказала, так и будет!

Мое умирающее тельце вновь отнесли в церковь и, окунув его в святую воду, переназвали из Порфирия в Аджип Сандала. Лишь только было произнесено священником новое имя, лишь только захлопнул он челюсть, как на глазах у всех к моим щекам притянуло крови ровно столько, сколько отличает здорового ребенка от всех остальных. Я открыл глаза и улыбнулся навстречу миру.

Таким образом и произошел Русский Император Аджип Сандал.

Жук закончил и вновь замолчал, ожидая моей реакции.

– Вы – замечательный рассказчик! – подытожил я. – И великолепный фантазер!

– Что значит-фантазер?! – оскорбился Niprotomus, кольнул меня своей иглой, и я испугался, что моя парализованная рука так никогда и не будет действовать.

– Вполне вероятно, что вам кажется, будто так происходило, – попытался смягчить я. – Но, к сожалению, обо всех этих перипетиях история умалчивает! У нас в России никогда не было царя Аджип Сандала. И потом... Русский царь никогда не ездил на пегом верблюде!..

– А на каком верблюде он, по-вашему, ездил? – с сарказмом в голосе поинтересовался жук.

– А он вообще ни на каком верблюде не ездил! – в обиде за царя ответил я. – Цари на Руси традиционно ездили на лошадях!

– Рассердиться, что ли, на вас?

– За что?

– Устроить вам обширное кровоизлияние в мозг и сменить тело?

– По какой причине?!

– А по такой, что я никогда не вру! – объяснил Niprotomus. – И если я что-то вам говорю, то принимайте это за истину!

– Хорошенький диалог!

– Это не диалог, а монолог!

– У вашей матери фамилия, похожая на мою, – заметил я. – Молокова. А я – Молокан.

– Слушайте! – неожиданно спросил жук. – А чем вы рану мазали, когда меня... когда на меня, э-э-э, та мерзкая птица напала?

– Перекисью водорода, – ответил я. – А что?

– А нельзя ли помазать шишку еще раз?

– Зачем? – удивился я.

– Для профилактики заражения.

– Так все уже зажило.

– Не спорьте, мажьте! Я чувствую, что рана еще не затянулась!

– Как знаете, – совершенно удивился я. – Но только вы сначала верните подвижность моей руке.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Niprotomus. – Только впредь думайте над своими словами, прежде чем произнести их, и соизмеряйте действия, прежде чем отважиться на них.

– Обещаю.

В то же самое мгновение моя рука вновь обрела подвижность, и, подняв ее над головой, я засмеялся, как мальчишка, которому только что сняли гипс и он вновь может раздавать оплеухи своим сотоварищам.

– Что насчет перекиси водорода? – напомнил жук.

– Да-да, – спохватился я и, перебравшись на коляску, отправился в ванную.

Накрутив на спичку кусочек ваты, я смочил ее в перекиси водорода и помазал царапину, оставшуюся после удара, нанесенного вилкой. Не перемешавшись с кровью, перекись даже не шипела, а просто смочила рану водичкой.

– Так хорошо? – спросил я.

– Хорошо-хорошо, – ответил жук расслабленно.

– Так что же было дальше? – поинтересовался я. – Как происходила ваша жизнь впоследствии?

– Сейчас не мешайте... – слабым голосом предупредил Niprotomus. – Все после... Сейчас у меня... у меня... – И, что-то проямлив, замолчал.

– Эй! – позвал я.

Жук не отзывался, лишь хрюкнул.

– Господин Niprotomus!

Молчание.

Тогда я осторожно потрогал шишку, в которой, смоченный перекисью водорода, затаился мой собеседник. Но и на это, совершенно нелюбимое действие, жук не отреагировал. Я вспомнил, что и в прошлый раз, намазав рану перекисью водорода, так и не смог достучаться до насекомого. А что, если... От такой догадки у меня дух перехватило! Что, если перекись водорода является для моего соседа неким препаратом, отключающим его

сознание от реальности? Что-то типа алкоголя или наркотика? От предвкушения я потерял руки.

Ах, как бы это было замечательно! – представил я. – Тогда бы насекомое лишилось надо мною власти. Чуть что не по мне, я бы его перекинул! Слава Богу, перекинул в аптеках хватает, залейся с головой!.. Ах ты, какая радость нежданная!..

В дверь позвонили.

– Ну, теперь мы поборемся! – воскликнул я.

В дверь позвонили еще раз.

Распираемый торжеством, я покатился в прихожую и, щелкнув дверными замками, обнаружил на лестничной клетке моего товарища Бычкова.

– Привет, – произнес он.

– Голубчик ты мой! – заверещал я. – Милый мой! Как я рад! Да проходи же ты в комнату! Да где же ты пропадал? Почему не сообщил!

– Привет, – повторил Бычков, и тут я разглядел его глаза. Они были грустны и казались мне сегодня особенно большими, такими большими, что в них словно поместилась вся печаль.

– Что-нибудь случилось?

В ответ Бычков обнял меня и сказал:

– Я рад тебя видеть. Кстати, ты с кем разговаривал до моего прихода?

– А-а! – махнул я рукой. – Сам с собой. Ты же знаешь, как нелегко целыми днями с самим собой молча!.. Да что я, расскажи о себе! Я, грешным делом, извелся – куда ты пропал? Иной раз мысли чудовищные посещали, что умертвили тебя где-нибудь в подворотне!

– Живой я, как видишь, – улыбнулся Бычков и замолчал, глядя в окно.

На карнизе подоконника расселись голуби, и сквозь закрытую форточку доносилось их воркование. Вдруг я увидел между их крупными серыми телами маленькую зеленую птичку с бравым хохолком, давеча напавшую на меня и напугавшую до полусмерти *Hiprotomus*'а. Ах, как хорошо, что я ее не убил, подумал я. Как хорошо, что она жива!.. Голуби курлыкали и отчаянно толкались, выпихивая экзотическую птичку с карниза.

– Попугай, – заметил Бычков. – Он замерзнет на улице. Давай его впустим?

– Ни в коем случае! – испугался я. – Это вовсе не попугай! Пусть там и остается!

Бычков с удивлением посмотрел на меня и пожал плечами.

– Чего ты испугался?

– Я не испугался, но не надо его впускать!

– Как хочешь. Главное, не нервничай!

– Я и не нервничаю.

– Ну вот и славно.

Бычков вновь замолчал, продолжая смотреть за окно. Теперь голуби устроили на карнизе настоящую свалку, как будто по нему, жестяному, рассыпали мешок зерна. Маленькая птичка отчаянно сопротивлялась, стараясь удержаться. Ее пристальный взгляд иногда встречался с моим. Тогда она открывала клюв и высовывала наружу свой загнутый язычок.

– Я влюбился, – объявил Бычков. – Очень сильно. Как когда-то ты в Зою.

– Как это здорово! – обрадовался я. – Я так и знал, что ты пропал из-за этого!.. Ну расскажи же наконец, кто она?

– Я ее потерял, – сказал Бычков с грустью. – Как когда-то ты Зою.

– Как потерял? – не понял я.

– Очень просто... Хотя не просто! – спохватился Бычков, потер ладонью лоб, и я понял, что мой товарищ очень страдает. – Совсем не просто!..

– Если у тебя есть потребность, – предложил я, – расскажи мне. Если не хочешь рассказывать, я не обижусь.

– Не знаю даже, с чего начать! – мучился Бычков. – Странно все это как-то! Какая-то странная история...

– В мире много странного, – ответил я претенциозной фразой, хотя за ней стояло много чего. Я посмотрел на окно в тот самый момент, когда маленькая птичка устала сопротивляться и, измученная голубиными щипками, оттолкнулась от карниза и взлетела в зимнее небо. – Вот и птичка странная, – подумал я.

– Помнишь, мы с тобой по Коломенскому парку гуляли? – спросил Бычков.

– Конечно.

– В тот день все и началось...

Бычков отправился на кухню, и я услышал, как он наполнил водой чайник и поставил его на плиту.

– Помнишь, я тебе говорил, что у меня неотложные дела? – продолжил он из кухни.

– Да-да, – подтвердил я с энтузиазмом.

– Я ездил на стрельбище опробовать новый автомат.

– Да что ты!..

– Японцы разработали конструкцию для сверхблизкой стрельбы. Это

новейшая секретная конструкция для частей специального назначения.

– А откуда взялся автомат у нас?

Бычков появился с большой чашкой чая в руках и с удивлением на меня посмотрел.

– У нас тоже есть спецчасти, – ответил он, уселся за стол и вновь продолжил:

– В свою очередь, наши тоже разработали новую систему, и в мою задачу входило определить, чье оружие лучше. Так вот, наш автомат на порядок выше. Это было сразу понятно: по отдаче, по скорострельности, в общем, почти по всем параметрам. Соответственно мы эту радость решили отпраздновать и вместе с конструктором, а также еще с одним экспертом крепко посидели в маленьком ресторанчике возле Воробьевых гор. Поскольку на следующий день выпадал выходной, то никто из нас не мучил себя определенной нормой, и вследствие этого конструктор к часу ночи был похож на алкоголика от рождения. Недалеко от него ушли и мы. Слава Богу, что возле ресторанчика дежурили такси, и мы спокойно разъехались по домам, не тревожась за судьбы друг друга. Уже подъезжая к своему дому, я вдруг заметил странную штуку. Винный магазин, что напротив меня, был открыт, и сквозь светящуюся витрину я рассмотрел его хозяйку Зину.

Очень странное дело, – подумал я. – Ведь времени уже за полночь, а все винные закрываются в десять. Не произошло ли чего?

Я расплатился с таксистом, отсчитав ему приличные чаевые, и, прежде чем подняться к себе, решил заглянуть в магазин к Зине.

Она стояла, опершись о прилавок, а ее левая грудь, обтянутая нейлоновой кофтой, улеглась на весы, отсчитавшие семь с половиной фунтов семьдесят пять золотников и цену в семьдесят две копейки.

Зина дремала и, когда за мною закрылась дверь, со сна немного испугалась, встрепенулась, нарушая стройный порядок цифр на весах.

– Ой, что случилось? – всполошилась она.

– Ничего не случилось, Зина, – ответил я.

– Ах, это ты!.. – улыбнулась хозяйка. – Давно тебя не видела... – Она поглядела на меня ласково. – Ты немного изменился. В височках серебро...

– А ты все такая же красивая!

– Брось! – махнула она рукою. – Я в таком возрасте, когда уже забывают про свою красоту!..

Когда-то Зина жила с моим отцом. Это было давно, задолго до войны, когда я еще был мальчишкой и когда детство казалось совершенно бесконечным. Моя мать, жена отца, сбежала в какой-то далекий город с

неизвестным, оставив нас с отцом сиротами. Отец целый год очень сильно переживал, а потом сошелся с Зиной, и они вместе купили винный магазинчик. Через него отец и погиб. Он был дегустатором всех вин и алкогольных напитков, которые поступали на реализацию. Его печень лопнула, переполненная градусами, и Зина осталась одна... Я стараюсь как можно чаще навещать мою мачеху, но жизнь так порой складывается, что нет времени на то, что близко тебе и дорого.

– Почему ты сегодня так поздно не закрываешься? – спросил я. – Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего, – ответила Зина. – Что-то загрустилось просто... А ты чего навеселе?

– Да так, одну удачу с товарищами праздновали.

– Это хорошо, когда удачу, – одобрила хозяйка. – Хуже, когда празднуют пустоту!

Я еще раз оглядел Зину. Увидел ее не очень хорошо выкрашенные волосы, косметику, сбившуюся возле висков в комочки, и глаза, в которых было слишком много одиночества.

– А давай-ка мы с тобой, Зина, как-нибудь соберемся в воскресенье у меня и посидим хорошенько. Повспоминаем всякое прошлое, отца!..

– Что ж, – согласилась мачеха. – Дело хорошее!

Она сняла с полки бутылку сухого вина и протянула ее мне.

– Выпьешь немного перед сном и с утра будешь свежим, с ясной головой. Французское, тридцатилетнее.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Ну иди, буду закрываться.

Я сидел в своей квартире с выключенным светом и слушал ночь. Темная и осенняя, она была тиха, лишь потрескивали опавшие листья под ногами случайных прохожих. Я сидел и думал обо всем понемножку. И о Зине с ее нескладной жизнью, и об отце, и о самом себе. Алкоголь придавал моим размышлениям оттенок сентиментальности, а оттого становилось грустно окончательно, что вовсе не позволительно кадровому офицеру.

Господи! – хлопнул я себя ладонью по лбу. – Ведь сегодня день рождения моего отца! Вот почему Зина так долго не закрывала магазин, вот почему ей так грустно было сегодня. Ей было грустно, потому что я забыл про день рождения своего родителя.

– Знаешь, – Бычков посмотрел мне в глаза, – знаешь, иногда бывает так мерзопакостно на душе, как никогда не было еще!

Я кивнул.

– Я тогда заплакал, так горько и так громко, как рыдал только в детстве, когда понял, что больше никогда не увижу мать. Я размазывал слезы по щекам и шептал в ночь: отец! отец!.. Раскаиваясь, я мучил себя вопросом, почему при жизни не подарил отцу цветного телевизора и не купил ему туристическую путевку на Сейшелы, и он так и умер, ни разу не выехав за границу!

Растравив себя окончательно, мокрый от пьяных слез, я потащился на кухню за штопором, решив выпить за отцовский день рождения французского вина, подаренного мне Зиной.

А ведь она специально подарила мне бутылку! – дошло до меня внезапно. – Ведь из-за меня она не закрывала магазин так поздно, дожидаясь пасынка...

Я поставил бутылку на стол и вкрутил в ее длинное горлышко спираль штопора. Пробка сидела так плотно, что с первой попытки мне не удалось ее вытащить. Икая и всхлипывая, я потащил с удвоенной силой, и через несколько секунд бутылка ойкнула, расставаясь с деревяшкой.

Вот тут все и произошло. С этого мгновения все и началось!..

Я взялся за бутылку, чтобы налить из нее в бокал, но в то же мгновение отдернул руку. Стекло было столь горячо, столь раскалено было содержимое, что, несмотря на свою нетрезвость, я крайне удивился этому. Проделав вторую попытку ухватиться за бутылочный бок и обжегшись уже основательно, я решил было, что имею дело с бутылкой, наполненной зажигательной смесью, которые когда-то использовали для поджога танков; к тому же в емкости появилось какое-то свечение, наполняя комнату тусклым потусторонним светом.

Сейчас взорвется! – решил я и бросился на пол, закрывая голову руками.

В комнате отчаянно вспыхнуло, разрывая темноту огненными брызгами, что-то завывало грустным волком, наполняя все мое тренированное тело первобытным страхом, запахло серой, и я подумал, что настал мой последний миг.

Но тем не менее конец все не наступал, бутылка не взрывалась, а лишь испускала волны нестерпимого света, слепящего глаза, которые я все же приоткрыл, решив встретить смерть бесстрашно, как подобает бойцу спецназа...

В комнате было так ярко, как будто в ней, пятнадцатидюймовой, одновременно работали пятнадцать сварщиков, каждый на своем аршине. Всякий предмет был засвечен не правильной световой выдержкой и был неразличим человеческим глазом.

Какой великолепный пиротехнический заряд! – восхитился я. Ничего подобного мне не доводилось видеть на вооружении наших спецотрядов. Две такие штуквины способны осветить поле боя радиусом в двести десять аршин. Экая световая мощь!

Неожиданно в моих глазах резануло, будто в них сыпанули соли, я уткнул лицо в ладони, пытаюсь жмуриться и слезами выплакать песчинки, но уже понимал, что настигла меня неприятная штука, которая случается, когда смотришь на сварочные работы без специальных очков.

Теперь несколько дней будет ощущение, что песок в глазах, – расстроился я.

Даже сквозь зажмуренные глаза, сквозь ладони, закрывающие лицо, пробивался этот потусторонний свет. Но уже чувствовалось, что мощь его угасает, что находится он на изломе своей силы и вот-вот окончательно завянет.

Надо сдать бутылку на экспертизу, – решил я. – Интересно, как такая штуквина могла попасть в магазин Зины? Поскольку путного ответа в мою голову не пришло, я отважился вновь приоткрыть глаза и хотя бы добраться до раковины, чтобы промыть их, но то, что я увидел, заставило на какое-то время забыть о недомогании.

В умирающем свете бутылочного огня, возле окна, спиной ко мне, стояла женщина. Она была абсолютно голой и, чуть согнувшись, опершись о подоконник длинными руками, смотрела в осеннюю ночь.

От изумления я не мог пошевелиться и, думая о том, что вся эта картина сплошной оптический обман, что все это наваждение нетрезвого мозга холостяка, все же не отрывал своих слезящихся глаз от изумительного миража, поедая его взглядом жадно и восторженно.

Нагота женщины была столь великолепной, столь изящны были округлости ее яблочных плеч, а изгибы и извивы бедер, слегка укрытые светлыми волосами, спадающими по спине к приподнятым ягодицам, столь манящи, что дыхание мое остановилось и сердце замедлило свой ход.

В бутылке в последний раз вспыхнуло, зашипело умирающее пламя, и комната вновь погрузилась в темноту.

Я чувствовал ее. Я всем своим существом ощущал, как она стоит там у окна, слившаяся с темнотой, совершенно голая и теплая.

Я слышал ее дыхание. Оно было спокойным и глубоким.

Я надеялся, что она не мираж. Я молил Бога, чтобы она не была миражем, чтобы она была настоящей, каким бы странным и мистическим ни было ее появление.

Мне показалось, что она пошевелилась там, возле окна. Слегка повела

головой, и волосы скользнули к плечу, обнажая спину целиком. Белизна ее кожи чуть раздвинула темноту, и я задышал спокойнее, уверяясь, что вижу ее на самом деле.

– Если хотите, можете включить свет, – услышал я ее голос и, икнув от неожиданности, отчаянно покраснел. – Только не зажигайте люстру. Что-нибудь небольшое, а то вашим глазам и так досталось.

У нее был необыкновенный голос! Конечно, я понимаю, что влюбленному человеку в объекте своей страсти все кажется совершенным, но здесь абсолютно другой случай!.. Ее голос был не высоким и не низким. Он не был ни властным, ни безвольным! Но вместе с тем в нем было все! В нем было столько уверенности и спокойствия, столь наполнен он был духом, что уже по первым его звукам я понял, что это именно та женщина, которой я подчинюсь безоглядно, безвольным рабом, все равно – счастлива ли будет моя любовь или трагична.

Господи, – подумал я. – Ведь я не видел ее лица, а уже влюблен!..

Я щелкнул выключателем, и в комнате загорелся маленький ночной свет. В глазах снова защипало, и я быстро-быстро заморгал ресницами, стараясь избавиться от "песка".

А она все стояла у окна, но теперь уже ко мне лицом. Она была... Господи, где же найти слова, достойные ее описания!.. Она была очень родная. Она была такой, какой мечтается самая любимая женщина.

Она улыбалась мне. В ее улыбке было чуть-чуть грустного, чуть задорное примешивалось к губам и очень насмешливым был ее нос.

– Здравствуйте, – сказала она и слегка развела руками, как бы немного смущаясь наготы, мол, вот такая странная ситуация.

От этого движения, от простого жеста ее голое тело стало вдвое обнаженней.

– Здравствуйте, – ответил я и не узнал своего голоса.

– Вы извините меня, что я голая, но иначе никак нельзя было.

– Я понимаю.

– Спасибо, – поблагодарила она и широко улыбнулась. – Я вам нравлюсь?

– Да, – ответил я.

– Если я останусь, вы не будете мучить меня вопросами о моем прошлом?

– Нет, – сказал я уверенно. – Обещаю!

– Я вам не верю. Хотя какая разница! Я предназначена для вас и останусь.

– Садитесь, – предложил я.

Она засмеялась, прикрывая рот ладошкой с длинными тонкими пальчиками, которые мне захотелось зацеловать немедленно. Она смеялась долго и всласть, так заразительно, что я тоже захихикал ей в поддержку.

– Я уже сколько времени стою здесь неглиже!.. Мне холодно.

– Ага, – согласился я, и она почему-то вновь засмеялась.

– Дайте мне что-нибудь! – сказала она сквозь смех. – Не волнуйтесь, вы сможете смотреть на меня, когда вам захочется! Я же говорю, что предназначена для вас. Просто сейчас мне холодно, а гусяная кожа не красит... Конечно, если вы хотите, я могу остаться раздетой... Я могу быть голой столько, сколько вы пожелаете!..

– Нет, что вы! – возмутился я своей непонятливости и зарыскал в шкафу, отыскивая чистый халат.

Она примерила его, мохнатый, разгладила на бедрах и спросила:

– Вам нравится?

– Нравится.

– Теперь я сяду?

– Ага.

Она села на край стула, сведя колени, с прямой спиной, словно школьница.

– Я хочу сказать вам несколько слов. Можно?

– Конечно, – позволил я.

– Я предназначена для вас, – повторила она. – Я создана для вас, а вы для меня. Все остальное почти совсем не важно. Вы согласны?

– Да, – ответил я, абсолютно согласный с ее словами.

– Я люблю вас, – произнесла она чуть слышно, опустив глаза.

После этих слов во мне будто все праздники мира соединились! Огромное счастье затолкалось из меня, и я заговорил в ответ, затараторил сумбурно:

– Я тоже вас люблю! Я вас всю жизнь себе представлял и придумывал! Вы даже не предполагаете, сколько счастья сейчас во мне, сколько мне хочется сказать вам!..

– Правда?!

Она подняла на меня глаза, и столько в них было неподдельной детской радости, словно ей было страшно, что на признание я могу ответить грубостью.

– Я счастлива.

После этих взаимных откровений мы целую вечность сидели молча и просто смотрели друг на друга со счастливым умилением.

– Давайте выпьем, – предложила она. – Чуть-чуть.

– С удовольствием! – поддержал я и тут же спохватился:
– Только вот у меня ничего нет. Была единственная бутылка и...
– В ней очень хорошее французское вино. Почему бы нам его не попробовать?

– Вы так думаете? – неуверенно переспросил я, вспоминая, как некоторое время назад в бутылке горело порохом.

– Конечно.

Я разлил жидкость по бокалам, и она первая подняла свой.

– За вас! – сказала ласково.

– За нас! – уточнил я.

Она вновь улыбнулась, кивнула головой и выпила до дна. Я поспешил сделать то же самое, с удивлением ощущая необыкновенный аромат вина. Французский нектар скользнул в желудок, заиграв в нем слабыми градусами, и я ощутил прилив сил, как будто это было вовсе не вино, а опиумный настой. Стало жарко, воздух загустел, и я почувствовал сильное желание. Столь мощное, что казалось, желание написано на моем лице толстым японским фломастером. Вождение сделало мое тело тяжелым, голова наклонилась вперед, по-бычьей, еще бы секунду – и изо рта стала бы капать слюна с необыкновенным содержанием тестостерона.

– Мне тоже трудно удерживать себя, – сказала она.

Я нервно сглотнул.

– Это вино такое, – пояснила она, и я заметил, как лицо ее покраснело, а глаза заблестели. Губы приоткрылись, и она слегка закусила кончик языка.

Я увидел, как ее рука потянулась к лампе и, нащупав выключатель, погасила свет.

– Идите ко мне, пожалуйста, – попросила она, и я устремился на этот зов со всем стремлением магнитной стрелки к Северному полюсу.

Господи! Она совершенно ничего не стеснялась, как будто мы с ней были мужем и женой целую вечность! Ее тело было приспособлено для моего, как створка одной раковины для другой. Каждый мой поцелуй был удовлетворен той частью тела, для которой я его предназначал. Каждое мое движение находило в ней отзыв, словно она была эхом моих желаний и наслаждений. Каждый градус моего тепла она удваивала своим, передавая его через сухие губы, через тонкие пальцы, через вздрагивающую грудь и вжатые друг в друга бедра...

– Ах! – шептала она, и я чувствовал, как велико ее наслаждение. – Ах!..

– Милая моя! – отвечал я, ощущая от ее "ах!" могучий прилив сил. –

Господи!..

Уже совсем после, под самое утро, когда мы зажгли свет, перемешивая электричество с рассветом, я увидел ее губы. Они были столь красны, столь пунцовы, как будто их натерли лесной малиной – так мы нацеловались основательно.

– Откуда ты? – спросил я.

– Из бутылки, – ответила она, облизывая губы.

– Ты – джинн?

– Нет.

– А кто?

– Жена.

– Это хорошо, – произнес я удовлетворенно и поцеловал ее в живот, где-то в глубине сознания удивляясь, сколь знаком мне запах ее тела.

– Ты будешь стирать мне вещи?

– Буду, – вздохнула она обреченно.

– И гладить будешь?

– И гладить.

– А обед варить?

– Согласна.

– А у тебя много было мужчин?

– Ты обещал не спрашивать про прошлую жизнь.

– Обещал, – согласился я.

Мы болтали о многом незначащем, пока не пошли под окнами первые троллейбусы. Я заснул на полуслове, а когда проснулся, день был в разгаре. Она уже не спала, а звякала на кухне посудой, готовя завтрак.

Она поджарила гренки, и они были так вкусны, как были вкусны только в детстве, приготовленные матерью. Пока я ел, она порыскала в стенном шкафу и нашла какие-то мои джинсы и свитер.

Она переодевалась, я наблюдал за ней впервые при дневном свете и шалел от вида ее безупречного тела.

Она поцеловала меня и сказала, что отправляется на рынок, чтобы что-нибудь купить и приготовить обед, пока я буду на работе.

– А я сегодня свободен.

– Тем более надо приготовить обед! – подтвердила она и выскользнула за дверь.

Я принял душ и, счастливый, решил привести квартиру в порядок. Из большой лейки полил комнатные цветы, горшки с которыми мне принесла когда-то Зина, вытер пыль и, уложив в мусорный мешок бутылку из-под французского вина, вынес его во двор. А тут как раз отъезжал от подъезда

мусоровоз, и я, раскачав мешок, бросил по-мальчишечьи его в мусороприемник. Звякнуло о кузов разбитое стекло, и машина натужно выкатила со двора.

Веселый и беспечный, я вернулся домой с чувством выполненного долга. Я заслуживал похвалы, а потому уселся с чашкой кофе и принялся листать утреннюю газету.

Она вернулась через полчаса и, выгрузив сумки на кухне, зашла в комнату. Поцеловала меня в шею и огляделась по сторонам. Почему-то занервничала и вышла в кухню. Зазвенела посудой, затем вновь вернулась, села на корточки и заглянула под диван.

– А где бутылка?

– Какая бутылка? – не понял я.

Она посмотрела на меня, и я увидел, сколь бледно ее лицо.

– Здесь была бутылка из-под французского вина! – произнесла она, заметно нервничая. – Куда она подевалась?!

– Что случилось? – Я уже понимал, что произошло что-то нехорошее.

– Помоги мне найти бутылку! Я хорошо помню, что она стояла в комнате. Я ее никуда не уносила!..

– Она тебе так нужна? – спросил я обреченно.

– Ты знаешь, где она?

– Да.

– Что же ты молчишь? – упрекнула она.

– Дело в том...

– Ну же!..

– Дело в том, что я выбросил ее с мусором.

Она охнула и посмотрела на меня с ужасом. Затем встрепенулась и кинулась к дверям.

– Подожди! – остановил я ее. – Не имеет смысла... Ее увез мусоровоз. К тому же... К тому же она разбилась!.. Я не думал, что это так важно...

Она села там, где стояла. Плюхнулась на пол задом и заплакала так горько, как плачут только девочки, первая любовь которых несчастна. Она подвывала, закусив губы, и то и дело выплевывала прядки попавших в рот волос.

– Что же ты наде-е-ела-ал! – тоненько пищала от горя.

– Я принесу тебе другую бутылку! – клялся я. – У Зины таких много!..

– Теперь я должна уйти-и-и!..

Я бросился к ней и, враз отупевший лишь от одного предположения, что она может оставить меня, затараторил какую-то чушь ей в самое ухо, стирая со щеки ее слезы своей щекой.

– Куда же ты пойдешь! Ты ведь принадлежишь мне! Я люблю тебя, в конце концов!

От этих слов она заскулила еще громче, я обнял ее за плечи, и, не удержав равновесия, мы повалились на пол. Я стягивал с нее джинсы, а она была безвольно-горяча, истекающая слезами, кашляющая оттого, что захлебывалась в них. Я ничем не мог ей помочь и, глядя на ее голый живот, вздрагивающий от всхлипов, желал ее страстно, но вместе с тем и слабел отчаянно, а оттого тыкался безрезультатно и тоже хотел выть.

– Не надо! – просила она. – Мне нужно уходить!

– Нет! – отказывался я, придавливая ее своей тяжестью.

– Что же ты наделал!..

– Ничего такого!..

Она перестала плакать неожиданно, как будто перекрыли кран. Всклипнула пару раз и задышала ртом.

– Пусти, – сказала она строго.

– Нет.

– Кому говорю! – И столкнула меня с себя. Встала, натянула джинсы, глянула в зеркало, а затем на меня.

– Мы больше никогда не увидимся, – сказала. – Не ищи меня. Ничего уже не вернуть и ничего не поправить!

– Но почему? – воскликнул я. – В чем моя вина?!!

– Ты не виноват, – ответила. – Я виновата сама. Если сможешь, прости. Я должна была сразу рассказать тебе про бутылку и Эдерато.

– Кто такой – Эдерато?

– Тот, к кому я должна вернуться, если потеряю свою бутылку.

– Это мужчина? – спросил я тихо.

Несмотря на весь драматизм происходящего, она улыбнулась и, погладив меня по щеке, вздохнула:

– Мы бы могли прожить с тобой всю жизнь, – и вышла за дверь.

Конечно же, я решил проследить за ней, выяснить, кто такой Эдерато, и, если будет надо, выпустить ему кишки. Я вовсе не собирался отдавать кому-то только что обретенное счастье, а потому на цыпочках спустился по лестнице вслед за беглянкой. Я научен следить профессионально, и я отчетливо видел, как она вышла из подъезда и повернула направо. Через мгновение я сам выбрался во двор и, стоя за деревом, смотрел, как она идет по улице.

Выжду еще секунду, – решил я.

Она шла быстро, не оглядываясь, и это меня радовало.

За ней будет очень легко следить! Она совсем не профессионалка!..

Поравнявшись с винным магазином Зины, она вдруг взмахнула руками, слегка подпрыгнула, как будто захотела заглянуть в самое небо, и исчезла.

– Как исчезла? – спросил я.

– А так, – ответил Бычков. – Растворилась в воздухе.

– Подожди! – закрутил я головой. – Объясни толком. Она ушла проходным двором?

– Да нет же, нет! – раздражался Бычков. – Она в буквальном смысле слова растворилась в воздухе! Была – и нету!

– А тебе не показалось с похмелья все это?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, девушка... Исчезновение ее?..

– Не ожидал от тебя этого! – буркнул Бычков и поднялся со стула.

– Ну прости, прости! Ты ведь сам понимаешь, как все это выглядит не правдоподобно! Сначала женщина появляется из бутылки, потом она растворяется в воздухе!.. Согласись!

Бычков кивнул и вновь сел.

– А где ты пропадал после? – поинтересовался я. – Столько времени прошло!

– Искал ее.

– Что, просто ходил по улицам и искал?

– Нет. Я использовал все свои знания и подключил всех своих друзей. Мы составили ее фоторобот и разослали по всем полицейским участкам.

– И что?

Бычков грустно вздохнул.

– Кстати, – поинтересовался я. – Как ее звали?

– Я не знаю, – ответил мой товарищ.

– То есть как?!

– Вот так. Не спросил. – Он кисло улыбнулся. – Показать тебе, как она выглядит?

Я кивнул.

Бычков порылся в кармане и вытащил из него пачку фотографий. Протянул их мне.

– Ты не знаешь, кто такой Эдерато?

– Нет, – ответил я и посмотрел на первую фотографию...

Милая Анна!

Знаете, чье лицо было на снимке?.. Никогда не догадаетесь, как бы ни фантазировали!.. На фотороботе было лицо толстой Аси из нашего санатория!

P.S. От всей души, от всего сердца поздравляю вас, моя дорогая, моя желанная, с Новым Годом!

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

**Отправлено 6-го января
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

И вас, мой дорогой, с Новым Годом! Надеюсь, что принесет он нам с вами то, о чем мы мечтаем. А именно – долгожданную встречу!

Давно я не была так удивлена, как прочитав ваше письмо, особенно то место, из которого становится ясно, что женщина, появившаяся из бутылки, наша толстая Ася! Я ее искала в санатории, уверенная, что она связала судьбу с каким-нибудь бравым шахтером, а она!.. Вот как бывает...

Как поразительно мировосприятие людей! Как оно совершенно разнится! Ведь вам и в голову не приходило посмотреть на толстую Асю глазами заинтересованного мужчины! А ваш товарищ Бычков, наоборот, влюбился в нее с первого взгляда, да еще описывал ее как редкостную красавицу!.. Ну да Бог с ним, лишь бы для него она была самой красивой, а до других – и дела нет!.. Я так желаю, чтобы он отыскал Асю, чтобы ему достало на это сил и чтобы у них все случилось, как они сами того хотят!

Итак, Женя, я хочу поведать вам, что произошло после того, как я выбрала Лучшего Друга и, уложив руку на стол, нажала на костяшку между указательным и средним пальцами.

А не произошло ровным счетом ничего. Рука, как лежала на столе недвижимая, так и продолжала лежать безо всяких признаков жизни.

Как было сказано в инструкции, я нажала на костяшку второй раз, но и в этом случае ничего не случилось. Тогда я достала из стола швейную иглу и, окунув ее для дезинфекции в духи, уколола руку в ложбинку между безымянным пальцем и мизинцем. Иголка вошла, как в масло, я даже испугалась, не воткнула ли глубже, чем следовало, а потому срочно выудила ее обратно и стала следить за Лучшим Другом.

Как вы уже догадались, и в этом случае ничего не произошло. Рука лежала на столе выставочным экспонатом, и я уверилась, что ее биологический цикл закончен. Да и какой умник за здорово живешь расстанется с таким ценным футляром, если в нем, вернее, в его содержимом еще теплится жизнь.

Адреналина у меня не было, а потому я решила попробовать достать препарат завтра у Ангелины Войцеховны в больнице и, если будет для того нужно, позволить врачихе некоторые вольности по отношению к моему

бесчувственному телу.

Было уже совсем поздно, когда я решила лечь и перед сном посмотреть телевизор. Накрыв Лучшего Друга полотенцем, я совершила все необходимые гигиенические процедуры и улеглась под теплое одеяло, наблюдая на экране передачу про автора Метрической системы Прохора Поддонного, скончавшегося накануне.

Будь я на месте нашего Президента, непременно бы глушила все европейские телестанции, которые пытаются внушить нашему народу, что Метрическая система есть то передовое, к которому необходимо стремиться России.

Совершенно не понимаю, почему такое необыкновенное стремление в мире переделать Россию на свой лад, лишить ее национальных особенностей и размыть национальное сознание! Наши фунты, версты, локти и т. д. почему-то так всех раздражают, что раз в пять лет Европа готова с нами воевать. Единственное, что их останавливает, так только полный разгром греков и японцев в Метрической войне! Ишь ты, не нравится им, что наши железные дороги не совпадают стандартом с ихними, а оттого им приходится вкладывать огромные средства в железнодорожные переходники! Они ненавидят наше левостороннее движение, хотя экспортируют в Россию ежегодно на три миллиарда долларов автомобилей с правосторонним рулем!

Будь я на месте нашего правительства, будь моя воля, приговорила бы Поддонного не к пожизненному заключению, а к смертной казни! Из-за него, из-за его Метрической системы погибли полмиллиона наших солдат, задушенных японским биологическим оружием, павших от пуль и стрел маньчжуров и апельсинчиков!.. Так нет же, мы еще дали возможность Поддонному трудиться в тюрьме и создать новое, так сказать, творение под названием "Правостороннее движение"!.. Господи, одно расстройство только!..

Я переключила телевизор на другой канал и засмотрелась фильмом про любовь. Обычно я этого не делаю и тут же перестраиваюсь с романтических историй на что-нибудь другое, не навевающее на меня дурного настроения. Но в этот раз я как будто предчувствовала, что буду участницей нежной и трогательной новеллы в будущем.

Как бы мне страстно хотелось, чтобы вы, Евгений, были моим партнером в этой новелле! Я не стыжусь своих признаний, так как жизнь нам отпущена всего лишь раз, несмотря на то, что пропагандирует ваш *Hiprotomus*, и прятать свое чувство лишь из одного самолюбия, на мой взгляд, грешно и не умно.

Дорогой Евгений, я так привыкла, что вы есть на этой земле, что вы хоть и далеко, но связаны со мной прочно, как могут быть связаны только мужчина и женщина, объединенные большим чувством.

Я ощущаю тепло, исходящее от строчек ваших писем, я ощущаю его живительную энергию!.. Когда же наконец судьба даст нам возможность встретиться?..

Фильм закончился. Растроганная, под думы о вас, в мечтаниях о лучшем я заснула.

Не знаю, долго ли, коротко я спала, но разбудила меня музыка, нежно ласкающая слух. Это была "Испанская рапсодия", исполняемая на гитаре. Поначалу я решила, что мне снится эта музыка и что во сне вот-вот проявится переводной картинкой мой жених Бутиеро – таково было виртуозное исполнение рапсодии. Но через некоторое время я поняла, что это вовсе не сон, что играют наяву и происходит это где-то рядом с моим ухом, а потому я открыла глаза и, привыкнув к темноте, осмотрелась.

Гитары, оставшейся от отца и висящей обычно на стене, не было.

Она лежала на полу. По ее грифу на пальчиках, словно канатоходец, цепляя ногтями струны, подпрыгивала рука, оставленная накануне на столе. Она проворно бегала по ладам, балансируя в воздухе плечевой частью, и рождала великолепную музыку.

Ай да Лучший Друг! – восхитилась я. – Ай да молодец!

Безусловно, со времен Бутиеро я не слышала столь великолепного исполнения, а потому, сдерживая дыхание, наслаждалась всем сердцем. На мгновение мне даже показалось, что виртуозная рука принадлежит моему погибшему жениху. В восторге я потянулась к Лучшему Другу, соскользнула с кровати и растянулась по полу, как последняя дура.

Мне никак не удавалось поймать руку. Она успешно уклонялась от моих попыток, ухитряясь при этом не сбиться с ритма и щипать струны ногтями как положено партитурой... Ах, до чего ослепительно блестело кольцо со змейкой!..

Когда я наконец изловчилась поймать Лучшего Друга за кисть, то рука тут же успокоилась и обмякла рыбой, словно не было в ней еще мгновение назад живительной энергии, заставляющей виртуозно играть "Испанскую рапсодию".

Я еще раз внимательно осмотрела ее, но она совсем не была похожа на руку Бутиеро. Разве что схожесть мускулатуры. Бутиеро был очень сильным, с большими руками. Но у него, в отличие от Лучшего Друга, были тонкие пальцы и не было на костяшках шрамов.

Я отпустила руку, и она, скакнув по полу, запрыгнула на гитару и

заиграла на этот раз что-то совсем мне незнакомое, но тревожное и грустное.

Как ей удалось снять гитару со стены? – подумала я, проваливаясь в сон. – Что же она, по стене может лазить?.. Оказывается, биологический цикл еще вовсе не закончен!.. Может быть, я не знаю, как давать рукам четкое задание?..

На следующее утро я нашла Лучшего Друга лежащим на столе и прикрытым полотенцем так, как я оставила его накануне. Вероятно, закончив играть, он сам взобрался на стол и укрылся. Гитара висела на стене, и ничего не указывало на то, что ею в последние годы кто-то пользовался.

Ах, какой все-таки молодец! – подумала я про Лучшего Друга. – Сам снял, сам и повесил!..

Приведя себя в порядок, я отправилась было на кухню, чтобы позавтракать, но тут мне в голову пришла отчаянная мысль, которую я захотела немедленно проверить.

Я прикатилась обратно в комнату и вытащила Лучшего Друга из-под полотенца. Нажала на костяшку и отчетливо сказала:

– Хочу завтракать! Хочу яичницу взбитую, бутерброд с сыром и черный кофе, взошедший дважды на маленьком огне!..

И – о чудо! Не успела я договорить, как Лучший Друг подпрыгнул на столе, приподнялся на пальцах и пополз, словно гусеница, по столу к краю. Цепляясь за ножку стола, перебирая по ней пальцами, рука спустилась на пол и, забарабанив по полу подушечками пальцев, помчалась на кухню.

Я поспешила за ним, но когда нагнала, то увидела раскрытый холодильник, из нутра которого доносилась возня. Лучший Друг шуровал по полкам, отыскивая необходимые продукты. Выудил масло, яйца, причем одно покатило, но проворные пальцы подхватили его перед самым краем и зажали в кулаке.

Большой и указательный пальцы чиркнули спичкой о коробок и подожгли на плите пламя. Лучший Друг выбрал сковородку и поставил ее на огонь, звякнув дном о чугун.

– Лучше другую сковородку! – предложила я. – На этой пригорает. Она очень старая!

Лучший Друг среагировал мгновенно. Он снял старинную сковороду с плиты и засунул ее обратно в духовку. Пошебуршил самую малость в печи и достал сковородку с тефлоновым покрытием.

– Эта в самый раз, – одобрила я. – На этой не сгорит.

Рука шлепнула яйцом о край сковороды, разломилась скорлупу надвое и

вылила содержимое на скворчащее маслом дно, перемешала вилкой. То же самое произошло со вторым яйцом, а я с огромным удовлетворением следила за происходящим.

Пока яичница жарилась, рука отрезала от батона кусок хлеба и, намазав его слоем масла, покрыла ровным кусочком сыра.

– Ай да молодец! – восторгалась я. – Ай да работник!

Тем временем яичница поджарилась, и Лучший Друг, переложив ее на тарелку, щелкнул пальцами.

– А мне вилку? – спросила я.

Хлопнул ящик, и через мгновение чистая вилка лежала передо мною.

Яичница была именно такой, какую я люблю. Поджаренная до хрустящей корочки, она легко разделялась на кусочки, не расплываясь желтком по дну тарелки.

Тем временем рука варила кофе, помешивая напиток ложечкой. Лучший Друг стоял на предплечье, а оттого возвышался над туркой и, казалось, наблюдал, дожидаясь, когда кофе побежит...

Я откусывала от бутерброда с сыром, запивая его правильно сваренным кофе, и радовалась жизни.

Вот это повезло! – думала я, пережевывая. – Вот это удача! Рука-то, наверное, умеет не только готовить, но и много чего еще! Только как выяснить, что она еще может?!. А ведь есть еще и другие руки!..

– Тарелку из-под яичницы можно пока вымыть! – распорядилась я, и рука тотчас принялась исполнять команду. – После мытья тщательно вытереть полотенцем и поставить на место в шкаф!

Сначала я решила выяснить до конца, что умеет Лучший Друг, а уже после попробовать Лучшую Подругу и Горького.

– Не хочешь ли ты вымыть пол на кухне? – спросила я, и рука проворно бросилась исполнять поручение.

Она выудила из-под мойки ведро и наполнила его водой. Ей было неспособно выжимать половую тряпку, но и тут рука нашла достойный выход, привязав один край к ручке ведра, а другой выкручивая в разные стороны.

Так прошел день. Я без устали придумывала Лучшему Другу всяческие хозяйственные поручения, пока в доме все не заблестело чистотой, а моя бытовая фантазия не иссякла.

Вы знаете, Евгений, как приятно смотреть сквозь вымытые окна на улицу?.. Оказывается, мир окрашен совершенно в другие краски, нежели я предполагала. Просто я присмотрелась к природе через окно с налетом сажи и пыли, а оттого тускло стало в моей голове. Вследствие этого и мир

стал тусклым... Безусловно, Женя, с вашим появлением в моей жизни произошли кардинальные изменения! Даже мир стал цветным, и я более не распускаю сопли по вечерам, злясь на то, что Бог совершенно не милосерден. Бог справедлив и божественно милосерден! Просто каждому свой час и своя награда! Всем отмерено по заслугам, и никто не пострадает напрасно!

Под вечер появился Владимир Викторович. Его улыбающаяся физиономия заглянула сквозь вымытое окно, бесцеремонно и с любопытством разглядывая внутренность комнаты. Хорошо, что я до этого убрала Лучшего Друга в футляр, а то представляю, как удивился бы Владимир Викторович бегущей по дому руке!..

Ах, есть что-то совершенно омерзительное в сапере! Но сколько ни думаю над этим, понять, что именно, – не могу! То ли его глаза, чуть раскосые, подсознательно напоминающие мне маньчжурские, то ли отношение Владимира Викторовича к Соне отвращают меня от соседа. Но так или иначе, его физиономия теперь мелькала в моем окне, самодовольно расплывшаяся в широкой улыбке.

Владимир Викторович что-то говорил из-за стекла, вероятно, просил разрешения войти в дом, а я, как бы не понимая его желания, отвечала одними губами:

– Нет, Владимир Викторович! Соня сегодня не заходила.

Сапер продолжал улыбаться и, стуча пальчиком в окошко, просился внутрь.

– И не знаю, где она! – пожала я плечами. – Может быть, на почту вызвали?

Владимир Викторович, военный сапер, тоже знал, что такое хитрость, и решил принять мои последние слова как приглашение войти. Через минуту он уже сидел за столом, оставив грязные ботинки на крыльце.

– Как славно, что мы живем как добрые соседи! – говорил Владимир Викторович. – Вот так вот, запросто, можно пожаловать в гости и испить горячего чайку. Величайшая вещь – соседство.

Он помахал указательным пальцем и посмотрел на меня странным взглядом с таким злым прищуром, отчего мне враз стало не по себе. Но сапер в ту же секунду ловким артистом взял себя в руки и вновь заулыбался доброжелательно, подпуская в атмосферу меду.

– Вы особенно сегодня хороши! – сообщил он. – Надеюсь, что не оторвал вас от чего-то занимательного?..

– А где ваша жена? – поинтересовалась я.

– Какая жена?!

– Соня.
– Вы, верно, оговорились, – удивился сапер. – Соня – моя сестра!
– Да-да, конечно, – поправились я. – Чаю?
– С удовольствием! Препротивная, надо заметить, погода стоит! Даже рыба не ловится!.. Соня сегодня в Петербург отправилась купить по хозяйству кое-что. Заночует у подруги...

Пока я кипятила на кухне чайник, Владимир Викторович расточал мне из комнаты похвалы, мол, какая я великолепная хозяйка, что, несмотря на тяжелейший недуг, умудряюсь держать дом в показательной чистоте и выдающемся вкусе. Пару раз в комнате что-то стукнуло, и я заподозрила, что сосед лазит по шкафам и ящикам. Слава Богу, что шкаф с футляром закрыт на ключ.

– Что нового в политике? – поинтересовался Владимир Викторович, когда мы расположились друг перед другом, согревая руки о чашки с чаем.

– Почему вы спрашиваете меня? – удивилась я.
– У нас же нет телевизора, – протянул по-сиротски сапер.
– Газеты ведь вы читаете! Соня, должно быть, приносит?
– Газеты читаем.
– В газетах все есть.
– Да-да, – согласился Владимир Викторович. – Это я так, для поддержания разговора спросил про политику.

– А-а, – поняла я. – Вкусный чай?
– Необыкновенный! – похвалил сосед. – И как вам удается заваривать такой пахучий? Мешаете сорта?

– Ага.
– Я так и думал. – Он глотнул из чашки. – Вот Прохор Поддонный давеча скончался!

– Царствие ему небесное!
– А я вот справочку о Евгении Молокане навел, – улыбаясь, сообщил Владимир Викторович елейным голосом. – И не музыкант он вовсе оказался!.. У меня знакомая есть такая в московском адресном столе!.. Я поинтересовался!.. Вот какая штука!..

Внутри у меня обожгло, словно жидкий азот пролили, но я старалась держать себя в руках, судорожно гадая, что нужно соседу.

– Побледнели вы что-то! – вскинул он брови.
– Я?.. С чего бы?
– Вот вы такой дорогой инструмент отдали незнакомому человеку и даже не спросили у него подтверждения, что саксофон принадлежит ему!
– А что, не ему? – Я постаралась вложить в голос как можно более

ужаса.

– Пока я этого не знаю. Но подозрение имею. Знаете, сколько стоит саксофон? – И, не дожидаясь моего ответа, отчеканил:

– Двести пятьдесят рублей!!

– Не может быть! – воскликнула я. – Деньжищи-то какие великие!

– И я о том же. Полуторагодичный заработок мой! Не говорю уже о пенсии вашей!..

– А кто же тогда этот, как его, – Молокан, если не музыкант? – как бы между прочим спросила я.

– А не сказали в адресном столе, – ответил сосед. – В том-то и штука, что нету информации о нем никакой, кроме имени и фамилии.

– С чего же вы решили, что не музыкант он?

– А какая надобность музыканту засекречивать о себе данные?.. Музыкант, он и есть музыкант!.. Это всяким темным личностям нет надобности засвечивать себя перед другими!.. Шпионам, например!..

– Глупость какая! – возмутилась я. – Если Молокан был шпионом, например, то никакая ваша знакомая из адресного стола ничего бы о нем не нашла! Как раз таки артисты и знаменитости скрывают о себе данные!

– Вы так думаете? – удивленный моим напором, спросил Владимир Викторович.

– Во всяком случае, это логично!

– Может быть, – закивал головой сапер и как бы невзначай спросил:

– А что, вы говорите, там в футляричке было?

– Издеваетесь вы, что ли?! – возмутилась я, уже наверняка понимая, что сосед имеет к футляру нешуточный интерес и то и дело провоцирует меня на слабину.

– Ой, простите! – замахал руками Владимир Викторович. – Бывают у меня такие запотыки в голове! Конечно же, саксофон!.. – Он глянул на гитару, висящую на стене. – Сыграйте что-нибудь.

– Я не играю.

– Да как же! – изобразил недоумение на лице сосед. – А я под утро на рыбалку шел, а из вашего дома такая прехорошая музыка. Я, надо признаться, заслушался даже! Чуть самый клев не пропустил!..

Вот мерзавец, – подумала я про себя. – И что вынюхивает под окнами!

– Телевизор, Владимир Викторович! Не спалось мне, вот и смотрела концерт Джонни Фила... Вы что-нибудь еще хотите узнать?

– Нет-нет, – засмутился сосед. – Вы уж великодушно простите меня за любопытство!.. Идти мне пора, наверное, – сказал он, встал из-за стола и, не оборачиваясь, мелкими шажками направился к выходу.

– До свидания, – попрощалась я.

Неожиданно, в самых дверях, Владимир Викторович остановился. Что-то неуловимое изменилось в его фигуре. То ли голова вжалась в шею, то ли плечи приподнялись, заморщив пиджак, но повеяло от сапера чем-то страшным, словно ветерком кладбищенским обдало. Он обернулся ко мне, показывая раскрасневшееся лицо, засмотрелся на меня маленькими злыми глазками и повел плечами, как будто собирался для прыжка.

Я хотела было что-нибудь сказать упреждающее, но горло сковало ужасом, и я лишь смотрела на Владимира Викторовича не отрываясь, как смотрят в лицо опасности дети, замороженные ею.

Верхняя губа соседа приподнялась, оголяя небольшие, но очень белые зубы, он зарычал или заурчал, поворачиваясь, а потом скакнул ко мне навстречу большим шагом и навалился на коляску всем телом.

Он кусал меня за ухо и жарко шептал:

– Я вас желаю безумно! Меня тянет к вам с тех пор, как я впервые увидел вас!..

– Что вы делаете! – удалось произнести мне.

Владимир Викторович дернул за ворот моей блузки, выдирая с корнем пуговицы, запустил руку в белье и больно сдавил грудь.

– А-а-а! – закричала я. – А-а-а!

Распаяясь моим криком еще более, сапер ткнулся в мою грудь лицом и жадно принялся покусывать и засасывать сосок, словно моя грудь была полна молока, а он был голодным младенцем. Его руки пытались стянуть с меня юбку, но поскольку я сидела в каталке, а он придавил меня своей тяжестью, сделать это было почти невозможно.

Я чувствовала, как по моему животу стекает его горячая слюна, и корчилась от омерзения, все пытаюсь кричать, призывая на помощь какого-нибудь случайного прохожего.

– Помогите-е!

Он расстегнул брюки, одной рукой стал стягивать их, выпрастывая наружу свое мужское естество, а я зацарапала ногтями по его лицу, стараясь ковырнуть глаза.

– Ах ты лживая сучка! – зашипел он, тыча другой рукой мне в низ живота, силясь порвать колготки и пробраться прямо к муши.

– Помогите! Помогите! – призывала я во всю мощь своей глотки.

– Заткнись, а не то я!.. – угрожал Владимир Викторович, больно ущипнув за сосок. – Я тебе сонную артерию перегрызу!

Неожиданно он весь напрягся, вздернулся и застонал, проливаясь фонтанчиком в пустоту. Его ноги засучили по полу, рука в моем паху

расслабилась, а еще через мгновение и все тело соседа успокоилось, придавливая меня к коляске. Он лишь шумно и жарко дышал мне в ухо.

– Что здесь происходит? – услышала я и, обернувшись к дверям, увидела Соню.

Почтальонша стояла к нам вполоборота и с ужасом взирала на происходящее.

Незаметным движением Владимир Викторович застегнул штаны, прошептал мне в ухо: "Молчи!" и громко застонал.

– Что здесь происходит? – еще раз спросила Соня, и в голосе у нее дернулась нервическая струна.

– Владимиру Викторовичу стало плохо, – неожиданно для себя сказала я. – Он собирался уходить, но ему стало нехорошо с сердцем, и он упал без сознания.

Соня подошла к нам, взялась за руку брата и потащила его тело, высвобождая меня от тяжести. Обмякший сапер сполз и, притворно закатив глаза, продолжал стонать на полу.

– Вставай немедленно! – приказала Соня. – Скотина!

Я сидела, вся от стыда красная, оправляя одежду, засовывая грудь обратно в лифчик, и никак не могла понять, зачем соврала.

– Вставай-вставай!.. А вы-то, вы! – укоризненно приговаривала Соня, дергая сапера за рукав. – Как не стыдно вам!

Наконец Владимир Викторович поднялся с пола и, кривя лицо, как будто с ним случился инсульт, на полусогнутых ногах, опершись о плечи сестры, потащился к выходу. В дверях он обернул ко мне свою физиономию и гадко улыбнулся, показывая маленькие зубки.

Каков все-таки мерзавец! – покачала я головой, когда дверь за ними закрылась.

Самое странное произошло минутами позже, когда я сидела и вспоминала случившееся. Самое странное заключалось в том, что я вовсе не ненавидела Владимира Викторовича за содеянное, хоть и была мне противна его физиономия. У меня болела укушенная мочка уха и ныла грудь, а я не испытывала к насильнику ненависти! Может быть, у меня не было на это сил? Может быть, я уже дошла до той степени одиночества, что даже насильничавший надо мною кажется мне родственником?

Вечером, пустив в ванну горячую воду, я разделась догола и смотрела на себя в зеркало. Слегка помутневшее от пара, оно отражало синюшные кровоподтеки на моей груди и красные царапины на животе, оставленные ногтями сапера.

У меня красивая грудь. Я могу это утверждать, так как у женщин,

снимающихся в журналах для мужчин, эта часть тела отнюдь не всегда лучше моей. Средних размеров, она достаточно высока, с вздернутыми к небу сосками, розовыми, как младенческая кожа.

У меня красивые плечи. Они не покаты, а наоборот, немного широки, с выпирающими вперед ключицами. Я знаю, мужчины любят такие плечи.

У меня на теле всего одна родинка. Возле пупка. Она такая маленькая, что ее очень трудно заметить. Бутиеро, страстно целуя меня в живот, всегда говорил, что больше всего любит эту родинку. Он старался слизнуть ее своим неутомимым языком и радовался, что ему не удастся это сделать. Тогда он тыкал кончиком языка в пупок и щекотал им меня до изнеможения. Когда от щекоточного смеха все внутри напрягалось, когда не было сил более терпеть и я готова была сорваться в истерику, язык Бутиеро вдруг выскакивал из пупка и, оставляя его мокрым, устремлялся знакомой дорогой вниз. Он нагло врывается в темноту, расталкивая вокруг все помехи, и, словно бур от буровой вышки, ввинчивался внутрь меня, заставляя сходить с ума от нехватки воздуха.

Сейчас я ничего не чувствую, и мои ноги, вызывавшие раньше мужские восторги, теперь стали худыми, как палки, и уже никогда не обхватят накрепко мужской спины, сдавливая коленями бока.

Я долго лежу в горячей воде, держась за специальные поручни руками, и думаю о вас, Евгений.

Я уже гораздо реже смотрю на вашу фотографию, так как она отпечаталась у меня в мозгу и при надобности я без труда вызываю ваш образ в воображении.

На фотографии вы очень похожи на американского космонавта Армстронга, первым сошедшего на Луну. На вас такой же космический костюм, и вы что-то прибываете к лунной поверхности специальным молоточком. А сзади, на холмике, развернулся полотнищем в безвоздушном пространстве американский флаг. Вы мой космонавт, Евгений! До вас так же далеко, как до Луны. Но ведь все-таки человечество добралось до спутника своей планеты. Может быть, и нам когда-нибудь удастся дотянуться друг до друга, накрепко обняться и скользить влюбленно по долгой дороге к смерти.

Перед сном я смотрела документальный фильм о Метрической войне. Меня поразила один эпизод, заставивший содрогнуться от ужаса.

Фронтальной оператор смог заснять ритуальное японское убийство.

Маньчжур удалось выследить нашего героя, и, натянув тетиву на луке, он выпустил стрелу. Крупный план: бесстрастное лицо маньчжура с раскосыми глазами. Редкие усики над тонкой губой. Большой и

указательный пальцы на тетиве. Щелчок пуска... Русский солдат, всплеснув руками, упал лицом в траву. Из его спины торчит украшенная павлиньими перьями стрела.

Затем показали морг. Солдат лежит на цинковом столе совершенно обнаженный. По-прежнему из спины торчит стрела. Вероятно, одежду разрезали и сняли с трупа уже в морге. В кадре появляется патологоанатом и делает уверенным росчерком скальпеля надрез на спине убитого. Кожа расходится, обнажая белые позвонки, между которыми вошла стрела. Специальным приспособлением врач раздвигает их и вытаскивает стрелу. Дикторский голос за кадром сообщил:

– Это японская стрела. Как видите, она серебряная. Такие стрелы обычно используются маньчжурами для уничтожения наших особенно выдающихся воинов. Лежащий на столе солдат был талантливым разведчиком, благодаря которому нашим войскам удалось освободить село Потемкино.

Вы уж простите меня, Женя, но на месте этого солдата я вдруг представила вас. На мгновение мне показалось, что это вы лежите на столе, выпотрошенный смертью, что это вас убила японская стрела. Из моего правого глаза выкатилась слеза и, скользнув по щеке, прыгнула куда-то на белую подушку, протекая в гусиный пух.

Я заставила себя не расплакаться, говоря вслух, что это вовсе не Евгений Молокан, а совсем незнакомый солдат повержен врагом...

Какое-то нехорошее предчувствие мучит меня, Женя. Не знаю уж, с чем оно связано! Может быть, с тем, что Владимир Викторович интересовался вами? Какая я дура, что невзначай обронила саперу ваше имя!.. Очень вас прошу, будьте по возможности осторожны!.. Мало ли что!

Дорогой мой!

Я столько уже вам рассказала о себе, а о вас, о вашей жизни ничегошеньки не ведаю, как будто вы умышленно умалчиваете о своей биографии. Разве я не просила вас приоткрыть завесу тайны над своей персоной! Так сделайте это хотя бы кратко! Выполните просьбу бедной женщины, которая к тому же относится к вам с особой нежностью и возрастающим чувством! Сделайте такую милость!

Неужели вы думаете, что я настолько не помню вашего лица, что принимаю фотографию американского астронавта за вас?..

У вас прекрасное чувство юмора!

Целую вас крепко-крепко!

Всегда ваша Анна Веллер

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

**Отправлено 14-го января
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.
Анне Веллер.**

В конце прошлого года мне исполнилось сорок три. Я не праздновал своего дня рождения, так как у меня не осталось родственников, а единственный друг Бычков находился в отъезде. Зашла лишь сослуживица отца Галя, и мы за стаканчиком вина повспоминали прошлое. Галя была когда-то безнадежно влюблена в моего отца и, конечно же, все время говорила о нем, и было в ее словах много теплого, несмотря на то, что мой родитель в конце жизни бывал трезвым лишь считанные часы в неделю. За алкоголизм его и уволили из "Комитета по абстрактным категориям", хотя он подавал большие надежды и, вероятно, мог при добром стечении обстоятельств возглавить этот комитет.

Возможно, моя дружба с Бычковым основана не только на общности интересов и близости характеров, но и на том, что биографии наши чрезвычайно схожи. У него отец умер от алкоголизма, и у меня. Мать Бычкова сбежала от своего мужа, и моя бросила отца. Бычков закончил специальную военную школу, и я учился в закрытом заведении. У нас с Бычковым общность душ.

Отец говорил, что нет ничего конкретнее абстрактных понятий, и эта его мысль высечена над входом в кабинет нынешнего председателя.

– Душа – понятие абстрактное, – говорил отец. – И я хочу ею заниматься, чтобы из категории отвлеченной она превратилась в категорию конкретную!

За свои исследования в области абстрактного отец даже получил Государственную премию и очень был горд. Его гордость была основана на желании, чтобы сбежавшая от него жена, моя мать, пожалела о своем поступке и всю оставшуюся жизнь сокрушалась, что совершила такую опрометчивую глупость, сменив крупного философа на смазливую мальчишку-геолога, который к тому же был младше нее на двенадцать лет.

Отец в глубине души надеялся, что мать вернется к нему, узнав о значительной награде Родины. Он очень рассчитывал, что неразумная женщина станет молить о прощении, а он совсем не станет ее прощать, ссылаясь на абстрактность самого понятия – "прощение", и укажет ей

пальцем направление на Север, где ходит с геологическим молотком ее смазливый возлюбленный!

Но, как ни странно, мать не только не вернулась, но и не поздравила отца телеграммой, что было для него вовсе за гранью понятий. Это стало страшным ударом для отца, так как оказалось, что вся его научная деятельность, все его стремление философски мыслить было замешено на любви к матери, что именно это абстрактное чувство являлось для него главным и двигало научной карьерой. Исчез предмет любви, и сразу растаяло желание работать. Так абстрактное понятие стало конкретным. Отец запил и через два года умер.

Смазливый юноша-геолог, за которым помчалась моя мать к вечным снегам, за десять лет сделал себе карьеру и осел городским жителем в Москве, руководя большим отделом в Министерстве геологии. Он не бросил мою постаревшую мать, а относился к ней с вялотекущим равнодушием, а меня слегка недолюбливал, вероятно, за то, что я всего лишь восемью годами младше.

Будучи в обиде за отца, что он преждевременно умер из-за любви к матери, я мало общался со своей родительницей и отчимом, оправдываясь еще и тем, что могу помешать их жизни своими появлениями.

Мой отчим был упертым человеком и, поставив перед собою цель, всегда достигал ее. Он мог прочитать триста томов мировой литературы, начав с первого и дочитав без отвлечения даже на газеты до трехсотого. Он мог весь отпуск сам красить машину, совершенно не умея этого делать и заставляя мать скучать в душном городе. Все заканчивалось тем, что краска засыхала комьями, а отчим делал вид, что провел работы безупречно, и ездил на малолитражке с бесстрастной физиономией.

Такой идиотизм злил меня, и однажды, крепко поссорившись из-за чего-то с матерью, я сказал ей, что она – убийца, что именно она прикончила моего отца, променяв светлую мысль, рожденную любовью, на твердолобость и упертость барана!

Мать заплакала и, размазывая по щекам тушь с ресниц, сказала, что ей уже много лет и что она боится остаться одна.

– Очень страшно быть одной, сын! – говорила мать сквозь слезы. – Я знаю, что ошиблась, оставив твоего отца! Но что же теперь делать! Все ошибаются. Не суди меня слишком! Прости!

Я, конечно, сказал ей тогда, что прощаю, и даже в душе, как мне показалось, что-то повернулось к нежности, но с течением времени все опять встало на свои места, и мне так же, как отцу, хотелось указать матери пальцем на Север. Я перестал ее навещать вовсе, к тому же у меня не было

для этого возможности, так как мой отряд находился в другом городе, стажирясь в специальных условиях.

Как-то от находящегося в Москве Бычкова я получил письмо, в котором он писал, что слышал о болезни моей матери, что она как будто стала заговариваться и ее положили в психиатрическую больницу.

Я позвонил отчиму, и он неохотно объяснил, что сначала матери поставили диагноз "шизофрения", но вскоре перевезли в обычную больницу, где диагноз изменили на "нарушение кровообращения головного мозга".

– Ничего страшного, – говорил отчим. – Сосуд защемило.

Я перезвонил отчиму еще через две недели и спросил, как обстоят дела на данный момент.

– Все по-прежнему, – ответил он. – Иногда все нормально, а иногда заговаривается.

– Я приеду.

– Зачем?

– Это моя мать.

– В самом деле? – спросил отчим, на что мне захотелось ответить ему что-нибудь очень грубое, так, чтобы его физиономию перекосило.

– Я приеду, – повторил я.

Мне разрешили уехать на пять дней.

Увидев ее, я понял, что она умирает. Мать лежала на спине на очень узкой кровати. На ее голову была надета вязаная шапка, из-под которой торчали седые пряди волос, а губы ввалились в рот, так как зубной протез был вытасчен. В палате помимо матери находились еще восемь человек, в основном старухи, рты которых были также обнажены и зияли черными дырами.

– Здесь ночами холодно, – пояснил отчим про шапку.

– Она умирает! – удивленно сказал я.

– Ты так думаешь? – спросил отчим, слегка тормоша мать за плечо. – Она часто приходит в себя. Сосуд, понимаешь ли, защемило в голове.

Я поднялся на этаж выше, где находился кабинет дежурного врача, и спросил у него, равнодушного, диагноз моей матери.

– Нарушение кровообращения головного мозга, – подтвердил дежурный.

– Инсульт?

– Да. Так называют инсульт.

– Сильный?

– Наверное. У них в этом возрасте так часто бывает.

– Она умрет?

– Вы знаете, статистика в таких случаях говорит, что есть основания считать... – Неожиданно врач прервался, устало вздохнул и сказал:

– Да. Скорее всего, она умрет.

– Она пришла в себя, – прошептал отчим, когда я вновь спустился в палату.

У нее были закрыты глаза, но открыт рот, в который отчим засовывал кусочки творога, а мать посасывала его и проглатывала.

– Открой глаза, – строго сказал ей муж. – Слышишь! Евгений пришел.

Она открыла глаза и равнодушно посмотрела на меня.

– Мам, ты меня узнаешь? – спросил я.

Она слегка кивнула, затем сухо закашляла и закрыла глаза.

– Опять отключилась, – констатировал отчим.

– У нее инсульт. Кровоизлияние в мозг.

– Да?!

Голос у него дрогнул, отчим посмотрел на меня очень открыто, и я понял, что он действительно думал, будто у матери просто-напросто спазм, который скоро отпустит, и все вернется на свои места.

– А что делать?

– Ее надо перевести в хорошую больницу. Я завтра этим займусь.

Весь вечер я обзванивал знакомых, договариваясь с ними насчет хороших врачей и приличной больницы. Бычков сидел в своей квартире и так же, как я, накручивал диск телефона, отыскивая хорошие лекарства.

Я опоздал на одну минуту.

– Она только что умерла, – сказал дежурный врач, когда я с предписанием на госпитализацию в лучшую клинику на следующее утро пришел в больницу.

Над ее кроватью склонились несколько медсестер, а врач, отойдя от покойной, спросил меня:

– Она никогда не жаловалась на почки?

– Не знаю, – ответил я. – Дело в том, что я в последние годы почти с ней не общался.

Врач понимающе кивнул и развел руками.

– Свидетельство о смерти возьмите в морге. Мне нужно идти.

Он ушел. Вслед за ним потянулись и сестры, оставив мать на кровати с открытым лицом.

Она лежала в вязаной шапке, с закатившимися глазами, губы трубочкой, и я вспомнил, как мать в детстве поддразнивала меня, вот так же вытянув губы в трубочку. Мне жутко это нравилось, и я, заливаясь смехом,

шлепал ладошкой по ее губам, а она в ответ фыркала.

Мы хоронили ее, я с удивлением смотрел на отчима, вмиг постаревшего. Он гладил мать по волосам, что-то неразборчиво бубнил, и я понял, что он ее любил. По-своему, но любил.

На миг мне показалось, что сейчас он достанет геологический молоток и вобьет с помощью него в гроб гвоздь.

Со смерти матери я больше не видел отчима... А через четыре года началась война. Меня всегда к ней готовили. Но не к стрельбе из окопа, не к поездкам в танке или полетам на самолете. Я был обучен выполнять специальные задания.

Японцы продвигались чрезвычайно быстро. В течение двух дней они захватили весь Сахалин, а к концу следующей недели хозяйничали на материке. С другой стороны навстречу маньчжурам двигались греки, и хоть не таким интенсивным было их продвижение по нашей территории, но Кавказом они овладели за десять дней. Президент Греции Дезаракис, проехавший по центральным улицам Тбилиси в бронированном лимузине, удивлялся, что в Грузии такой же климат, как и у него на родине, а апельсины не растут.

– Грузины – варвары! – вещал на весь мир Дезаракис. – Они не способны вырастить даже апельсинов! Только в Ботаническом саду! Чего же удивляться, что во всей России не приемлют Метрической системы!

Президент Японии Китава не делал никаких заявлений, как, впрочем, и его император. Главные лица страны хранили доблестное молчание, как и подобает настоящим самураям, а их солдаты ловко рубили некоторые русские головы, объясняя остальным, что метр есть самая передовая единица измерения! В деревнях и селах они назначали старост из лояльных и вручали им деревянные линейки длиной в метр.

– Это называется метл! – объясняли японские полковники, вознося над головою линейки. – Тепель вы бутите бекать на стометловку, а не на двести тлинадцать сазеней! Тепель от Москвы до Тулы не двести двенасать велст, а двести километлов! В Останкинской телебасне не тысяся двести сазеней, а пяссот сездесят метлов!..

Вслед за деревянным метром в ход шла и другая наглядная агитация. Народу, к примеру, показывали мешок с пшеницей и объясняли:

– Десь не два пута, а тлитсать два килаглама.

Или, указывая на цистерну:

– В цистелне не сто тысяся четвелтей спилта, а тлиста тонн! И так далее.

Надо сказать, что многие поддались на вражескую агитацию и мало-

помалу стали все мерить на метры и километры, взвешивать на граммы и килограммы, а выливать из емкостей и вливать в них литрами.

Безусловно, вся страна считала повинным в Метрической войне ее идеолога Прохора Поддонного. Самый главный предатель за всю историю России, уроженец села Вонялы, за день до войны он умудрился сбежать из-под бдительного ока спецслужб и переехал в Токио. В японской столице он облачился в кимоно, стал кушать суши и пить горячую водку саке, прославляя на весь мир японский образ жизни.

Раз в неделю Поддонный давал интервью какой-нибудь известной телекомпании, а та тиражировала его речи по всем мировым телеканалам.

– Япония – величайшая страна мира! – провозглашал Прохор. – Ее многовековая культура и образ жизни должны стать эталоном для всего человечества! И Америка, и затхлая Европа с ее ленивыми жителями должны повернуть свои головы в сторону Страны восходящего солнца, подставляя уши мудрым советам азиатского колосса!.. Я надеюсь, что через какие-нибудь считанные месяцы все дети России с семилетнего возраста начнут заниматься карате, а женщины примутся изучать великое искусство японских гейш!..

Далее Поддонный обычно отдавал должное и Греции, хотя делал это с меньшим энтузиазмом, чем в речах о Японии.

– Благодаря стране первых Олимпийских игр в России наконец будет должное количество апельсинов! В Москве мы построим театр, в котором будет играть только греческая трагедия! А в Финском заливе все будут кататься исключительно на серферах!

Многие россияне поддавались речам предателя, считая, что не так уж и плохо, чтобы на Руси завелось достаточное количество оранжа, а детей обучали драться сызмальства. Что касается греческого театра, всем было абсолютно все равно, будет в нем играть трагедия или устроят на сцене конюшни! Единственное, что останавливало и настораживало, так это приторное словечко "гейша", вызывающее непристойные ассоциации, связанные с японским телевизионным сериалом "Любовь по Кама-сутре", демонстрирующимся последние два года по шестнадцатому каналу.

После успешного вторжения японской армии на нашу территорию Прохор Поддонный стал посещать оккупированные города и села и самолично принимал участие в порке особо упрямых жителей. Он выбирал либо вожжи, либо кнут и, рассекая по спине упряма змейкой, приговаривал с каждым ударом во всеуслышание:

– Меряй на метры! – хрясь. – Разливай на литры! – хрясь восьмеркой. – Поднимай килограммы!..

Предатель был принципиально против расстрелов, повешений и прочих смертных казней. Он считал, что нас, русских, возможно переубедить с помощью наших же традиционных средств, таких, как порка или ссылка на вечную каторгу в места с экстремальным климатом. Казня же непокорных, рискуешь вызвать недовольство большинства, а оттого и реформы пойдут сложнее!.. От чего еще остерегал японцев и греков автор Метрической системы, так это от насильничания над русскими женщинами чрезмерно.

– Русский человек охотно ходит под чужим ярмом, – говорил Прохор. – Он с любовью сеет пшеницу на чужой земле, обогащая своего хозяина, не перечит ему, но только при одном условии... Пока его жену не оплодотворяют чужим семенем! – добавлял он через цезуру. – Особо это касается азиатов! Так уж исторически сложилось, что русак не любит узкоглазых детей! Теряя в детях свою блондинистость и непосредственность, русский мужик способен разъяриться медведем и, вначале сожрав косоглазых отпрысков своих жен, перейти к уничтожению их незаконных отцов!.. Страшен русский бунт! – цитировал идеолог классика. – Он сметает все на своем пути, и никакой стопроцентный апельсиновый сок его не остановит!

За эти слова разбирающегося в славянской душе Поддонного, за его умеренность в наказаниях россияне на оккупированных территориях относились к Прохору с дипломатическим терпением, а некоторые даже с симпатией, что крайне не нравилось и даже пугало руководство нашей страны.

– Экий мерзавец! – обсуждали в силовых ведомствах генералы. – Ишь как в нашей душе сечет!

– Так он наш и есть! – сообщил генерал-лейтенант на военной коллегии. – Самый что ни на есть русский! До пятого колена! Предатель!

– Может быть, его жену арестовать? – предложил генерал-майор. – И выдать ее замуж за сексуального извращенца. Это хорошее средство от агитации!

– Он – холостяк.

– Тогда маму арестуем. Холостяки обычно очень любят своих матерей! Они не выдерживают, когда их мамы умирают в сыром неотопляемом помещении от туберкулеза.

– И мамы у него нет. В том-то и дело, что Поддонный круглый сирота, если не считать брата-близнеца, который с рождения живет в психиатрической лечебнице с диагнозом олигофрения.

– Сволочь! – резюмировал генерал-полковник. – Даже родственников

нет!

Военачальники согласно закивали головами.

– Значит, надо действовать решительно! – поднялся из кресла генерал-полковник.

Он слегка пополнел, а потому волновался перед предстоящей аттестацией. Проплыть в его возрасте две с лишним версты и пробежать затем десять было делом не из легких. Генерал помнил, как год назад его однокашник генерал Кукин, блистательный стратег, чуть было не утонул в бассейне из-за сердечного приступа, вследствие чего личным указом Главнокомандующего был отправлен в отставку. По этому поводу у генерал-полковника возникало раздражение на Верховное командование. Он считал, что высшие офицерские чины не должны подвергаться спортивной аттестации, что их предназначение состоит не в физической силе, а именно в мозговом потенциале и что увольнять на пенсию военачальников за некое возрастное ожирение по меньшей мере неразумно.

Генерал-полковник недовольно поморщился и повторил:

– Надо действовать решительно, иначе мы рискуем вместо патриотически настроенных сограждан получить лояльно настроенных к врагу соотечественников! А это, как вы понимаете, абсурд и будет означать наше поражение в Метрической войне!

Генерал-полковник вновь уселся в кресло и достаточно легко положил ногу на ногу, отчего его настроение слегка улучшилось.

Пройду аттестацию, – решил он. – Несомненно, пройду.

– Какие есть предложения, как изменить ситуацию?

Генерал-лейтенант и генерал-майор слаженно задумались. Им действительно хотелось найти решение этого сложного вопроса, а потому они думали по-настоящему, а не делали вид. Вследствие этого по прошествии пяти минут генерал-лейтенант внес дельное предложение:

– Надо выкрасть Поддонного!

– Продолжайте! – поощрил генерал-полковник.

– Мы выкрадем предателя, привезем его в Москву и устроим над иудой показательный процесс. Тем самым ободрим народ – и на самого крупного предателя найдется свой маленький палач!

– Мысль хорошая, – согласился генерал-майор. – Только как ее осуществить?.. Поддонного всюду сопровождают десять самураев, которых обучали охранному делу с детства. Это десять супербойцов, способных сражаться с сотней вооруженных солдат!

– Наши мальчики тоже кое-чего стоят, – скромно заметил генерал-лейтенант, в подчинении которого находились части специального

назначения. – Я не считаю самураев непреодолимым препятствием.

– Но к тому же Поддонный находится на чужой территории в окружении регулярной армии, что делает его похищение невозможным!

Генерал-лейтенант улыбнулся и развел руками.

– Дорогой коллега, – со сладостью в голосе сказал он. – Мои люди – не ваши солдатики, наученные только разгонять демонстрантов, стреляя в толпу слезоточивым газом и раскалывая дубинками головы! Мои люди – высочайшего класса профессионалы, которым удавалось выворовывать людей из Белого дома, из-под носа самого господина Горецки так незаметно, что тот до сих пор уверен, будто произошли какие-то мистические обстоятельства, при которых пропали главный шифровальщик Центрального разведывательного управления и его помощник! А вы говорите – десять самураев! Да один мой паренек с полным боекомплектом способен противостоять батальону!

– Эка, хватили! – воскликнул генерал-майор.

– Ничего не хватил! Как говорю, так и есть! – напирал отец всех спецназовцев.

– Не будем ссориться! – остановил генералов генерал-полковник. – Я согласен с предложением генерал-лейтенанта, а потому приказываю в течение недели разработать план проведения операции по захвату Прохора Поддонного и вывоза его с оккупированной территории! – Он снял с колена ногу и пошевелил ею, затекшей. – Надеюсь, вам понятно, насколько это ответственное мероприятие и как отнесется Президент к его провалу.

– Операция будет успешной! – заверил генерал-лейтенант.

– Карающая десница! – с выражением произнес генерал-майор.

– Что – десница? – не понял генерал-полковник.

– Так мы назовем нашу операцию. "Карающая десница"!

– Так мы не будем ее называть! – отверг генерал-полковник.

– Почему? – удивился автор. – Название определяет сущность!

– Слишком высокопарно. Назовем операцию просто: "Кража".

– Замечательно! – порадовался генерал-лейтенант. – Просто и лаконично!

Автор предыдущего названия представил, как он собственноручно расстреливает командира разведывательного министерства, и с помощью этой фантазии ему удалось понизить свое давление почти до нормального.

Сучий потрох! – сказал он про себя в довершение. – Гнусное лизало!

– На том и порешили, – закончил совещание генерал-полковник. – Через неделю у меня!..

Через семь дней состоялось повторное совещание, на котором

обсуждались детали предстоящей акции...

Как вы, наверное, уже понимаете, милая Анна, я и мой товарищ Бычков были подключены к операции "Кража".

Мы были тогда молоды, здоровы, и полнились наши сердца тщеславными амбициями, и мечтали мы спасти Родину от захватчиков, а потому выслушали задание в приподнятом настроении и заверили командование в его успешном осуществлении.

– Милые мои сынки! – произнес напутственную речь генерал-полковник. – Есть еще людишки в этом мире, которым не нравится мерить нашим аршином! Да что в мире!.. И наша земля уродила мелкую дрянь, которая хочет измерить наши просторы европейским метром и агитирует русский народ наливать в стакан граммы! От этой нечисти и свалилось на страну огромное бедствие – война с басурманами и кузнецами олимпийских колец! – Генерал сделал паузу и посмотрел на нас с Бычковым по-отечески. – На вас, сынки, на ваши тренированные плечи возлагается это нелегкое задание – выудить из вражеского тыла поганку Поддонного! Мы провезем мерзавца по всей стране в медвежьей клетке, как когда-то возили Емельку Пугачева, и позволим населению плевать в Прошкину поганую физиономию! А потом соберемся всем миром на Красной площади и обновим Лобное место свежей кровушкой изменника. А напоследок, – лицо генерала приняло мечтательное выражение, – выпустим из фургона городского живодера бездомных собак и дадим им возможность сожрать гнилые кишки автора Метрической системы!.. Так-то вот, дорогие мои! Такая у меня мыслишка имеется!.. – Генерал уселся в кресло и глотнул из кофейной чашки. – Сделаете – героями прорекламируем, провалите – сгинете безвестно!

Мы вылетели ночью, когда все генералы спят, когда их умные головы, натруженные за день фуражками, ласкаются о чистый хлопок пуховых подушек, затянутых наволочками, когда в желудках варятся домашние котлетки с пюре, запитые нежирным кефиром, когда генеральские дети – молодые ученые и стилиги – обнимают своих возлюбленных жадными руками; в это время, в это благодатное для любви время мы с Бычковым летели над спящей страной выполнять ответственное задание Родины.

Нас и десятерых наших помощников должны были сбросить в Барнаульской области, над маленьким городком Завязь, в котором, по данным разведки, находился Прохор Поддонный. В самолете помимо людей находились две молодые лошади и телега с гробом, в котором помещался близнец предателя с простреленным черепом. Лететь было еще достаточно, а потому мы с Бычковым, коротая время, беседовали о разном.

- Хочешь Звезду Героя? – спрашивал я.
- Конечно, – серьезно отвечал товарищ.
- Думаешь, дадут, если выполним?
- Хочу, чтобы меня женщины любили.
- При чем здесь женщины?
- Женщины любят героев.
- Женщины любят всех, – сказал я. – И героев, и трусов.
- Я толстый, – сказал с грустью Бычков. – Меня женщины сторонятся.
- Ты не толстый. Это мускулатура растягивает свитер.
- Женщинам этого не объяснишь. Им не расскажешь, что меня

специально тренировали, специально питали всякими белковыми планктонами, чтобы мое тело так выглядело со стороны, как будто оно толстое, чтобы меньше в глаза бросался при проведении специальных акций. Другое дело, когда на пиджаке Звезда Героя, – мечтательно произнес Бычков. – Даже если пиджак шестидесятого размера. Звезду Героя может носить только герой! А толстяки не ассоциируются с героями.

– Я думаю, что дадут, – уверил я товарища. – Главное, все выполнить как положено!

- Выполним! – заверил он.
- Иногда я тебе завидую, – сказал я, когда мы пролетали над Волгой.
- Это чему? – удивился Бычков.
- Очень тяжело уходить на задание, когда оставляешь в теплой постели ту, которую любишь.
- Ты про Зойку?

Я кивнул.

– Зато легко возвращаться с операции, зная, что тебе уже нагрели эту постельку!

– Тоже верно, – согласился я, вспоминая черноволосую девушку, с которой познакомился за год до войны в джакузи спортивного зала "Боди".

Она сидела в зеленой ванне, с прямой спиной, вся окруженная большими пузырями, стремящимися сорвать с ее маленькой груди купальник, и ни на кого не смотрела. Конечно же, она любила поджариваться в солярии, так как кожа у нее была загорелой для зимы, особенно плоский живот выглядывал из-под воды шоколадом.

Напарившись в турецкой парной и охладившись в бассейне с ледяной водой, я опустил в теплый джакузи напротив девушки.

– Вас как зовут? – спросил.

Она посмотрела на меня, поправила тонкой рукой свои черные волосы, на фоне которых вспыхнули красные ногти длинных пальцев, и сказала:

– Меня зовут Зоя.

У нее был очень низкий, с трещинкой голос.

Курильщица, – подумал я и представился:

– Меня зовут Женя.

– У вас красивые мускулы, – сказала девушка.

Она поднялась в джакузи, слегка потянулась всем телом, давая возможность воде стечь, а затем вновь уселась в бурлящие пузыри.

– Успели рассмотреть? – спросила.

– Да.

– И как?

– Все хорошо. Может быть, слегка худоваты ноги...

– Да?!

Она вытащила из воды правую ногу и, вытянув ее в подъем, повертела в разные стороны, рассматривая.

– Однако на вкус и на цвет!.. – удовлетворилась она осмотром и опустила ногу обратно.

– Вы здесь одна?

– Да, – ответила.

– Первый раз?

– Нет.

– Я вас здесь не видел.

– Обычно я прихожу позже.

– Нравится здесь?

– Привыкла.

Зоя посмотрела на меня, без стеснения разглядывая мои шею и плечи.

– Хорошая мускулатура. Вы спортсмен?

– Что-то в этом роде.

– Часто здесь бываете?

– Достаточно.

– Я даю вам скидку в пятьдесят процентов. На входе у охраны будет вся необходимая информация. – Она снова поднялась и шагнула из ванны. – Пойдемте попаримся.

Мы сидели в парилке друг напротив друга, Зоя стирала с себя специальной vareжкой конденсат и объясняла:

– Этот зал принадлежит мне. Конечно, не я его строила и не на свои деньги. Просто у меня был муж, с которым я развелась, и в качестве компенсации он оставил мне этот зал. Доходы сейчас не те, что раньше, но жить, тем более одной, можно... Чем занимаетесь вы?

– Любуюсь вами.

Она даже не улыбнулась на комплимент, а продолжала ждать ответа на поставленный вопрос.

– Я – военный.

– Вот как! – удивилась. – У меня никогда не было знакомых военных! Вы что же, артиллерист?

– Нет, я не артиллерист. Я – пилот.

– Летчик, – уточнила Зоя.

– Пилот, – настоял я. – Моя задача заключается в том, чтобы пилотировать ракету с ядерным зарядом на определенную цель.

– Поняла. Вы – камикадзе.

Я кивнул.

Зоя протянула мне варежку.

– Хотите? Очень полезно. После нее кожа становится гладкая-гладкая.

– Спасибо, не нужно, – отказался я.

– Что, скоро полет?

– Вероятно.

– Тогда действительно нет никакой разницы – лететь с гладкой кожей или с наждачной бумагой вместо таковой... Вам, наверное, хорошо заплатят?

– Я – патриот.

– А вашим родственникам?

– Я живу один.

Она кивнула в знак того, что все поняла.

– Поплаваем в бассейне?

– Да.

Мы вышли из парилки и, спустившись в воду, поплыли по разным дорожкам. Иногда я поворачивал голову и с удовольствием смотрел, как Зоя красиво плывет, изящно разгребая воду длинными руками.

– Мне хочется сделать для вас что-нибудь приятное, – сказала девушка, когда мы доплыли до бортика и встали на приступок. – Я тоже патриотка. У меня отзывчивое сердце, и я живу прямо над залом.

– У вас есть телефон? – спросил я, глядя, как по ее коже к пупку бегут мурашки, и испытывая сильное желание погладить Зоин шоколадный живот. – Мне нужно будет сделать один звонок.

– Я понимаю, что вам нужно сообщить командованию, где вы находитесь.

Я кивнул.

– Телефон есть...

Она вылезла из бассейна и села на корточки возле моей головы,

торчащей из воды. Мне были видны складочки ее трусиков и бесцветные волоски на ногах. Стекала с груди вода.

– Квартира номер два, – негромко сказала она. – Но не торопитесь подниматься. Примите горячий душ, высушите феном волосы и причешитесь.

Она хотела уйти, но что-то вспомнила. Вновь присела.

– Так как вас зовут?

– Евгений.

– Квартира номер три.

– Так два или три?

– Звоните в любую. Весь этаж принадлежит мне.

– Договорились.

Она ушла, а я не торопясь принял душ, затем тщательно высушил феном волосы и поднялся в бар.

Посмотрев по телевизору последние новости и выпив чашку чая, я вышел из зала на улицу и, войдя в подъезд, поднялся на второй этаж.

Она не сразу отозвалась на звонок в квартиру номер два, а когда открыла, показалась мне на мгновение в нижнем белье, извинилась и закрыла за собой дверь в другую комнату.

– Я не успела одеться, – пояснила оттуда.

– Ничего, – ответил я, разглядывая огромную, в пятьдесят аршин, гостиную, в которой совершенно не было мебели. Лишь широкий диван у стены и огромная музыкальная система у окна. Зато во всю ширь, от стены до стены, лежал белый пушистый ковер.

– Я не люблю, когда много мебели, – пояснила Зоя, выйдя из комнаты. На ней был короткий, из шелковой ткани, халат с вензелем на груди. – Мебель слишком много потребляет воздуха. Мне не нравится, когда воздух спертый.

Она уселась на ковер, поджав под себя ноги.

– Вы хотели позвонить, – напомнила, кивнув на валяющуюся посреди комнаты телефонную трубку.

– Сначала я должен получить сообщение на пейджер. Я его пока не получил.

– Тогда приступим?

Я посмотрел на нее. Она была серьезна, лишь слегка дергались черные ресницы.

– Я не всегда так делаю, – сказала без тени волнения. – Мне кажется, что вы меня поймете... Евгений, кажется?

– Да.

– Это всего лишь второй раз, Евгений, после моего развода с мужем.

– Я вас пойму.

Только теперь она улыбнулась. Широко и белозубо. Вытащила из кармана халата пульт и щелкнула им. Медленно, словно в кинотеатре, погас свет, и ожила множеством огней музыкальная система у окна.

Я не слишком хорошо помню особенности того вечера, так как за ним была вереница похожих и таких же страстно насыщенных. Вспоминается лишь радость от обладания ею впервые. Запах ее жестких волос до сих пор стоит в ноздрях. Помнят смуглую кожу язык и губы, которые ломит при воспоминании о непроглоченной сладости. Худые ноги в ту ночь жили отдельной от нее жизнью – вздрагивали, как будто хотели куда-то бежать. Но все это из воспоминаний...

А тогда, насытившись, она откинулась на подушки, взяла со столика початок вареной кукурузы и, объедая его, спросила:

– Ты ничего не заметил?

– Все было хорошо, – ответил я.

– Я не об этом. Во мне ты ничего не заметил странного?

– Нет.

– Тогда смотри!

Она отбросила кукурузу и перевернулась на живот, подложив под подбородок руки.

Я смотрел на Зою, впитывая на память абсолютную обнаженность ее тела, с длинной шеей, сильной спиной и маленькими ягодицами, трамплином возвышающимися над худыми ляжками.

– Ну? – спросила она нетерпеливо.

– Ничего не вижу... странного, – добавил я.

– Темно, – догадалась Зоя и, пошарив по ковру, включила фарфоровую лампу.

И тут я увидел... Сначала я оторопел от того, что рассмотрел, и несколько секунд сидел с открытой навстречу всем ветрам челюстью, затем склонился над Зоей, чтобы лучше увидеть, и чуть было не засмеялся в голос.

Между Зонными ягодицами, между персиковыми половинками ее чресел, лежал тоненький, розовый, в ладошку длиной хвостик, нервно подрагивающий под моим ошеломленным взглядом.

– Видишь? – спросила она. – Ну?!

– Ага, – ответил я и прыснул от смеха.

– Чего смеешься? – недоуменно спросила она, приподнимаясь на локтях. При этом ее хвостик дрыгнул и шлепнул по правой ягодице. – Чего

смешного!..

И тут я не удержался. Меня так разобрало, что минут пять я хохотал, не в силах остановиться, а Зоя сидела передо мною, не зная, разозлиться ей в ответ или так же неистово загоготать.

Уже отсмеявшись, икая от хохота, я вдруг почувствовал, что не опустел еще в этот вечер до дна, что есть во мне что-то трепещущее и отыскалось оно благодаря Зоину хвостику, мечущемуся из стороны в сторону наподобие щенячьего. И тогда я набросился на нее, схватил в охапку и с большим вкусом, нежели впервые, любил ее разнообразно, включая и розовый хвостик, а также все, чем положила наслаждаться хитроумная природа.

– Как тебе? – спрашивала Зоя в первые дни нашего знакомства и проникательно заглядывала в мои глаза.

– Что? – уточнял я.

– Мой хвост.

– Я в восторге от него! Я обожаю твой атавизм!

– Да? – не доверяла она.

– Да-да! – убеждал я.

– Тогда смотри, что я умею делать!..

Она подходила к платяному шкафу или письменному столу, закрывала дверцу или ящик на ключик и бросала его на ковер. Затем снимала юбку вместе с трусами и поворачивалась к мебели спиной. Ее хвостик напрягался, шарил по дереву, отыскивая замочную скважину, а найдя ее, проникал внутрь кончиком, шебуршась там, как мышь в норе. Через некоторое время замок обязательно щелкал и дверца шкафа или ящик открывались.

– Ап! – взмахивала руками Зоя, а я в немом восторге неистово хлопал...

– Тот, кто был перед тобой, – рассказала она как-то, – тот, обнаружив хвост, упал в обморок!..

– А муж?

– Ему было все равно, с хвостом я или без! Он занимался финансами и женщинами почти не интересовался... "Либо любовь, либо деньги, – говорил супруг. – Двух одинаково сильных страстей в жизни не бывает!" А вот отец мой любил, как я в младенчестве, ползая по полу в чем мать родила, виляла хвостиком. Он и не позволил матери отвести меня к хирургу, хотя тогда было очень просто отрезать хвост...

Вероятно, именно из-за этого хвостика, маленького и розового, я влюбился в Зою до беспамятства. Я думал о ней днем и ночью, даже когда

мне приходилось поливать из автомата мишени, изображающие врагов. И лишь одно меня успокаивало, что все пули ложатся точно в цель... В самые неподходящие моменты, например, когда нужно было сориентироваться по карте и выйти из леса в нужном направлении, в моем воображении непременно возникал ее маленький голый зад с виляющим хвостиком, и я сходил с ума от ревности, рисуя себе картины Зоиных измен. Я представлял себе здорового мужика с кавказскими усами, дарящего ей кольцо с бриллиантом, но надевающего его не на палец, а нанизывающего на хвостик. Тогда я бежал через густой кустарник, царапая шипами лицо в кровь.

– Почему я должна тебе изменить? – удивлялась она, когда я в любовном порыве рассказывал ей о своих страхах. – Я тебе не давала повода для ревности...

И действительно, мое хвостатое приобретение ни разу за время нашего общения ни словом, ни жестом не дало мне возможности усомниться в своей верности. Хотя поклонников у нее было великое множество. Все они происходили из спортивного зала, в котором она хозяйничала, и являли собою великолепные образцы мужского совершенства. Частенько мне приходилось вступать в единоборство с каким-нибудь особенно рьяным ухажером, но дело обычно дальше, чем схватка уничижительных взглядов, не заходило.

Когда Зоя была в хорошем настроении, она позволяла делать с ее хвостом все, что мне приходило в голову. Тогда я повязывал отросток бантиком и просил девушку изображать маленькую собачку таксу, умильно виляющую задом навстречу своему хозяину. Зоя тьякала, подражая четвероногому, и терлась щекой о мою ногу... Потом я разводил в банке краску и, наколов кнопками на фанеру лист ватмана, просил Зою, чтобы она нарисовала, исключительно с помощью хвоста, вазу с фруктами. К моему восторгу, она это делала, и получалось у нее это лихо, как у заправского художника.

– Ты могла бы выступить с этим номером в цирке! – восхищался я.

– Меня бы обвинили в насаждении порнографии!

Я тут же представлял себе эту картину, как Зоя при огромном стечении народа стоит посреди арены совершенно голая и рисует хвостом натюрморт. В этот момент волна ревности сшибала с насиженного места мою душу и начинала швырять ее по всему желудку.

– Оденься! – говорил я, мрачней.

– А что случилось?

– Ничего.

– Опять что-то себе нафантазировал, – понимала она. – Экий ты дурак, братец, хоть и разведчик. Отмой мне лучше хвост от гуаши!

Она шла в ванную, я плелся за ней и, совершая эту гигиеническую процедуру, плеская на хвостик теплую водичку, совершенно забывал о своих видениях. Тогда мужское лишало меня возможности думать, я мягчел мозгами, но крепчая телом значительно, зарывался носом в Зоины черные волосы и вдыхал ее запах всеми легкими...

– Ты прав, – сказал я Бычкову. – Я рад, что у меня есть Зойка. Теперь я с удовольствием возвращаюсь домой!

Нас сбросили в тридцати верстах от городка Завязь. Ветра не было, и парашюты не разнесло по разным сторонам. Ржали в ночном небе лошади, и я боялся, что системы ПВО противника обнаружат нас раньше, чем мы приступим к выполнению задания.

Через пятнадцать минут отряд собрался вместе, и мы, запрягши лошадей в телегу и водрузив на нее гроб, тронулись в путь. К шести часам утра мы уже подходили к окраинам города, объясняя встречным прохожим, что ночью был предательски убит русский идеолог Метрического движения Прохор Поддонный, что это он, собственной персоной, находится в гробу.

Ближе к центру города нам все чаще попадались японские патрули, которые с настороженностью относились к нашей печальной процессии, хотя мы были одеты в форму перебежчиков, и непременно заставляли открывать гроб. Обнаруживая в нем всемирно известную личность со смертельной раной во лбу, маньчжуры что-то щебетали испуганно, кланялись покойнику и незамедлительно пропускали нас дальше.

Ориентируясь по карте города, мы к девяти утра вышли к дому, в котором, по данным разведки, остановился Прохор Поддонный.

– Куда? – спросила охрана, состоящая из русских перебежчиков.

– Кого охраняем? – спросил навстречу Бычков.

– Не ваше дело! – ответил, по всей видимости, начальник охраны.

– Уж не Прохора ли Поддонного?

– Не твое дело! – огрызнулся начальник и предупреждающе повел стволом автомата.

– Тебя сегодня расстреляют! – сказал Бычков равнодушным голосом.

– Чего? – не понял детина.

– Тот, кого вы тут охраняете, был застрелен сегодня ночью!

– Чего-чего!

Казалось, что еще мгновение и начальник охраны нажмет на спусковой крючок, обрывая наши жизни телохранительским рвением.

– Покажи ему! – приказал я одному из своих людей.

Солдат приоткрыл крышку гроба и представил изумленной охране труп того, кого они призваны были охранять, кто, по их разумению, должен был сейчас спать в теплой постели. Дитина побледнел лицом и в изумлении опустил автомат.

– Да как же это!.. – пролепетал он. – Как же!..

– Арестовать! – приказал я, и в одно мгновение обескураженную охрану разоружили. – Отведите их в Управу!

Шестеро наших людей окружили четырех охранников и под конвоем повели их по соседней улице.

Конечно, ни в какую Управу их не конвоировали. Задача была проста – завести противника в лес, уничтожить, не привлекая внимания, и выходить затем на обусловленное место.

Дорога к Прохору Поддонному была открыта, и мы с Бычковым вошли в дом.

Автор Метрической системы спал так глубоко и так сладко, как может спать только младенец, чей мозг не отягощен никакими проблемами. Идеолог подложил пухлую ладонь под щеку, полными губами посасывал большой палец, и снилось ему, верно, что-то хорошее, наверняка из лучшей жизни.

Солдаты осторожно опустили на пол гроб, а Бычков, потрепав изменника по щеке, ударил его затем по темени ручкой пистолета. Поддонный пустил густую слюну и, не просыпаясь, потерял сознание.

– Не убил? – спросил я, когда Прохора подняли с кровати и положили в гроб на место брата.

– Нет, – обиделся Бычков. – Все профессионально.

Мертвого олигофрена уложили на налаженную перину и укрыли пуховым одеялом. Гроб вытащили из дома и, поставив его на телегу, тронулись в обратный путь.

Добрались до места без всяких приключений, соединившись по дороге с нашими солдатами, и через десять минут услышали шум приближающегося самолета.

Двенадцать человек встали в ряд, поддерживая бессознательное тело Поддонного, и, когда самолет проходил на малой скорости низко над землей, все одновременно присели, согнув колени, и были подхвачены огромной улавливающей сетью, которую через минуту втянула в кабину мощная лебедка.

– Ваше задание выполнено! – сообщил я по радио генерал-полковнику, когда мы отлетели от Завязи на приличное расстояние. – Прохор Поддонный, автор Метрической системы, изменник Родины, арестован!

– Спасибо, сынки! – услышал я в ответ растроганный голос командира. – Родина верила вам, сынки, и Родина в вас не ошиблась! Всем предоставляю десятидневный отпуск!

– А Героя? – вскричал Бычков.

Я отключил радио и ответил товарищу:

– Такие дела быстро не решаются. Вот прилетим в Москву, Поддонного будут судить, а уж потом решат наградной вопрос...

Арестованный пришел в себя, когда мы подлетали к Москве.

– Где я? – спросил он, держась за голову.

– Вы в самолете, принадлежащем российской армии.

– Меня захватили?

– Да, – подтвердил я.

– Как вам это удалось? – спросил Поддонный и, надо отдать ему должное, прекрасно держал себя в руках, ничуть не волнуясь, во всяком случае не выказывая этого. Он разглядывал в иллюминатор подмосковные огни и шумно дышал заложенным носом.

– Мы использовали вашего брата.

– Брата? – удивился изменник и повернул голову.

– Ага. Близнеца.

– Гаврилу?..

– Вместо вас мы оставили в кровати его тело.

Поддонный ковырнул с затылка запекшуюся кровь и растерянно посмотрел на меня.

– Вы его убили? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Мы вынуждены были сделать это, так как он мог нас выдать.

– Он же был болен. Это же... Это все равно что младенца убить!..

– Виноваты в этом только вы.

Неожиданно Поддонный заплакал. Он не стеснялся слез, а, подвивая, размазывал их по лицу вместе с кровью.

– Ы-ы-ы-ы-ы... У меня больше никого не осталось, – объяснял, плача, Прохор. – Был один брат... Ы-ы-ы-ы-ы... А вы его убили... Ы-ы-ы-ы-ы... Он был безобидный... Ы-ы-ы-ы-ы!..

– Метр ваш его убил, а не мы! – встрял Бычков.

Поддонный взял себя в руки и перестал завывать осенним ветром. Он попросил у меня фляжку и, глотнув воды, сказал:

– Вы все когда-нибудь поймете, что такое метр! Когда-нибудь вы осознаете, какие блага сулят эти сто десятимиллиметровых сантиметров, заполняющих метр! Наступят времена, когда все, и стар и млад, поклонятся литру и километру, а аршины и версты отправятся в небытие на веки

вечные!

– А чем вам не нравятся наши аршины? – спросил Бычков. – Вас ведь мать в детстве мерила вершками, а не сантиметрами. Аршины и версты – ваша Родина! А вы ее японцам! Нехорошо это!..

Поддонный ничего не ответил на это, лишь прошептал под нос:

– Ах, Гаврила...

На асфальте московского военного аэродрома он вдохнул всей грудью осень и шагнул в зарешеченный грузовик армейской разведки.

Через месяц состоялся суд, который, несмотря на все причиненные подсудимым беды и горести, вынес не смертный приговор, а наказал изменника пожизненным заточением в одиночной камере.

Меня и Бычкова наградили квартирами в центре Москвы, а еще через месяц при выполнении очередного задания в мою спину, между пятым и шестым позвонками, вонзилась стрела с золотым наконечником.

Я потерял подвижность нижней части тела и вместе с ней Зою. Она стояла на коленях перед моей больничной койкой, целовала мои пальцы и плакала, объясняя, что у нее не получится жить со мной, инвалидом, что она знает, что тварь бессовестная, но вместе с этим ничего не может с собой поделывать, и что у нее появился новый друг – финн Ракьевяре, цирковой импресарио, и все такое...

Она еще один раз зашла в больницу, месяца через полтора, поздравить меня с днем рождения. Поцеловала в щеку и позволила себя обнять в подарок. Там, под тканью юбки, проведя по ягодицам рукой, между горячими половинками я не обнаружил хвоста...

Милая Анна!

Закончив это письмо к вам, этот маленький рассказ о себе, я вдруг услышал чьи-то всхлипывания.

– Это вы плачете? – спросил я.

– Я, – подтвердил *Hiprotomus Viktotolamus*. – Вы тронули меня своим рассказом! Удивительно сентиментальная история. Очень и очень печальная!

– Эта история не для вас была предназначена! – разозлился я.

– Я тоже хочу продолжить свою историю! – не слушал меня жук. – Когда я был человеком...

– Позже! – прервал я и капнул на шишку перекисью водорода.

– Ах!.. – проговорил жук.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

**Отправлено 27-го января
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Милый мой, дорогой, единственный!

Сколько же несчастий выпало на вашу бедную голову!.. Читая строки вашего исповедального письма, я вынуждена была то и дело прерываться, устраивая длительные отвлечения на телевизор, дабы унять и утереть слезы, ручьями текшие по моим щекам!..

В вашей судьбе так много общего с моей жизнью, что я уже не стесняюсь кричать во всеуслышание, что вы самый близкий мне человек на этой земле, что нет и не будет никого дороже вас во веки вечные!

Страдания, выпавшие на нашу долю, есть не что иное, как испытания судьбы, тренировка настоящего чувства, пришедшего лишь сейчас, когда наши души подготовлены к нему! Я уже радуюсь, что Бог послал мне паралич, иначе бы мы не повстречались в суете, и я бы прожила всю жизнь в глупости и никчемности!..

Теперь вы есть у меня!.. Я счастлива этим!..

В среду он опять пришел... Ночью...

В этот раз я не услышала его шагов.

Вероятно, Владимир Викторович был очень осторожен и с помощью специального устройства выдавил в прихожей окно. Он влез в дом, крадучись подошел к кровати, в которой я спала, и со всей силы ударил по моему носу. Ошеломляющая боль вырвала меня из сна, я открыла глаза, но лишь кровавые круги плыли перед глазами, густо стекая из носа в рот юшкой.

– Ну что, гадина! – услышала я голос. – Не нравится тебе!

Я узнала его голос тут же и испугалась страшно, до немоты, до отвисшей челюсти. Я смотрела на него выпученными глазами, а он подсвечивался из окна луной и улыбался жутко.

– Узнала, – прошипел он довольно. – Вижу, узнала!.. Я на рыбалку шел, дай, думаю, по дороге к соседке загляну! Думаю, рада будет! И вот ведь, не ошибся!.. Правда, Анна Фридриховна? Рады вы мне?

Я облизала губы и проглотила капли крови, сочащиеся из носа.

– Не слышу ответа! – прорычал Владимир Викторович, и в его руке блеснул луной нож.

Зарежет, – решила я и мне стало невыносимо жаль себя. Я представила свое лицо со стороны – окровавленное, беззащитное, и всхлипнула многократно.

– Будешь отвечать, тварь?!

– Я рада, – удалось мне выдавить.

– Я не об этом! – он навис надо мной, блестя маленькими зубами. – Кто такой Молокан, спрашиваю? Почему о нем нет информации в справочном бюро?!. Где найденный тобой ящик?!.

– Музыкант, – пролепетала я, пуская носом розовые пузыри. – Вы ведь сами знаете, что в ящике саксофон...

Лицо сапера исказилось от ненависти. Он зашевелил ножичком и зашептал отчетливо:

– Сейчас я от тебя кусочки отрезать буду!

Владимир Викторович сбросил с меня одеяло и оглядел от макушки до пяток:

– Начну резать с мест, которых ты не чувствуешь! Мизинчик с правой ноги срежу. Знаешь, как грибки срезают под корешок? – Он улыбнулся. – С другой стороны, зачем тебе мизинец, да впрочем как и другие пальцы! Ходить ты не ходишь, а красотами твоих ног любоваться некому!

– Что вы хотите? – спросила я жалобно. – Не мучайте меня! Я ни в чем не виновата!

Моя слабость только раззадорила его. Сапер шлепнул мне на живот ладонь, затем высунул язык и пошевелил кончиком, как змея.

– Семя мое галактиками ценится, а ты его на грязный пол проливаешь! Энергия моя – энергия всех горящих звезд, а ты ее на ложь переводишь! – С красного языка капнула слюна. – Что в ящике, спрашиваю?!

И тут спасительная мысль пришла мне в голову. Я прокашлялась и, набрав в легкие воздух, во все горло крикнула:

– Лучший Друг! Помоги мне! Лучший Друг!!!

Оставленная накануне на столе после хозяйственных дел рука сбросила полотенце и, перебирая пальцами, побежала по полу.

– Что такое? – вскинулся сапер, услышав за спиной дробный звук. – Ты кого зовешь, гадина?!

Но не успел он договорить последних слов, не успел выставить для защиты свой ножичек, посеребренный луной, как со спины, по ноге, к горлу его взбежала рука и вцепилась железными пальцами в самый кадык.

Владимир Викторович оторопел от неожиданности, хрюкнул от стального зажима на горле и выпучил во тьме глаза.

– Хххе-е-е-е... – захрипел он.

Я видела, как взбугрились на Лучшем Друге мускулы, как жестко мяли пальцы адамово яблоко на шее сапера, лицо которого с каждой секундой наливалось синевой, а душа, казалось, вот-вот готова вырваться из вишневого рта.

– Хххе-е-е-е... – вышел из горла последний воздух, и сапер взмахнул вооруженной рукой, словно подстреленная птица.

– Отпусти его! – приказала я, когда лишь мгновение отделяло Владимира Викторовича от небытия. – Отпусти его, Лучший Друг, и жди меня на кухне!

В ту же секунду рука распустила свой смертельный зажим и ежиком, забарабанив пальчиками по полу, скрылась на кухне.

Не понимающий, что произошло, что стряслось с ним, сапер ошеломленно стоял и раскачивался как стрелка от метронома. Рот его был открыт во всю ширь, он заглатывал им порции воздуха и смотрел на меня дураком.

– Что случилось? – наконец вымолвил он. – Что это было?

– Мой друг, – ответила я с вызовом.

– Какой друг?

– Мой. Что в этом необычного?

– Мужчина? – спросил Владимир Викторович и обернулся, потирая шею.

– Мужчина, – подтвердила я.

– Ах ты сука! – зашипел сапер и, сверкнув очами, изготовился к броску.

– Не советую! – предупредила я. – В следующий раз я его останавливать не буду! Вырвет кадык!

Владимир Викторович осек себя на полшаге и закривил от бессильной злобы лицом.

– Сука! Сука! – приговаривал он одними губами и крутил ножичком.

– Господи! – возмутилась я. – Сколько же это будет продолжаться! То он меня насилует на глазах своей сестры, то с ножом ночью вломился!

– Я доберусь до тебя, тварь! – шептал сапер, оглядываясь по сторонам и тыкая ножом в темноту. – Я еще понарежу из тебя ремней, шлюха!

– Убирайтесь отсюда! – твердым голосом сказала я. – Еще одно мгновение, и вас ничего не спасет!

Владимир Викторович было открыл рот, чтобы выронить еще какую-нибудь гадость, но я опередила его.

– Ни слова более! – произнесла я с пафосом. – Иначе даже мое доброе отношение к Соне не спасет вас!

Сапер зарычал от бессильной злобы и шатнулся к входной двери.

– Пойдите!

Он остановился как вкопанный.

– Как вы сюда попали? Через окно?

Владимир Викторович кивнул.

– Через прихожую?.. Через другую комнату?

– Через комнату, – ответил он тихо.

– Вот таким же способом и проваливайте!

– У-у-у!.. – завыл сапер и заковылял в противоположную сторону.

Через минуту я услышала, как скрипит свежий снег у него под ногами, а из-под двери потянуло холодом.

– Точно окно выдавил, паразит! – решила я и позвала Лучшего Друга.

Рука явилась на зов мгновенно и забалансировала на пальчиках возле кровати, как балерина.

– Забирайся сюда, – с нежностью сказала я и похлопала по матрасу.

Лучший Друг закачал предплечьем, как будто стеснялся, и отступил чуть назад.

– Ну же! – подбодрила я и протянула навстречу руки.

Он приблизился к ним, раскрытым, как бы качнулся в раздумье и лег всей длиной в мои ладони.

Я вознесла Лучшего Друга на подушки и только тут, поглаживая своего спасителя в благодарность, вдруг поняла, что рука тепла, что в ней существует жизнь и как будто даже волоски стали пробиваться на коже.

– Спасибо тебе! – поблагодарила я в умилении.

Лучший Друг задрожал от похвалы и пошевелил пальцами в знак того, что принял мою благодарность.

Я гладила его и представляла себе вас, Евгений. Я чувствовала сильные мускулы, сейчас расслабленные, воображала сильную грудь, втянутый живот, твердый, как стальной лист, и ноги, крепкие, как у породистого скакуна...

Я люблю вас, мой дорогой! Я вся дрожу лишь от одной фантазии о вас! Я устремляюсь к вам силою мысли одной через пространство и время и отдаю вам тело и душу на всю длину своей жизни! Примите их и пользуйтесь во всю радость, только не погубите, прошу вас!

Ваши руки столь нежны, столь умелы их пальцы, что уже через одно мгновение, через прикосновение одно, я успокаиваюсь и чувствую кожей папиллярные узоры на подушечках, ласкающих мою грудь.

Все во мне просыпается навстречу, все волнуется и вибрирует в ожидании желаемого. Но ваши руки опытные. Они настраивают мое тело не

торопясь, горяча его постепенностью и анатомическими знаниями. Мозг мой отключается, мысль растворяется в ощущениях и вдруг... Вдруг!.. О, чудо!.. Что-то заныло внизу моего живота, заставляя меня застонать по кошачьему и завывать ночной птицей мое сердце, рвущееся в неведомое! И сквозь ускользящее сознание, через нервический настрой души я поняла, я радостно осознала, что ожила, встрепенулась моя муши, доселе только декоративная и бесполезная!.. Лицо расплылось в блаженной улыбке, живот напрягся, и река моего удовольствия вышла из берегов.

После, лежа на смятых простынях, я вспоминала ваше лицо, и столь умиротворенным мой организм, казалось, не был еще никогда. Рядом ласкался Лучший Друг, а в форточке всходило зимнее солнце, маленькое и круглое, как новогодний мандарин.

Следующие несколько дней я только и ждала наступления вечера, чтобы встретиться с вами и соединить наши, чуть завядшие от долгого ожидания ласки, тела. В одну из таких ночей, когда в мое опустошенное существо вернулось сознание, я обнаружила на своем животе кольцо со змейкой. Оно лежало возле самого пупка, и сверкали бриллиантами змеиные глаза. Лучший Друг находился здесь же, охраняя меня от неожиданных гостей, и чуть дергался его указательный палец.

– Это твой подарок? – спросила я, вновь разглядывая странную надпись на внутренней части.

Лучший Друг осторожно взял из моих рук колечко и надел мне на безымянный палец. И оно неожиданно оказалось мне в пору.

– Спасибо! – сказала я растроганно. – А она не плюнет в меня ядом, как в прошлый раз?

Неожиданно Лучший Друг взметнулся с подушек и схватил мою руку с блестящей на ней драгоценностью. Затем сплюснул пальцами змеиную головку и длинными ногтями вырвал из ее пасти раздвоенное жало.

– Теперь я в безопасности?

Лучший Друг легонько хлопнул меня по животу, затем пощекотал ниже.

– Однако ты много себе позволяешь для друга! – искренне возмутилась я и толкнула его с кровати. – Иди-ка, ложись под полотенце!

Он нехотя поплелся по полу и, обиженный, забрался по ножке на стол.

– Накрывайся-накрывайся! – подгоняла я.

Лучший Друг укрылся полотенцем и затих.

– Так-то вот!

На следующий день я решила попробовать следующую руку. Позавтракав, я вытащила из шкафа черный футляр, откинула его крышку и

осмотрела содержимое, вспоминая инструкции. Затем отвязала кожаный ремешок, поддерживающий одну из рук, вытащила ее и положила на стол. Сняла чехол и следом осторожно срезала полиэтиленовую обертку.

Рука называлась – Горький. Именно ее я решила попробовать, оставляя Лучшую Подругу как-нибудь на следующий раз.

Следуя инструкциям, прежде чем начать использовать конечность, я тщательно размассировала ее по всей длине и только потом нажала на костяшку пальца. Раздался щелчок, но, как и в случае с Лучшим Другом, Горький даже не пошевелился.

Надо давать конкретное задание, – вспомнила я и громко сказала:

– Вымой посуду.

Никакой реакции.

– Свари кофе!

Безрезультатно.

Тогда я попробовала воздействовать на руку с помощью иглы, воткнув ее в ложбинку между безымянным пальцем и мизинцем.

– Приклей крючок в ванной! – приказала я, но и тут Горький даже не вздрогнул.

Вероятно, на этот раз без адреналина не обойтись, решила я и прикрыла дряблую руку Горького большим махровым полотенцем.

В дверь позвонили, и сердце мое рухнуло в желудок, оборванное воспоминанием о Владимире Викторовиче.

– Кто?! – громко и стараясь быть бесстрашной, спросила я.

– Это Соня, – донеслось из-за двери. – Почтальонша.

– Вы зачем?

– Газеты принесла.

– Я ничего не выписываю.

– Это бесплатные. С кроссвордами и телевизионной программой.

– Положите в ящик.

– Откройте, пожалуйста! – жалобно попросилась Соня. – Мне нужно с вами поговорить!

– О чем?

За дверью помолчали, а затем я услышала всхлипывания.

– Вы одна?

– Одна, одна! – ответила Соня голосом плачущего ребенка. – Владимир Викторович с утра уехал в Петербург.

Я открыла дверь и впустила ее, маленькую, всхлипывающую в варежку, с газетами и журналами в огромной кожаной сумке на боку.

– Спасибо, – благодарил почтальонша, усаживаясь за стол в кухне. –

Большое спасибо за то, что пустили!

Я налила ей горячего чаю в большую кружку и пододвинула банку с конфитюром.

– Холодно на улице?

– Ой, мороз, – ответила Соня и много хлебнула из кружки.

– Я вас слушаю, – сказала я, и почтальонша опять заплакала, проливаясь слезами в чай.

– Я... Я... – скулила она. – Я не знаю, почему плачу. Вероятно, потому что я очень слабая женщина... У меня... меня... У меня очень мало сил, и я ничего не могу поделать с этой слабостью!.. Вот вы – очень сильный человек, и мне всегда хотелось дружить с вами! Но вы... Вы...

Она обильно залилась слезами, пуская губами пузыри.

– Милая Соня! – сказала я, испытывая огромное чувство жалости к этой несчастной женщине с покрасневшим от слез носом. – Милая Соня! Я прекрасно к вам отношусь. Скажите, что случилось?

От моей ласки почтальонша взревела в голос и заколотила ладошкой по столу.

– Возьмите себя в руки немедленно! – закричала я, и Сонин плач прервался вдруг на самой высокой ноте; женщина уставилась на меня, широко раскрыв от удивления глаза. – Что случилось, еще раз спрашиваю?!

И она, втянув носом слезы, начала докладывать по-деловому:

– После того вечера, как я вас застала с Владимиром Викторовичем, он перестал даже смотреть на меня!

– Стоп! – прервала я. – Давайте сначала выясним главное! Кем вам приходится Владимир Викторович?

Почтальонша опустила глаза в пол и покраснелась щечками, словно светофор зажегся.

– Только честно! Он же вам не брат!

– Ну не брат, и что с того? – с некоторым кокетством ответила она.

– Ничего... Только зачем это скрывать? От этого столько недоразумений может случиться!

– Так не моя это инициатива! Это он настоял!

– Не понимаю.

– И я не понимаю. Но на самом деле я и не вдумываюсь, зачем? Мне главное, чтобы Владимир Викторович не бросил меня! Я его люблю! – с чувством сказала Соня. – А он после того случая с вами, когда я все разглядела, он не смотрит на меня даже. Я перед ним и так и этак, а он физиономию кривит! Я перед ним во всяком интимном, а он кроссворды решает!.. Что же это он в вас такого нашел, что я, женщина здоровая, с

крепкими ногами, не интересна ему, а вы, вся парализованная, милее!

Я хмыкнула. Глупая Соня даже не поняла, какую бестактность допустила, а потому я не обиделась и сказала:

– Я сама удивляюсь, что ему от меня надо!

В порыве воодушевления Соня потянулась ко мне через стол и горячо зашептала:

– Анна Фридриховна! Я для вас все! Вы, главное, попросите!.. Но только, умоляю вас, не отбирайте у меня Владимира Викторовича! Я вам и газеты все буду приносить бесплатно, и в магазин схожу, когда надо! Рыбку свежую принесу, он ее из-под льда тягает!

– Да что вы в самом деле! – возмутилась я. – Мне ваш Владимир Викторович задаром не нужен! Глаза бы мои его не видели во веки вечные!

– А он мне говорил, что это ваша инициатива была! – не унималась почтальонша. – Что это вы его за штаны ухватили!

– Эка наглость! – задохнулась я от возмущения. – Вот негодяй!

– Негодяй, негодяй! – закивала Соня.

– Если хотите знать, у меня друг есть!

– Правда? – обрадовалась она.

– Абсолютнейшая! Достойнейший во всех отношениях мужчина!

– Ну и славно! Дай Бог счастья всем, и здоровым, и убогеньким! Как я рада за вас, Анна Фридриховна! От него письма получаете?

– Вы, самое главное, его предупредите, – завелась я, – что, если он еще раз явится ко мне со всякой гадостью, мой друг ему хребет переломит!

– Конечно, предупрежу! – улыбалась во все лицо Соня. – А как же! Но друг же в Москве живет? Приехал, значит...

Она встала со стула, оправила юбку и, сияя, лучась счастьем, пошла к дверям.

– Вот, газетки бесплатные, – сказала. – С кроссвордами и программой.

Я кивнула.

– Злой он на вас. Как бы не убил, – добавила почтальонша и вышла вон.

Я осталась одна, в прескверном настроении от беседы с Соней и все смотрела в окно, наблюдая, как жухнет в небе новогодний мандарин.

В самом деле, что ли, кроссворд поразгадывать, подумала я и подъехала к стопке газет, оставленных почтальоншей. Выбрала одну, на последней странице которой были помещены целых три кроссворда, и, вооружившись ручкой, прочла вслух первый вопрос:

– Дворовая птица из шести букв? И сама же ответила:

– Голубь. Подходит... – записала. – Мальчик, герой французской

революции?.. Гаврош, – отгадала я и записала по вертикали. – Автор романа "Отчаяние"?.. Горький! – сказала я громко и вдруг увидела, как из-под махрового полотенца, откинув его, показалась старческая рука и, будто рассматривая меня, застыла на столе.

– Здравствуйте! – обрадовалась я. – Что же мы с вами будем делать?

Рука не шевелилась.

– Господин Горький, – приказала я. – Идите, пожалуйста, сюда!

Несколько мгновений рука находилась в раздумье, а потом, словно нехотя, с трудом перевалилась через край стола и, обхватив широкой старческой ладонью ножку, заскользила к полу.

В отличие от Лучшего Друга Горький не бегал на пальчиках юношей, а передвигался медленно, наподобие гусеницы, подтягивая плечевой сустав к ладони, выгибая локоть к потолку.

Возраст, поняла я и протянула навстречу Горькому руки.

Он постучал большим и желтым ногтем по полу, а затем, приняв решение, с чувством собственного достоинства улегся мне в ладони.

– Здравствуйте, господин Горький, – еще раз поприветствовала я руку, вознося ее на колени. – Давайте разгадывать кроссворд дальше? – и прочитала следующий вопрос. – Вид литературы? Из одиннадцати букв?

Безусловно, я знала ответ, но слово застряло в моей голове, словно наткнулось на что-то, и никак не хотело всплывать перед глазами.

– Черт подери! – выругалась я.

И тогда Горький взял из моей руки карандаш и аккуратно заполнил горизонталь правильным ответом.

"Драматургия", – написал он.

– Правильно! – обрадовалась я и захлопала в ладоши. – А как называется термин, обозначающий половое влечение, руководящее всей человеческой жизнью, придуманный немецким врачом Фрейдом?

Поглаживая газетный лист, рука на некоторое время задумалась, а затем начертала: "Либи́до".

– Замечательно!

Таким образом мы разгадали весь кроссворд, а за ним и два оставшихся. Горький неумоимо вписывал правильные ответы в клеточки и ни разу не ошибся.

Затем, когда я просто сидела и думала о вас, Евгений, рука вдруг легла на мою правую руку всей ладонью и принялась ощупывать пальцами кольцо со змейкой.

– Вам нравится? – спросила я.

Горький крутил колечко на моем пальце, но снять не пытался.

– Хотите посмотреть?

Сняв подарок Лучшего Друга, я положила драгоценность себе на колено.

Горький тыкнулся в нее указательным пальцем и замер.

– Померьте, – разрешила я, но рука не шелохнулась.

– Не стесняйтесь.

Рука вновь проигнорировала мое разрешение и попросту лежала на коленях, отдыхая.

– Как хотите.

Я пожалала плечами и, взяв колечко двумя пальцами, вновь рассмотрела на его внутренней стороне какое-то слово, выгравированное на незнакомом языке.

– Что же это может обозначать? – спросила я вслух.

Горький взял карандаш и написал на обрывке газеты два слова.

– Эль Калем, – прочитала я.

Словосочетание показалось мне знакомым, но я не могла вспомнить, что оно обозначает и где я его встречала раньше.

– А что такое Эль Калем? – поинтересовалась я, но Горький не изволил отвечать и лежал на моих коленях, свесив к полу длинные пальцы.

Утомилась, – решила я, разглядывая дряблую конечность.

По всей ее длине, от плеча к ладони, бежали мурашки, бледными пупырышками по синюшной коже.

Ему холодно! – догадалась я. – На улице в самом разгаре зима!

Я подкатилась к платяному шкафу и достала из него шерстяной свитер, принадлежавший некогда моему возлюбленному Бутиеро. На мгновение я уткнулась в ткань носом и вдохнула глубоко запах, в котором уже не было ни испанской горячности, ни терпкости греческого моря. Грустно улыбаясь, слегка вспоминая прошлое, я отпоролла у свитера правый рукав, просунула в него замерзшую руку и завязала лишнюю ткань на уровне плеча веревочкой.

Согревшись, Горький немного оживился и в знак благодарности погладил мое колено.

– В чем же ваша польза? – спросила я. – Разгадывать кроссворды? Или вы что-то еще умеете делать?

Рука продолжала меня гладить, а я размышляла.

– Скорее всего вам по силам заполнять квитанции по оплате квартиры и коммунальных услуг. Я очень не люблю этого делать, а потому, если вы возьмете на себя сей труд, признательности моей не будет границ. Я подарю вам варезку и буду массировать ваши пальцы. У вас ведь, должно

быть, артрит и суставы вечерами жутко болят! У моего отца так же было перед смертью. Он ужасно страдал, когда сочинял свои гитары.

Чем дальше я говорила, тем активнее Горький гладил мое колено. Вероятно, ему пришлось по душе мои обещания, и тем самым он выражал благодарность.

– Я вас не буду заставлять готовить мне обеды и убираться в кухне! – продолжала я. – Это удел Лучшего Друга! Если вы что-нибудь захотите, то напишите мне на листке бумаги.

Я подъехала к столу, вытащила из ящика пачку бумаги и положила сверху ручку.

– Располагайте, пожалуйста, моими письменными принадлежностями без стеснений!

Горький перелез с моих колен на стол и улегся на бумагу, с удовольствием щупая ее, белую и чистую. Затем он взял ручку и начертил слово.

"Папиросы", – прочитала я и ойкнула от неожиданности.

– Зачем вам папиросы?! Ведь вы совершенно не сможете курить!

Горький настойчиво постучал ногтем по начертанному и дописал еще одно слово: "спички"!

– У вас же нет рта! – удивлялась я. – И не существует легких! Куда же вы будете втягивать дым, позвольте спросить?

Квадратным ногтем указательного пальца рука подчеркнула слово "папиросы", оставляя под ним глубокую, с разрывами линию.

Он сердится, – поняла я. – Показывает характер. – И сказала:

– Будут вам папиросы. Только курить будете на кухне!

Горький взмахнул ладонью, как будто обещая выполнить мое условие.

– А теперь, – я сдернула с Лучшего Друга полотенце, – теперь я хочу кофе! И непременно, чтобы дважды взошел!

Лучший Друг выбрался из-под своего полотенца и было рванулся по своему обыкновению в кухню, но тут на его пути, сжимая в пальцах ручку, предстала рука Горького. Лучший Друг затормозил отчаянно, чудом не свалившись со стола, и, замерев зайцем, постоял недвижимо несколько мгновений, а потом, приблизившись к незнакомцу вплотную, дотронулся до того указательным пальцем. На это прикосновение Горький ответил совершеннейшим равнодушием, не шелухнувшись навстречу, продолжая возлежать на кипе писчей бумаги. Так обычно реагируют сердитые старики на жизнерадостных подростков, когда те брызжут энергией в нос остывающих предков.

– Кофе! – настойчиво напомнила я.

Лучший Друг, казалось, не слышал меня, а поглощенный интересом к новичку, ощупывал того все более наглым образом. Осмелев, он даже взобрался на дряблую руку верхом и покорябал плоть ногтем, как бы проверяя, из чего сделан незнакомец.

Но и на это малоприятное действие Горький никак не прореагировал, все более походя на любящего дедушку, стоически сносящего все издевательства внука.

Лучший Друг, распоясавшись окончательно, взял со стола иглу, которой я пыталась оживить дряблую руку, и движением шпажиста воткнул острие прямо в третью фалангу безымянного пальца старика. От боли Горький взметнулся над столом на целый аршин, закрутился волчком по столу, как ушибленная собака, а затем затих, шевеля пальцами, словно водорослями.

Лучший Друг, вначале испуганно отскочивший, а теперь ободренный безобидностью незнакомца, вновь подобрался вплотную, желая повторить укол бравого шпажиста. Но этого делать не стоило. Горький среагировал мгновенно. Ладонь его раскрылась во всю ширь лопаты и, размахнувшись от плеча, огрела Лучшего Друга кузнечным молотом. Незадачливый шпажист слетел со стола как бумеранг и, ударившись о колесо моей коляски, отлетел в угол комнаты. Там он задрожал всей своей поверхностью, в конвульсиях затряслись его пальцы, и я подумала, что настала последняя минута Лучшего Друга.

Я вся напряглась от этой картины. Мне вдруг стало так жаль потерять Лучшего Друга, что я, крутанув колесами, подъехала в угол и подняла трясущуюся руку с пола. Она безусловно была повреждена. Это я поняла сразу, как только дотронулась до ее кисти. У меня не было сомнений, что лучевая кость переломилась, к счастью не пропоров своим осколком кожу. Но тем не менее сломанная кость сместилась, искривляя ладонь и не давая пальцам свободно двигаться.

– Ах ты бедный! – воскликнула я.

Рука Горького, ничуть не обеспокоенная происшедшим, по-прежнему лежала на столе, но теперь лениво складывала из чистого листа бумаги самолетик.

– Потерпи мгновение! – подбодрила я Лучшего Друга. – Я тебе сейчас помогу!

Прижав сломанную конечность к груди, я судорожно принялась вспоминать институтские занятия, особенно раздел "Оказание первой помощи при закрытых переломах".

Самое ужасное, что никакой другой помощи Лучшему Другу я оказать

не смогу. Первая помощь окажется последней. Не понесу же я руку в больницу, где ей сделают рентген и профессионально обмажут гипсом! Так что Лучшему Другу оставалось надеяться лишь на то, что когда-то приобретенных мною навыков будет достаточно и вся операция пройдет в наилучшем виде.

Я взяла бессильно обвисшую руку за кисть и большими пальцами стала вправлять сместившуюся кость.

– Потерпи! – приговаривала я. – Потерпи, пожалуйста!

От этой процедуры рука стала горячей, как грелка, наполненная кипятком. Лучший Друг трясся, но терпел героём.

– Бедный мой! Несчастный!..

Вправив кость, я достала два фанерных листа, которыми прокладывала пироги, чтобы те не развалились в дороге, и, отпилив от них ножом нужные куски, приложила импровизированный лангет к поврежденной кости. Вслед за этим я обмотала все сооружение двумя бинтами и туго затянула напоследок узлом.

– Вот и все, – сказала я, утерев со лба пот. – Теперь будем надеяться, что срастется!

Я положила несчастного Лучшего Друга на пол, и он медленно, едва передвигая пальцами, пополз в сторону, а потом забрался под батарею – отлеживаться в тепле.

Взлетел с письменного стола самолетик, и были нарисованы на его крыльях пятиконечные звезды. Сделав в воздухе несколько головокружительных зигзагов, бумажная конструкция вылетела в форточку и слилась своей белизной с зимним ландшафтом.

– Как называется человек, сделавший гадость? – спросила я руку Горького.

"Сволочь", – начертала она на бумаге не задумываясь.

– Я бы не была столь категорична, но то, что вы сделали с Лучшим Другом, поступок совершенно некрасивый!

На мое моралите Горький поднял со стола лист бумаги, на котором было написано: "Папиросы и спички!"

– Завтра, – пообещала я. – Попрошу Соню, и она принесет вам папиросы!

Рука вновь взялась за ручку и написала: "Дайте тогда спички!"

Я подумала, зачем ему спички, когда нечего прикуривать, но спрашивать об этом не стала, а, прокатившись на кухню, принесла Горькому хозяйственный коробок, который он тут же приспособил рядом с серебряным подсвечником, единственной вещью, оставшейся на память от

герцогини Мравской, моей бедной матери.

Ночью я проснулась от какого-то шебуршания. В комнате, над письменным столом, пуская по потолку черные тени, дрожал свечной огонек.

Стараясь не издавать звуков, я приподнялась в кровати и осторожно посмотрела на происходящее.

Рука Горького, закутанная в черный рукав и вооруженная ручкой, в бешеном темпе покрывала чернильной вязью строчек один лист бумаги за другим. Листы заполнялись столь быстро, что за те три-четыре минуты, что я, вытягивая шею, наблюдала за работой, в стопку с исписанными страницами легли еще несколько...

Следующим утром я обнаружила на своем письменном столе толстенную рукопись под названием "Отчаяние", которую прочитала в последующие два дня...

Да-да, Евгений, это тот самый, известный роман Горького, который мы все в обязательном порядке проходили в средних классах общеобразовательной школы. С одной лишь разницей. В моем варианте роман написан от первого лица, тогда как в классическом варианте повествование идет от третьего. И что самое удивительное, новое написание не только не хуже старого, но даже наоборот, в нем появилось какое-то особое дыхание, я бы сказала, налет одухотворенности божественного снисхождения, делающий роман выдающимся произведением не только нашей литературы, но и шедевром литературы мировой.

Поразмыслив некоторое время, я сочла необходимым отослать рукопись в Институт Мировой Литературы, дабы сочинение стало не только уделом моих размышлений, но и достоянием поклонников уважаемого классика. Тем более, что рукопись произведена самым что ни на есть оригинальным способом, то есть авторской рукой, что уже само по себе явится ценным подарком для исследователей творчества Горького.

Запечатав "Отчаяние" в плотную бумагу, я надела адрес Института Мировой Литературы и, не указывая обратного, передала пакет почтальонше Соне, приложив к нему письмо, адресованное вам, Женечка. А еще Соня, хоть и удивилась, но обещала выполнить мою просьбу и купить в магазине папиросы.

– Другу, – поняла она.

– Ему, – подтвердила я.

Дорогой Евгений!

Должна вам признаться, что ревную!

Ревную к той, которую вы с таким воодушевлением описывали в своем автобиографическом письме. Какое прекрасное имя – Зоя! Безусловно, принадлежать оно может только красавице!.. Я стараюсь не мучиться вашим прошлым, но ничего не могу с собою поделать. В глазах так и стоит вертлявый хвостик, открывающий замочки!..

Целую вас, мой дорогой, и заканчиваю это письмо, чтобы тут же взяться за новое!..

Ваша и только ваша Анна Веллер

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

**Отправлено 16-го января
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Анечка! Анюта! Анхен!

Надеюсь, вы не против, что я так вас называю!

Необыкновенная злость охватывает меня, когда я думаю, что какой-то подонок портит вам жизнь, бесконечно пугая и издеваясь изощренно. Еще более я злюсь на то, что бессилён вам помочь! К сожалению, и товарищ мой Бычков, как вы знаете, отсутствует, будучи занят поисками нашей общей знакомой – толстой Аси. Я не имею от него никаких вестей вот уже сколько дней!.. Слава Богу, что у вас появился защитник, но то, что он пострадал физически и кость его сломана, внушает мне особенную тревогу за вашу сохранность. Надеюсь, что сапер о том не знает и не нападет на вас в ближайшее время коварным образом!

Никогда не доверял писателям. Считаю их нездоровыми психически людьми, склонными мнить себя мессиями человечества и рассказывать самым сложным образом самые простые вещи. Мне же кажется, что уместно излагать просто о сложном и укладываться в газетный формат, особенно когда это касается художественных произведений. Безусловно, формат не касается научных трудов...

Символично, что я владею чернильным прибором, принадлежавшим некогда Горькому и из чернильницы которого был написан этот самый роман "Отчаяние". Боюсь, что литературная экспертиза вашей рукописи не выдержит проверки и будет признана грубой мистификацией, так как даже невооруженному глазу станет очевидна свежесть чернил, тем более что рука использовала шариковую ручку, коих в те времена еще не изобрели. То же самое касается и бумаги, возраст которой определить не составляет ровным счетом никакого труда...

В один из дней, вернее, в одну из ночей я испытал чувство, очень схожее с вашим. Я представлял вас себе. Я представлял, я чувствовал, как люблю вас, крепко сжимая в своих объятиях. Я измышлял, как вы стонете, раздраженная наслаждением, как растворяетесь во мне, а я в вас... И не думайте даже ревновать к моему прошлому, так как даже тоненькая ниточка не соединяет меня с ним. Остались лишь воспоминания одни, а

они, как вам известно, эфемерны и мучают отчаянно своей недостижимостью.

У нас с вами есть будущее! И пусть оно неизвестно окончательно, но мы стремимся друг к другу сквозь встречные ветра и надеемся, как и все смертные, хоть на толику счастья и благополучия!..

– Надежды юношей питают! – сказал Niprotomus, оборвав мои светлые мысли. – А вы совсем не юноша уже! Не юноша... Вы – негодяй! – вдруг вскричал жук истерично. – Вы чудовищный человек, таких мало было на этом свете! Вы делаете из меня наркомана, безмерно заливая перекисью водорода! А я вовсе не хочу становиться зависимым от всяческой дряни!.. Подумать только! – продолжал возмущаться Niprotomus. – Я делаю для него все! Я возвращаю этому увечному человеку утерянное наслаждение, а он меня в благодарность травит безбожно!

– Потому что вы встречаете туда, куда вас не просят! – возразил я.

– Он считает себя моим хозяином! Глупец! Ему кажется, что он управляет мною, когда все существует наоборот!.. Подумать только! Перекисью водорода!!!

Мне надоела эта тирада, и я потянулся за флакончиком с дезинфицирующей жидкостью. Но жук опередил меня. Он задергал за какие-то нервы, пережимая челюстями их окончания, и у меня случился эпилептический припадок. Все тело перекрутило, как будто я был куклой на веревочках, а кукловод в пьяном угаре дергал за все веревочки сразу. Голова моя завертелась, как на подшипнике, а изо рта повалила густая пена, словно я наглотался шампуня. При всем при этом сознание не покидало меня, заставляя мучиться наяву, и я слышал недовольные причитания Niprotomus'a.

– Ишь ты, перекисью водорода! – нудил жук. – И так часто! А так часто нельзя! Надо чувство меры соблюдать!

Мое тело взметалось и опадало еще добрых полчаса, а пеной изо рта затек весь пол, как будто в квартире тушили пенным раствором пожар. Но и после того, как припадок закончился, я лежал недвижимый, парализованный, точнее, каменный гость до такой степени, что даже глазные яблоки не вращались в глазницах.

– И никто не вправе обвинить меня в жестокости! – заявил жук. – Все действия вызывают противодействие! Вот такая вот мораль!

Я вас в следующий раз дихлофосом! – упрямо подумал я.

– Ну что вы все-таки за человек такой! – Если бы у Niprotomus'a были руки, то он бы непременно всплеснул ими. – Что вы в самом деле все не уgomонитесь! Ведь я ничего плохого вам не делаю!..

Вы подслушиваете мою жизнь, – сказал я про себя, слабея мыслью. – И я вас не приглашал к себе в тело.

– Подумаешь, жизнь подслушиваю! Да какая вам разница! Я же не человек, а насекомое! Я ведь и пересказать вашу жизнь никому не могу! Да и слушаю я середина на половину! У меня своих мыслей навалом!

Жук некоторое время помолчал.

– Но если вы так настаиваете, – со скрываемой драмой в голосе произнес он после паузы, – если вы настаиваете, то я могу уйти! Да-да, я уйду от вас, брошу! – ободрился идеей *Niprotomus*. – И вот тогда вы поймете, какое благо вспорхнуло с вашей души и испарилось безвозвратно в атмосфере, неблагодарный вы человек!..

Лежа мертвым деревом, я слушал причитания жука, представлял, как он прорвет своим шипом мою кожу и вылетит на природу, оставляя шишку пустой, и вдруг ощутил легкую грусть, а вслед за ней и тоску, сигаретным дымом входящие в меня вместе с дыханием. И я неожиданно понял. Господи, ведь я привык к нему! Я свыкся с его существованием и возможностью препираться с ним ежедневно. А если он оставит меня, то я обречен на безмолвное существование, радуясь лишь возможности писания писем к вам, родная Анечка! Хочу ли я этого? Нет, – ответил я искренне.

– Глупый и никчемный человек! – продолжал ругаться жук. – Ничтожество!

– Простите меня, – с нежностью произнес я. – Я больше не буду!

– Что?!! – не понял *Niprotomus*.

– Я прошу у вас прощения и обещаю, что без вашего на то желания не буду капать на вас перекисью водорода. И вообще, я не прав.

– Издеваетесь? – насторожилось насекомое.

– Ничуть. Просто я совсем не хочу, чтобы вы от меня уходили, – искренне признался я. – Я к вам привык и очень хочу услышать продолжение вашей истории.

Если бы *Niprotomus* был человеком, то я бы с уверенностью сказал, что после моих слов он растрогался и расплакался в голос.

– Вы мой единственный друг, – дополнил я.

– Вы... Вы... Я... Конечно, я вас не бр-р-рошу!.. – всхлипнул жук. – Я тоже к вам привык! И конечно же, я расскажу вам свою историю!..

– Может быть, вы вернете мне подвижность в знак примирения?

– Мне кажется, вам будет удобнее слушать недвижимым, – возразил *Niprotomus* и, пошевелившись в шишке, продолжил свой рассказ.

– Аджип Сандал – так звали меня в той жизни.

В первый раз я увидел небо, когда мне исполнилось четыре года.

Конечно же, я и раньше задира́л ввысь свою белокурую головку, но по-настоящему, во всей его глубине, во всей его прозрачности и великолепии, небо открылось моему взору лишь к четверем годам.

Я тогда опирался на толстые упругие, похожие на сардельки из мясной лавки ножки, которые качались с пятки на носок, когда я, задрав нос в облака, следил за птицами, стремительно проносающимися в пространстве.

– Что это? – тыкал я розовым пальцем в небо.

– Это солнце, – отвечала старуха Беба, приподняв кашихонскую сетку и жмурясь навстречу ярким лучам.

– А это? – указывал я на белое, похожее на верблюда образование, пухнувшее на глазах каким-то чудищем.

– Это облако, – терпеливо отвечала нянька.

От долгого стояния с задранной кверху головой, от восторженного созерцания бесконечности рот мой наполнялся слюной, которая стекала с вишневых губ стеклянной ниточкой в песок и растворялась в нем потерей.

– А почему в небе все изменяется? – спрашивал я Бебу, зачарованный движением облаков. – Почему они двигаются?

– Потому что их гонит ветер.

– А что такое ветер?

Старуха не знала ответа на этот вопрос, а потому грустно вздыхала и садилась на раскладной стульчик, расшитый золотыми нитками.

– Все в жизни изменяется, – говорила она. – И небо меняется. Оно бывает голубым и бесцветным, грозовым и летним. И люди меняются. Сначала они такие, как ты, – маленькие и любознательные, а потом такие, как я, – старые и не любящие ничего нового.

– И я тоже буду, как ты?

– Да, Аджип, – лыбясь голым ртом, отвечала старая нянька. – И ты станешь походить на меня, только это будет очень нескоро!

– Нет, – в конце концов отказался я наотрез. – Я император, а потому не желаю быть старым!

Когда мне исполнилось десять лет, я перестал смотреть в небо и как-то спросил Бебу:

– Верно, что ты не можешь бегать, потому что старая?

– Верно, – ответила нянька, засовывая за щеку медовый леденец.

– Беги! – приказал я и вытянул руку, указывая пальцем направление.

– Не могу.

– А я говорю, беги!

– Куда? – удивилась старуха.

– Беги хоть в сад.

– Не смогу.
– Я приказываю!
– Ну хорошо, – согласилась Беба и, сплюнув в песок кругляшок обсосанного леденца, подобрала кашмановые юбки.

Старуха побежала на удивление бодро, подпрыгивая на барханах молодым верблюдом. Сморщенными смуглыми пятками она взметала песок, как будто пули ложились рядом с ее шлепанцами.

Ей осталось до сада совсем немного, самая малость отделяла Бебу от прохладного фонтана с павлиньим изваянием посередине, чей клюв изливал в бассейн упругую струю воды. Но на самом высоком из барханов, с осыпающегося острия которого было так близко до неба, на его вершине, старая Беба вдруг остановилась, оглянулась, вздернула сухими руками, устремила свой взор в бесконечную высь, оттолкнулась затем от поверхности и взлетела в голубое пространство. Достигнув высоты, на которой летают птицы, нянька заулыбалась из поднебесья, махнула мне рукой на прощание и, вытянувшись в струну, ракетным снарядом в мгновение исчезла за облаками. Лишь через какое-то время к моим ногам упали ее старые кожаные шлепанцы. Я поднял их и понял, что больше никогда не увижу своей няньки Бебы, которая нянчила еще моего отца. И тогда я лег, уткнулся в песок лицом и заплакал.

Уже после, через несколько дней, мой отец, Российский Император, объяснил, что у меня случился солнечный удар и что старуха Беба вовсе не вознеслась на небеса, а умерла от старости, как и полагается всем людям.

– И я умру? – спросил я слабым голосом, лежа головой на материнских коленях и вдыхая ее рыжий запах.

– И ты, – ответила мать. – Только произойдет это так нескоро, что и думать об этом нечего.

– А почему солнце меня ударило? Ведь я так люблю его. А оно меня ударило. Ведь я мог умереть вслед за Бебой.

– Больше всего приходится от тех, кого ты любишь, – с грустью произнесла моя мать и пощекотала мне лицо своими огненными волосами.

Засыпая в тот день в своей комнате, грустя по Бебе, я слышал, как моя мать, Русская Императрица, тихо беседовала с моим отцом, Императором Российским.

– Мальчику нужна новая нянька.
– Я позабочусь об этом, – пообещал отец.
– Он слишком впечатлителен.
– Я слышал, что Аджип заставил старуху бежать по пескам в гору и от этого она умерла. В ее возрасте не бегают.

– Кто это сказал? – с вызовом спросила мать.
– Неважно. Но не секрет, что он растет чрезмерно жестоким.
– Это не жестокость! – защищала меня мать. – Это любознательность!
– Его любознательность простирается только в область смерти. Его видели на всех казнях последнего года. Он получал удовольствие от того, как умирают люди.

– Чушь! – разозлилась мать. – Ты просто ненавидишь его!

– Я отношусь к нему нормально! Но он растет, крещенный не православным именем, а у России не может быть императора с мусульманским именем! У нас и так маленькая страна, со всех сторон окруженная врагами. Мне все время приходится проводить на войнах за независимость, а если во главе России встанет человек с именем Аджип Сандал, то мусульмане на законных основаниях востребуют у нас наши территории!

– Мой сын станет императором! – твердо пообещала мать.

– Станет, – подтвердил отец. – Только другой.

– Другой? – удивилась императрица.

– Мне нужен еще один сын.

– Но ты же знаешь, что я не могу больше рожать.

– Тогда родит другая. Интересы государства важнее, чем наши личные! Даже через стену я услышал, как зашипела змеей моя мать. Наверное, она набросилась на отца и старалась раскорябать ему лицо.

– Кобель! – кричала она. – Грязная собака!

Раздался сочный звук пощечины. Мне было сложно понять, кому она досталась, но, хотя мать и защищала меня, я был целиком на стороне отца. Я совершенно не понимал, отчего так происходит, но мое стучающее в грудь сердце подсказывало, что мужчина, несмотря ни на что, должен брать только мужскую сторону.

– Ты нагуляла этого ребенка! – кричал Российский Император разгневанно. – И я даже знаю с кем!

– С кем же?! – с вызовом кричала мать в ответ.

– Да все знают об этом!.. Недаром у него на правой ноге нет ногтей!

– Говори же, чего молчишь, коли все знают!

– Весь народ смотрит на меня с сожалением!

– Ну?!!

– С Эль Калемом! – наконец выпалил отец.

Я с жадностью вслушивался в диалог, ожидая, что на это ответит мать.

– И что же ты намерен теперь делать? – неожиданно спокойным голосом спросила она.

– Так это правда?

– Да.

После ее "да" долго было тихо в родительских покоях. Потом заговорил отец.

– Я тогда не выпил его мочу, – с большой грустью в голосе сказал он. – Что-то подсказало мне тогда, что нельзя этого делать. Наверное, божественное провидение отвратило мои губы от рук моих. Я выплеснул ее янтарный яд в песок, и на том месте, где впитали жидкость недр, на следующий день образовалось стекло. Я посмотрел сквозь него на солнце и обнаружил светило черным.

Мать попыталась было что-то добавить еще, но отец перебил ее властно и сказал свой приговор:

– Уже через три дня ты умрешь. Дело только за тем, какую казнь я тебе изберу.

Сердце мое замерло от отцовской строгости, я натянул на голову жаркие простыни и задышал от нехватки воздуха песчаным шакалом. Я жмурил глаза до красных разводов и представлял себе эшафот, на который уже в воскресенье возведут мою мать – великолепную красавицу с рыжей кожей. Мне представлялось, как государственный палач взмахнет своим блестящим топором, отделит золото волос и бирюзу глаз от еще горячего тела, сложит эти драгоценности в ржавую от крови корзину и унесет на съедение собакам.

От этого видения, разрываясь между любовью к матери и солидарностью с отцом, я завыл тихонечко под простынями и горячечно зашептал:

– Мамочка! Я люблю тебя, моя мамочка!

Я дотронулся до правой ноги, ощупал ее и, убедившись, что на пальцах действительно отсутствуют ногти, вновь зашептал:

– Я люблю твои мягкие губы, мамочка, я обожаю твои полные руки и твою частую строгость! Прощай, моя любимая мамочка!..

Той ночью я заснул весь заплаканный, но ни до этого и никогда впредь я не спал так крепко и покойно.

Русской императрице придумали казнь особую. На дворцовой площади установили шест высотой в двадцать пять аршин со стальным кольцом на конце, через которое пробросили толстую веревку. Внизу, под шестом, расположили вертикально острые бамбуковые колья с бронзовыми наконечниками.

Народ на казнь был приглашен обыкновенный, еще за два часа до действия площадь бурлила всяческими разговорами.

– Ах, стервь! – поддерживало приговор большинство. – От Эль Калема понесла!.. Так ей и надо! Сбросить ее с шеста, суку!

Кое-кто был не согласен с таким оборотом дела и был сторонником независимой иностранной экспертизы для установления отцовства, но такие предпочитали вслух не высказываться, держась от греха подальше.

– Тебе не надо выходить на площадь! – сказал отец, одетый в траурный костюм с белым жабо.

– Я хочу! – твердо произнес я и вышел на балкон, украшенный черными лентами.

Вслед за мною явился народу и Император Российский, вызвав бурю приветствий. Он прокашлялся в громкоговоритель, свернутый раструбом из жестяного листа, и оповестил откровенно:

– Мне очень тяжело делать то, что приходится сотворить сегодня. Но у меня нет другого выхода, как поступить так и только так. Инна Ильинична Молокова, ваша государыня, моя жена... – говорил отец хрипло, – она... она... – Он набрался мужества и закончил:

– Она была любовницей Эль Калема и понесла от него наследника нашего государства Аджип Санда!ла!

Навстречу этим признаниям народ слаженно ахнул, хотя все об этом знали уже накануне, но не ахнуть не могли, выражая тем самым уважение к императорской драме.

– Повелением моим, волей моей, – голос отца окреп и был слышен даже на небесах, – ради государственного блага и народного спокойствия я приговариваю свою жену, Государыню Российскую, к смертной казни через сбрасывание с шеста на бамбуковые колья!

Раздалась барабанная дробь, исполняемая на кожаных барабанах мусульманскими барабанщиками, и из недр дворца, через железную дверь, в сопровождении двух охранников с секирами на плечах, одетая в белую хламиду, явилась на площадь моя мать.

Она была бледна, но вымытые волосы, сияющие на солнце золотом, делали ее бледность благородной. Мать шагнула на булыжник, гордо окинув взором окрестности, перекрестилась грациозно, и народ, пораженный ее неземной красотой и смелостью перед страшной смертью, рухнул в гробовой тишине на колени.

Она прошествовала к месту казни самостоятельно, а я смотрел на нее с любопытством, и не было в моих глазах жалости, лишь нарастающая жадность до предстоящего зрелища.

Откуда-то из народных недр вышел к лобному месту палач и, поклонившись императорскому балкону, по высочайшему знаку начал

процедуру. Он что-то шепнул моей матери, видимо, ободрил как мог, затем поддел острым ножом тесемку на шее императрицы, и хламида, укрывающая наготу от солнца, скользнула тяжелыми складками в площадную пыль.

Вторично за сегодняшнее утро раздалось всеобщее "ах", и ослепленное женской красотой мужское население засмушалось и ненадолго отвело глаза. Женщины же тихонько завидовали, но, впрочем, совсем незначительно, так как красоту должны были вот-вот извести навеки.

Астролог и звездочет Муслим, второй раз увидевший рыжую женщину голый, вновь затвердел животом и решил сразу же после казни войти в спальню своих жен необузданным жеребцом.

Я был горд за мать. Она была великолепна в своей последней минуте.

Палач завел ей руки за спину, обвязал кисти веревкой и под звуки нарастающей барабанной дроби потянул за узлы торжественно, как удостоившийся поднять на флагшток государственную символику.

Руки Инны Ильиничны вывернулись в суставах, она искривилась в лице от боли, ноги оторвались от булыжной площади, и медленно, живым флагом ее тело заскользило ввысь.

Поднятие на шест было долгим для матери и мгновенным для вечности. Несчастная так и не потеряла сознания до конца своего путешествия и, вознесенная на вершину, продолжала еще взирать вниз, встречаясь иногда взглядами с отцом и мною. Отец в такое мгновение отводил глаза и часто моргал белесыми ресницами, стряхивая маленькие слезы на белое жабо. Я же встречал материнский взгляд мужественно, не отводя глаз, пока сама родительница, не выдержав, не моргала угасающей бирюзой.

И вот наконец вывороченные руки императрицы достигли металлического кольца, палач укрепил внизу веревку и принялся шуршать лезвием кривого ножа о точильный камень. Делал он это для виду, так как нож был острым, словно бритва, но и у палача есть свои ритуалы, площадным театром завораживающие публику.

Под шестом появились и двое других необходимых участников казни – священник, крестящий перстами смертницу, воздетую к небу, и лекарь Кошкин, всем лицом скорбящий предстоящему.

Закончив истончать нож, палач выпрямился и воззрелся в сторону балкона. Отец глубоко вздохнул и махнул рукой. Посредник между жизнью и смертью в мгновение чиркнул кривым лезвием по веревке, и мать, полетела вниз. Ее полет не был красивым, не было в нем птичьей

грациозности. Ее падение было столь стремительным, что третье народное "ах" слегка запоздало и стало эхом ударившегося о землю тела. Рыжая кожа проткнулась в нескольких местах, а разрезанные бронзовыми наконечниками внутренности брызнули в воздух кровью.

– Ее-е-е-а-а-а! – пронесся над площадью павлиний крик. – Ее-е-е-а-а-а!

И было в его оповещении столько горя и боли, что стоящий на коленях народ заплакал навзрыд, прощаясь в мучениях совести со своей государыней.

Откуда взялась царская птица на площади, никому не было известно. С момента моего рождения и умерщвления осточертевшего крикуна, павлинов в России не объявлялось. Их не заводили из-за красивой никчемности, и этот, один орущий во всей площади, вызвал всеобщее недоумение.

– Е-е-е-а-а-а!!! – разносилось в пространстве.

Распустившая свой хвост птица бегала по кругу, постепенно сужая его, приближаясь к умерщвленной императрице. Достигнув окровавленного лобного места, птица остановилась над изуродованным телом, заклекотала утробно и, прикрыв труп своими прекрасными перьями, перетопталась по нему чешуйчатыми ногами.

Со стороны это действие могло показаться непристойным, но оно было столь кратким, что никто, кроме меня, не обратил на него внимания. Затем павлин собрал свой хвост в пучок и зашагал прочь от смертоносного бамбука. Он шагал в сторону императорского балкона и смотрел на меня бирюзовыми глазами. Возле самого подъезда птица повернулась на девяносто градусов и, наклонив голову почти до земли, побежала с площади вон. Отталкиваясь от булыжника мощными ногами, она в несколько шагов достигла народного кольца и, перепрыгнув его легко, исчезла в жарких песках.

Лекарь Кошкин для проформы осмотрел тело убиенной и, забравшись пальцами под глазное яблоко, констатировал смерть легким кивком головы в сторону императорского балкона.

От созерцания казни астролог и звездочет Муслим лишился на всю последующую неделю способности радовать своих жен восставшей плотью и был удручен очень.

В момент снятия материнского тела с бамбуковых палок кто-то закричал из толпы:

– И ублюдка ее бросить с шеста!

– Правильно! – поддержали многие.

– Не потерпим Эль Калемовского отродья! На куски его разорвать!

Сначала я не понял, что эти крики относятся ко мне, но встретившись с отцовским взглядом, наполненным печалью, я вдруг осознал, что нахожусь совсем рядом с коротким полетом и что лишь чудо способно спасти меня от адского путешествия.

А к балкону несло враждебное:

- Смерть Аджип Сандалу!
- Вспороть выродку брюхо!!!

Я растерялся от такого напора и смотрел на отца недоуменно. Лицо же родителя выражало борьбу противоположных решений и пугало неизвестностью. Император подергивал бакенбардой и морщился от криков оголтелой толпы.

– Смерть Аджип Сандалу! Смерть!!!

– Иди в свою комнату, – приказал отец, и я, не заставляя повторять его дважды, скрылся в прохладных недрах дворца.

На следующий день он призвал меня в свой кабинет и, усадив напротив, сказал:

– Завтра, ранним утром, ты уедешь.

– Куда? – спросил я.

– Ты поедешь в Европу.

– Что я буду там делать?

– Ты будешь жить в Париже простым смертным, имея лишь средства на скромное существование в течение нескольких лет.

– Я поеду один?

– Нет.

Отец хлопнул в ладоши, и в кабинет вошла девушка лет семнадцати. Она была абсолютно черной, с большой кудрявой головой.

– Ты поедешь с ней. Это твоя новая нянька.

– Она негритянка? – с удивлением спросил я.

– Папуаска, – уточнил отец. – Я купил ее, когда тебя не было на свете.

Она жила и воспитывалась в Европе, а потому с ней ты не пропадешь.

– Как ее звать?

– Настузя, – ответила девушка и, улыбнувшись, слегка поклонилась.

– Насколько долго я уезжаю?

Отец поднялся из кресла и отошел к окну. Он посмотрел на вечернее небо и сказал:

– Ты уезжаешь навсегда.

На следующий день я и девушка Настузя сели на груженную нехитрыми пожитками арбу и, увлекаемые старым верблюдом, тронулись в путь.

Я оглянулся на исчезающую за барханами Россию и, густо вдыхая носом жаркий воздух пустыни, старался не заплакать. Мне было горько от того, что я потерял своих мать и отца, а также родину, к которой привык и которую, наверное, любил. Но цивилизованная Европа манила меня своими яркими фонарями, а оттого я сдерживал всхлипы, посасывая для мужественности сахарные конфетки.

Черная девушка Настузя поглядывала на меня и все время улыбалась белозубой с коричневыми деснами улыбкой. Меня это злило, я не ругался в ответ, но и не угощал свою новую няньку конфетами.

– Тебе сколько лет? – спросила Настузя, когда мы остановились на ночлег на постоялом дворе.

– Десять, – ответил я. – Скоро будет одиннадцать. А что?

– Ничего, – ответила девушка, почесывая розовыми ноготками голову. – Как здесь мало воды.

– Пустыня.

– Пройдет совсем немного времени, и тебе нянька будет не нужна.

– Ты мне и сейчас не нужна! – с вызовом заявил я, укладываясь на полосатый матрац, набитый соломой.

Девушка опять широко заулыбалась и легла рядом, обняв меня потеплее.

– Давай спать. Завтра сядем на пароход и через неделю будем в Европе...

Европа поразила меня своей огромностью, а больше всего холодом. Наш приезд совпал с зимними заморозками, и, проезжая через Голландию, я увидел странных людей, скользящих на ножах по каналам, покрытым стеклянной пленкой.

– Что это? – вскрикивал я от изумления.

– Это конькобежцы, – объясняла папуаска. – Когда наступает зима и вода превращается в лед, все голландцы становятся на коньки и целую неделю катятся по стране.

– Ага, понимаю, – отвечал я, хотя на самом деле ничего не понял.

Амстердам мы проезжали вечером, и Настузя сказала, что ночевать в городе не будем, поедem в пригород, там дешевле.

Разглядывая столицу конькобежцев, я вдруг увидел за витринами одного из домов, за прозрачностью их стекол, почти голых женщин. Они стояли, наряженные в цветное белье, и скусающе глазели на дорогу.

Я, видевший обнаженным лишь материнское тело, да и то рыжее, удивился такому откровенному многоцветию голландок и почему-то очень занервничал, кидая взгляды то на женщин, то на Настузю.

Домов с выставленными в витринах голыми женщинами оказалось в Амстердаме достаточно множество для того, чтобы я удивился совершенно и заинтересовался у своей чернокожей няньки, что происходит в этой странной стране, где мужчины катаются на ножах по воде, а женщины вечерами раздеваются и стоят в окнах бесстыжими?

– Это проститутки, – пояснила Настузя. – Они торгуют своим телом, когда мужчины катаются на коньках.

– Они хотят стать рабынями, как ты?

Девушка грустила и задумалась. Вероятно, ей самой было неловко обсуждать эту тему, а потому Настузя раздумывала, как мне объяснить все попроще.

– У них нет денег, и они продают свое тело на время, – наконец сказала папуаска. – Есть мужчины, которые согласны заплатить несколько монет, чтобы... как бы тебе это объяснить... Чтобы не скучать, когда их жены уезжают куда-нибудь.

– Когда у нас кончатся деньги, ты тоже встанешь на витрину? – спросил я и увидел, нет, скорее почувствовал, как зарделись щеки Настузи, как она засмушалась, представив шоколадку своего тела выставленной в витрине. Скорей всего моя нянька тогда сама трудно представляла себе, что следует за покупкой тела; она была наслышана теорией, а в остальном оставалась скромной семнадцатилетней девушкой.

– Когда у нас кончатся деньги, я пойду работать.

Я кивнул головой в знак того, что понял...

В Париже мы наняли крохотную квартирку под самым чердаком, и я, привыкший к дворцовым просторам родительского дома, вначале стеснялся маленькой ванной, которую приходилось делить еще и с Настузей, причем сначала мылся я, а затем в ту же воду садилась и нянька, объясняя, что вода в Париже дороже денег. Но прошло короткое время, и я, как все подростки, увлеченные сегодняшней жизнью, вскоре позабыл и о родном доме, и об удобствах, полагающихся в моей стране особе императорского происхождения.

Настузя определила меня в школу, и я, проявляя серьезные способности, за один год догнал своих сверстников в европейских науках. В том же, что касается факультативных знаний, я поражал педагогов фундаментальными сведениями из области астрологии, а также знанием привычек пресмыкающихся российской пустыни.

Как-то я спросил Настузю, где она родилась.

– Меня родили в Новой Гвинее.

– Там все такие черные, как ты?

– Да, – ответила девушка. – Многие еще чернее, чем я.

– Не может быть!

– Может. Мой отец был вождем одного из папуасских племен. У него в уши были вставлены гирьки, и мочки растянулись до самых бедер. Путешествуя по Новой Гвинее, твой отец купил меня, за аршин кашихонской сетки и отправил жить в Париж, наградив фамилией своей тетки. Хочешь знать мое полное имя?

– Почему нет...

– Меня зовут Настузя Коккорека Маклай Чухова.

– А у меня имя нерусское, – пожаловался я, – а я сын Русского Императора. Не знаешь почему?

Настузя пожала плечами.

– И я не знаю...

Через четыре года нашей французской жизни моя чернокожая нянька влюбилась в огромного негра по имени Бимбо и два раза в неделю отпрашивалась у меня по своим делам, объясняя, что всем девушкам ее возраста нужно иногда по вечерам выходить под ночное небо.

– Иначе девушки начинают очень быстро стариться! – пояснила Настузя.

Конечно же я следил за ней и украдкой разглядывал, как в свете газового фонаря африканец давит в объятиях мою няньку, всасывая своим мясным ртом ее кондитерские губки. Настузя корябала негру спину руками и шептала жарко, когда ухажер трогал лапищей ее живот:

– Мой дорогой Бимбо! Мой могучий Бимбо!

Негр рычал от удовольствия и укладывал няньку в темную зелень. То, что они делали под покровом акации, походило на драку двух не равных по силе зверей, в которой и не обязательно побеждает сильнейший. Взвизгивающая Настузя оседлывала негра и, заложив руки за откинувшуюся голову, скакала на черном жеребце ипподромным жокеем. В свою очередь разогнавшийся Бимбо, видевший перед собою близкий финиш, тарасил на наездницу глаза с красным подбоем и скрипел сахарными зубами, белой костью светящимися в ночи.

– А-а-а-а! – кричали любовники слаженно, и срывались с деревьев спящие птицы. – А-а-а!

После этого безумного крика обычно все заканчивалось, и выбравшаяся из кустов пара, обнявшись, неторопливо шла в какое-нибудь дешевое кафе, где Бимбо угощал Настузю паштетом из гусиной печени...

– Ты больше не будешь ходить на улицу по вечерам! – сказал я в один из вечеров, когда нянька моя пришла особенно поздно, лучась счастьем, как

будто сто франков нашла. – Никогда!

Настузя осеклась. Улыбка сползла с ее лица, а глаза удивленно смотрели, как я обгладываю куриную ногу, оставшуюся от вчерашнего обеда.

– Почему? – спросила девушка.

– Потому что ты ходишь на свидания, – ответил я.

– А разве это плохо?

– Совсем нет.

– Тогда в чем дело? – не понимала Настузя.

– Дело в том, что ты моя, – пояснил я и ловко бросил косточку через всю кухню, так что она попала в мусорное ведро. – Ты принадлежишь мне, и я не хочу, чтобы ты ходила обниматься с этим жирным негром. Его, кажется, Бимбо зовут?

– Да.

– Так вот, забудь про него и получше приглядывай за мною. А то мне приходится есть холодную курятину, а это вредно для желудка!

Вторая косточка не попала в ведро, а ошметки мяса разлетелись по всей кухне.

– Поняла?

– Да.

Ночью я пришел к ней в комнату и забрался под одеяло. Она обняла меня, как ребенка, и, нежась ее горячим боком, засыпая, я объяснил:

– Когда ты к нему ходишь, я плохо себя чувствую. Мне кажется, что когда-нибудь ты не вернешься и сбежишь с этим Бимбо, бросив меня одного. А я к тебе очень привык и очень люблю тебя!

Настузя растрогалась от моих слов и принялась меня целовать, покрывая лицо мокрыми пятнышками.

– Конечно же, я не брошу тебя! – в умилении шептала нянька. – Я не буду с ним встречаться!

Она облизывала мои глаза и нос, а один из стремительных поцелуев, не разбирающих дороги, пришелся в самые губы. Что-то произошло с моим телом, неожиданно придав ему твердости, и я, застеснявшись, попытался увернуться от Настузиных ласк, но в неловкости задел ее бедро. Девушка перестала зацеловывать меня и с удивлением уставилась на мои ноги, закрытые одеялом.

– Ты уже совсем взрослый! – хлопнула она в ладоши. – А я и не заметила! Ну-ка брысь в свою кровать!

– Не пойду! – отказался я, стесняющийся самого себя и одновременно гордящийся.

– Кому сказала – брысь!
– А ты не команду тут! Забыла, кто чей хозяин!
– Давай-давай, хозяин! – резвилась Настузя. – Пока что я содержу тебя, а не ты меня! Вот когда ты будешь платить мне жалованье, тогда и станешь моим хозяином.

– Мы живем на деньги моего отца, Русского Императора! – возмутился я бунтом. – И ты будешь подчиняться мне!

– Денежки твоего отца кончились еще два года назад!

– Как кончились?

– А вот так! – Настузя уселась в кровати. – Ты что, думаешь, он дал нам мешок денег?.. А на что ты одеваешься, а на что учишься в школе, а на что мы снимаем эту квартиру? Думал ли ты когда-нибудь об этом?!

– А на что мы живем? – спросил я, потрясенный сказанным.

– Мы живем на деньги, которые дает мне Бимбо, – ответила нянька. – Но это не имеет значения. Я его, как обещала, брошу!

– А на что мы тогда будем жить?

– Я пойду работать.

– Куда?

– Не знаю, – честно призналась девушка.

– Тогда встречайся с Бимбо, пока не найдешь работу.

Она засмеялась так громко, что сосед сверху застучал по трубе и с потолка в кровать посыпалась штукатурка.

– Чего смеешься?! – почему-то злился я. Твердость оставила мое тело, и я уставился на лучезарную Настузию избалованным воспитанником. – Чего скалишь зубы, спрашиваю?

Отсмеявшись, девушка потрепала меня за волосы и сказала, что разберется в ситуации сама, и, даст Бог, мы не останемся голодными.

– А теперь иди в свою кровать!..

Настузя, как и обещала, перестала встречаться с Бимбо. Еще полгода брошенный любовник приходил вечерами под наши окна и, воздев к четвертому. этажу мощные руки, жалобно плакал, моля подругу спуститься к нему. В такие минуты нянька запиралась в своей комнате и, как я думал, тоже плакала.

Но время лечит, и негр исчез в истории, растворившись в воспоминаниях Настузи солнечным всплеском, лишь изредка напоминая о себе в сновидениях.

Девушке удалось устроиться в одно из модельных агентств помощником дизайнера по проектированию купальных костюмов; нам было чем заплатить за квартиру и еще оставалось достаточно для того,

чтобы я лакочился свежими устрицами в баре "Рамазан".

Как я их любил! Как наслаждался их скользкой плотью с выжатым на нее лимоном с зеленой цедрой! В такие гастрономические моменты, поглощая устрицы дюжинами, отыскивая в них крохотные жемчужины, я был счастлив...

Теперь у нас по всей квартире висели лифчики и трусы – заготовки купальных костюмов для парижских модниц, с лентой ожидающих лета. Настузя непрерывно что-то кроила и, прострочив вырезанную геометрию оверлоком, примеряла бикини на себя.

Выполняя домашнее задание, решая геометрические задачи, я краем глаза наблюдал за работой девушки. Она то и дело оголяла свою черную попку, чтобы тотчас примерить на нее новую модель. Повзрослевший, я более не напрягался на наготу няньки, привыкнув за пять лет к ней как к родственнице, и лишь давал советы дилетанта:

– Слишком много ткани оставила! Подрежь еще!

– А ты не подглядывай! – отвечала Настузя и закрывала дверь, которая, впрочем, тут же открывалась, омерзительно скрипя.

– Отрежь еще! – требовал я. – Ведь ты хочешь, чтобы твои купальники выглядели сексуальными.

– Сексуальность не в том, что открыто, – возражала девушка, – а в том, что открыто не до конца!

Я вынужден был согласиться с этим утверждением, так как, посещая с приятелями дешевый стриптиз "Ко-ко", где подвизалась одна-единственная стриптизерка, я оставался равнодушным к зрелищу до тех пор, пока как-то случайно не увидел ту же танцовщицу в гримерной, переодевающуюся в свое обычное белье. Неожиданно для себя я взволновался ее прикрытостью, а она, заметив меня, улыбнулась в ответ жирно накрашенными губами и оттянула краешек трусов, отчего возбуждение испарилось тут же, и меня чуть не вырвало в угол.

А через год, закончив школу, приговариваясь к поступлению в университет на отделение инженеров-строителей, я возвращался как-то днем с занятий и познакомился с новой консьержкой Бертран, приехавшей в Париж из-под Льежа и сейчас сидящей на солнышке в старом кресле возле нашего подъезда. Это была здоровая молодая девушка с абсолютно белыми волосами, собранными в пучок, и розовой кожей. Она улыбалась во весь рот, дружелюбно встречая каждого жильца протянутой для пожатия ладошкой.

– Вас как зовут? – спросила она, трясая мою руку.

– Аджип, – ответил я, и девушка почему-то засмеялась.

– Чему ты смеешься? – поинтересовался я.
– Имя у вас необычное. Да и вообще я хохотушка. Над всем хохочу, уж природа такая! – И, отпустив мою руку, она опять засмеялась, заливисто и негромко.

– Ты новенькая?

– Ага. Ха-ха-ха!

– Из деревни?

– Ага. Ха-ха!

– На заработки?

– Ага. Ха!

– Тебе сколько лет?

– Двадцать, – ответила она, перестав хохотать на мгновение.

– А вам?

– Шестнадцать.

Она опять засмеялась, на сей раз тыкая в меня пальцем.

– Что сейчас смешного?

– Вы выглядите старше.

– Да?

– На шестнадцать с половиной! – пошутила она. – Ха-ха-ха! Вы не очень сильный с виду. Занимаетесь ли вы каким-нибудь спортом?

– Я стреляю из лука по воскресеньям.

– Ха-ха-ха! Вот уж смешной спорт!

Я пожал плечами и хотел было уже идти своей дорогой, как неожиданно девушка дернула меня за рукав и сказала без смеха:

– Меня зовут Бертран. Если вам что-нибудь понадобится этакое... – Она подмигнула хитрым глазом. – То я готова... конечно, за отдельную плату!..

Я отдернул рукав и, ничего не ответив, шагнул в подъезд.

– Ха-а-а-а-а! – услышал я вслед.

Весь вечер, сидя за учебниками, я то и дело слышал ее хохот из-за окна, и сразу же мне вспоминались ее слова – "я готова за отдельную плату!". От этого воспоминания меня почему-то бросало в жар, и я никак не мог сосредоточиться на чтении.

Шлюшка! – повторял я про себя. – Деревенская шлюшка! И чего смеется!..

Ночью мне приснилось ее лицо – с белыми ресницами, курносый нос и редкими веснушками по розовой коже. Лицо было хитрым и соблазнительным. Я проснулся и прошептал в ночь странные слова:

– Я бы с удовольствием потрепал ее за зад!

На следующий день Бертран не работала, сменная старым солдатом Жаком, а я весь день просидел на занятиях горячий, как печеная картошка, ничего не соображая и удивляясь такому своему состоянию.

– Не заболел ли ты? – заволновалась Настузя, когда я вечером, поковыряв для вида вилок в тарелке, отодвинул ее от себя с нетронутым говяжьим сердцем и закрылся в своей комнате. – Нет ли у тебя температуры?

– Все в порядке, – ответил я из-за двери.

Всю ночь я не мог заснуть, фантазируя себе Бертран и мучимый вопросом, что могло меня, императорского сына, привлечь в этой простецкой деревенской девчонке с хитрыми и глупыми глазами. Ответа я не находил, зато тело обдавало потом и во рту становилось сухо...

Я проснулся от ее хохота ранним солнечным утром.

– Доброе утро, мадам Десак! – смеялась девушка внизу. – Как дела, месье Фриаак?

Ее голос бубенчиком закатывался ко мне в ухо и щекотал весенней пылью ноздри. Я чихнул и тем самым встревожил Настузю совершенно. Нянька уже была одета и, опаздывая в контору, забежала ко мне лишь на минуту. Отставив тубус с чертежами, она нашла мое лицо красным, а тело жарким и настрого велела оставаться дома.

– Погода весенняя, – предупредила она. – Самая коварная!

Я согласно кивнул и через несколько лестничных пролетов, преодоленных Настузей, услышал веселое:

– Доброе утро, мадмуазель Маклай! Ха-ха-ха!

– Шлюшка! – прошипел я, вскочил с кровати и, наскоро покончив со своим туалетом, через двадцать минут был уже внизу, держа под мышкой папку с учебниками.

Я прошел мимо девушки, рассеянно не замечая, и обернулся лишь на смешливое приветствие.

– Доброе утро, месье Аджип! – поздоровалась она.

– Ах, это ты! Здравствуй!

– Как вам спалось?

– Превосходно.

Она опять засмеялась и, сощурив лукаво глаза, сказала:

– У молодых людей в вашем возрасте такие беспокойные ночи!..

– Что ты имеешь в виду? – хрипло спросил я и увидел, как она, будто невзначай, потянулась всем телом так сладко, что груди под ее платьем обрисовались отчетливо и нагло.

– А то вы сами не знаете, что я имею в виду! – кокетничала Бертран. –

Вам сколько денег выделяют на карманные нужды?

– А твое какое дело!

– Фу, какой вы грубый!

Она засмеялась, чуть выставив изо рта остренький язычок, и, приблизившись ко мне вплотную, шепнула на ухо, что если я обладаю двадцатью франками, то она в обмен на деньги научит меня кое-чему такому, что юноши моего возраста уже обязаны знать наверняка.

– Ну же, соглашайтесь скорее, пока у меня есть время! – шептала она, касаясь моего уха губами. – Не пожалеете!

Я еле заметно кивнул головой, и она, ухватив меня за руку, увлекла в дом.

– Идите первым! – заговорщически шепнула она в подъезде. – А я следом, чтобы комар носа не подточил!..

Когда Бертран вошла в квартиру и увидела меня сидящим на застеленной кровати, сомкнувшим ноги коленка к коленке, она захихикала, тыкая пальцем, и с деланным удивлением сказала: "Ну что же вы, у нас так мало времени!" И тут же затрогала маленькие белые пуговички, расстегивая свое просторное платье и щебеча, чтобы я не медлил, а сбрасывал покрывало вон, не на нем же в самом деле!

Через минуту я оказался совершенно голым, сидящим с ногами на кровати перед такой же раздетой, болтающей что-то незначущее консержкой и, разглядывая ее молодое крепкое тело, вдруг расслабился и засмеялся отчаянно, трогая пальцем розовую грудь Бертран.

– Чегой-то вы! – удивилась девушка, но тут же махнула рукой, захохотала и, крепко обняв меня, повалила на подушки...

В этот день я узнал про девушек то, что знают или скоро узнают все мои сверстники. Мне стало известно, что девушки очень нежные и бесстыдные существа с розовой кожей и быстрым язычком, которые стоят того, чтобы отдавать за их проказы по двадцати франков враз. А еще я понял, что девушки устроены так же, как и устрицы, с лимонной кислинкой на вкус, с крохотной жемчужиной посредине.

А потом я стал встречаться с Бертран два раза в неделю, меняя обеды на ее смешливые ласки. А через полгода ее кто-то сбросил с моста в Сену. Поговаривали, что это она сама свела счеты с жизнью, что у нее якобы был возлюбленный, страдающий какой-то болезнью и нуждающийся в хирургической операции, и что она копила деньги на больницу, а жених не дождался и умер, вот она вслед за ним и устремилась на небеса.

Я, конечно, не верил в такое, подозревая в смертоубийстве какого-то маньяка, и, давая следователю откровенные показания, чуть было не навлек

подозрения на себя. Но лейтенант был пожилым и опытным человеком, а в силу того разобрался правильно.

– Это была несчастная девушка, – сказал седой лейтенант мне на прощание. – Она жила не для себя, а для другого. Но ее жизнь не понадобилась никому, а потому она рассталась с нею безжалостно!

– Ее жизнь была нужна мне! – вскричал я.

– Ах, молодой человек, – покачал седой головой следователь. – Вы бы сделали ее жизнь еще несчастнее!

– Почему?

– А потому, что есть в ваших глазах, во взгляде вашем, нечто пугающее и отталкивающее! Уж не знаю, прав ли я или мистифицирую, но сдается мне, что все женщины, встретившиеся вам на пути, закончат жизнь несчастно, подобно бедной Бертран!

Тогда я не особо задумался над словами пожилого следователя, вовлеченный в беспечную молодость. Но Господи! Его слова оказались поистине пророческими, и на протяжении жизни мне еще часто приходилось вспоминать седого лейтенанта...

– Дайте же мне перекиси! – надрывно потребовал Niprotomus, прервав свой рассказ. – Иначе мое сердце не выдержит!

– Вот уж нет! – отказался я. – А потом вы меня обвините в том, что я вас травлю, превращая в наркомана! У меня и так, по вашей милости, кроме глаз, ничего не двигается!

В тот же самый момент мне была возвращена подвижность верхней части тела и, сев, я принялся растирать затекшие руки.

– Ну же! – требовал жук. – Я проявил акт доброй воли, теперь и вы покажите свое милосердие! Ведь несчастье мое столь велико, что временами мне требуется забываться!

– Даете ли вы слово, что избавите меня от своих нападков впредь? – спросил я, разминая плечи.

– Честное слово!

– Все равно не верю.

– На коленях молю!

– У вас нет колен.

– Это я образно!

– Как хотите, – развел я руками. – Желаете становиться наркоманом, становитесь им!

Я открыл склянку с перекисью водорода и, набрав в пипетку жидкости, капнул ею на шишку. Niprotomus слегка шевельнулся под кожей и блаженно вздохнул.

– Кстати, – вспомнил я. – Вы говорили, что по воскресеньям, будучи Аджип Сандамом, стреляли из лука?

Но пары водорода унесли Hiprotomus'a Viktotolamus'a в чудесную страну химических грез, покачивая исстрадавшуюся душу насекомого на волнах наслаждений, а потому мой вопрос остался без ответа.

К вечеру у меня в квартире появился Бычков.

Мой товарищ представлял собою жалкое зрелище. С недельной щетиной на полном лице, с отросшими нечистыми ногтями, он был взнервлен совершенно и не мог найти себе места, то и дело переходя из кухни в комнату.

– Не нашел? – спросил я.

– Нет.

На его глаза навернулись слезы, и он стал похож на несчастного бегемота.

– И никаких следов?

– Следы были. – Он утер слезы ладонью. – Ее фоторобот как бы сработал.

– Каким образом?

– На вокзале ее, кажется, узнал один проводник.

– Куда она ехала?

– В Санкт-Петербург.

– Одна?

– Нет. С каким-то мужчиной, лет сорока пяти. Но они ни разу за всю поездку не вышли из купе, а как сходили с поезда, проводник не помнит.

– Фоторобот мужчины составили?

– Не получилось. Проводник все время твердил, что только раз видел пассажира и что помнит лишь холод, исходящий от него.

– Что значит холод?

– Ну, мол, неприятный тип, – пояснил Бычков. – Очень неприятный... Может быть, это тот самый Эдерато, о котором она говорила?

– Что дальше?

– Ну я, соответственно, вылетел в Санкт-Петербург, стал опрашивать привокзальных таксистов, и вроде даже один опознал ее, но засомневался потом.

– А куда вез?

– В том-то и дело, что не помнит.

– А одна она была или с мужчиной?

Бычков пожал плечами.

– Тоже не помнит.

– Да, – посетовал я. – Дело дрянь!

Бычков опять чуть было не заплакал, но взял себя в руки, шумно втягивая носом воздух.

– Ты-то как?

– Нормально, – махнул я рукой. – У меня ничего в жизни не меняется. Телевизором развлекаюсь да питу с курицей иногда ем на Арбате.

– Мне кажется, что еще немного, и я не выдержу! – не слушал меня товарищ. – Я все равно не смогу без нее! Если не найду – умру!

– Перестань!

– Нет, правда, смысла жить нету!

– Тогда ищи ее! – разозлился я. – А не хнычь здесь, как сопливый мальчишка!

Бычков от неожиданности икнул и посмотрел| на меня широко раскрытыми глазами.

– Ты думаешь, найду?

– Уверен! – соврал я.

– Буду прочесывать Санкт-Петербургскую область! – ободрился он. – Вершок за вершком!

– Вот-вот!..

Бычков ушел слегка порозовевшим, и я очень надеюсь, что ему повезет...

Моя дорогая!

Совершенно не стоит ревновать к Зое. Она – прошлое, давнее прошлое. Я не видел и не слышал о ней вот уже несколько лет... Я думаю только о вас, моя единственная!..

Нежно обнимаю

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

**Отправлено 29-го января
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Как вы думаете, дорогой Евгений, сколько может исписать одна рука, причем окончательно дряхлая, за одну неделю?.. Будьте смелее!.. Триста листов?.. Четыреста?.. Ваши самые безумные предположения окажутся, впрочем, далеки от истины. Горький исписал четыре полновесных пачки мелованной бумаги, не испортив ни одной страницы. А это ни много ни мало две тысячи листов! Четыре романа в подлинной рукописи классика довелось мне созерцать на своем письменном столе. Я была счастлива!..

К великому сожалению, все четыре романа давно известны широкой общественности, но так же, как и роман "Отчаяние", переписаны от первого лица... Все время думаю, что толкает писателя писать от первого лица?.. Вероятно, гений переписывается таким образом со всем человечеством!.. А мы с вами отличаемся от гениев тем, что просто пишем друг другу!.. Ну и ладно!..

Как жаль, что рука Горького не написала нового романа!.. Но ничего не поделаешь! Ждать частых чудес не приходится, нужно довольствоваться тем, что имеешь!..

Несмотря на весь ваш скепсис по поводу признания Институтом Мировой Литературы подлинности предыдущей рукописи, я взяла коробку из-под обуви и, уложив в нее новые тома, надписала адрес все того же Института.

Вечером появилась почтальонша Соня и принесла ценную бандероль на мое имя.

– Из Института Мировой Литературы, – пояснила она и вытащила из сумки папиросы "Азия". – Уж очень много курит ваш друг! Двадцать пачек в неделю! – ухмыльнулась почтальонша и собралась было уже уходить, как я указала ей на коробку.

– Еще одна посылка.

– В Институт? – спросила Соня.

Я кивнула.

Она забрала бандероль и пошла по дорожке мимо моего дома.

Вытащив из блока пачку, я бросила папиросы на стол, где отдыхала от ночного писания рука Горького.

– Курите.

Рука выбралась из-под полотенца, поддев склейки желтым ногтем, вскрыла пачку и, выудив из нее папиросу, подожгла хозяйственной спичкой кончик. Потянулся к потолку крученый дымок.

Папироса тлела медленно, а я, морщась от запаха табака, рассматривала принесенную Соней бандероль.

"Санкт-Петербургская область, поселок Шавыринский, 133, Анне Веллер", было написано на ней. "Институт Мировой Литературы".

На мгновение что-то показалось мне странным в посылке, но я не обратила на внутренний голос внимания и потянула за тесьму, перетягивающую бандероль.

В ту же самую секунду рука Горького отбросила папиросу в сторону, с необычайной резвостью рванулась со стола и, преодолев в два прыжка расстояние до моей коляски, мощным ударом отшвырнула от меня ящик с посылкой. Что-то зашипело в бандероли, щелкнуло адской машинкой, и раздался взрыв.

Он был вовсе не сильным, вернее не особо сильным, как от гранаты, но достаточным, чтобы сдвинуть с места тяжеленный шкаф и наполнить комнату едким дымом, от которого я закашлялась и зашла слезами.

Крутанув колесами, я толкнула входную дверь, впуская свежий воздух в дом, и сама дышала отчаянно, стараясь выдышать горькую гадость, осевшую в легких.

Господи, какая дура! – ругала я себя, подставляя лицо свежему ветру. – Посылка не могла быть из Института Мировой Литературы! Ведь я же не писала им своего обратного адреса!

Владимир Викторович, – внезапно поняла я. – Это Владимир Викторович!.. Соня отнесла ему мою бандероль, а он написал новый адрес и напшиговал ее взрывчаткой! Ах ты, сукин сын! Ведь он же во время войны сапером был! А где сапер, там и минер! Запросто мог бомбу соорудить!

Кипя ненавистью к соседу, я вкатилась обратно в комнату. Дым рассеялся, и я увидела руку Горького. Она лежала в углу, истекающая кровью. В ней уже не было жизни, так как осколок от бомбы перерезал ей все сухожилия. Длинные узловатые пальцы были уставлены в небо, как будто через них рука выпустила в бесконечность свою душу...

Возле мертвого Горького стоял на пальчиках Лучший Друг. Он балансировал, еще перевязанный бинтами, и было во всем его облике что-то очень печальное, как будто сын прощался с умирающим отцом.

Я тоже не выдержала и заплакала, уткнув лицо в ладони. Я плакала

обо всем. О своем прошлом и о будущем, плакала по спасшему меня Горькому, лежащему возле стены мертвым. Я лила слезы по Лучшему Другу, который тоже когда-то спас меня от смерти, но сейчас живет со мною, являясь вашей, Евгений, рукой, вашей душой, стремящейся мне навстречу...

Я подняла Горького с пола, холодного и изломанного, и уложила в маленький чемодан, с которым когда-то ездила ребенком в лагерь, и рядом с надписью "Аня Веллер, третий отряд" написала фломастером: "Здесь покоится рука великого русского писателя Максима Горького, человека величайшей души, рука, отдавшая свою жизнь за женщину!"

Я щелкнула никелированными замочками, закрывая чемодан навеки...

Под покровом ночи, закутанная в теплые вещи до макушки, вооружившись лопатой, я выехала в зимний огород. Два часа мне понадобилось, чтобы выдолбить в мерзлом грунте нечто вроде могилы, и, уложив в нее необычный гроб, я засыпала его землей и снегом.

– Прощайте! – сказала я шепотом. – И спасибо за все!..

Всю ночь меня тошнило. Выворачивало наизнанку, как будто кто-то неизвестный хотел вырваться из желудка наружу. Никакие средства не помогали. Я пила крепкий чай, подсоленную воду, сидела в кровати, но позывы тошноты повторялись каждые полчаса, так что все мои попытки уснуть оказались тщетными.

Наверное, отравление, – решила я, но, перебрав все, что было съедено мною накануне, не отыскала в рационе ничего, что могло бы привести к таким последствиям.

И тогда я поняла, что наглоталась дыма от взрывчатки. А оттого и тошнит! Надо бы молока попить, но перебираться с кровати на коляску очень не хотелось, и я посчитала, что перетерпится.

Под самое утро ко мне на подушки взобрался Лучший Друг и, сострадав, гладил меня по волосам самым нежным образом. Я была рада, что кости его срастаются успешно и что через какие-нибудь пару дней он освободится от повязок и примется так же весело, как и прежде, исполнять свои хозяйственные обязанности полностью и напоминать мне о вас, милый Евгений!..

Ах, бедный Горький! – вспомнила я со слезой и заснула.

Утро следующего дня выдалось вялым и безжизненным, как, впрочем, и мой организм. Аппетит отсутствовал совершенно, и даже взошедший дважды кофе, сваренный Лучшим Другом, не возбуждал своим ароматом моего обоняния. А когда я глянула на бутерброд с телячьей колбасой, какой-то поршень в желудке пришел в движение, и я чудом удержала свои

внутренности от сокращения.

В самом деле я сильно отравилась! Вот же сволочь какая! – обругала я про себя соседа. – Подонок!

Стараясь отвлечься, я смотрела по телевизору комедийные передачи, но в те моменты, когда надо было смеяться, все мои силы затрачивались на предотвращение желудочных конвульсий.

Надо идти к врачу, – решила я. – Иначе окочурюсь.

Я переоделась, чувствуя, как силы покидают меня, но вместе с тем понимала, что расклеиваться ни в коем случае нельзя, ведь предстоит еще докрутить колеса коляски до поселковой больницы...

Не хочу пересказывать, как я преодолела полторы версты заснеженной и обледенелой дороги, но когда я въехала в кабинет Ангелины Войцеховны, врачиха всплеснула руками и устремилась ко мне навстречу.

– Да что с вами, милочка, приключилось?! – испугалась она, растирая мои побелевшие щеки своими почти мужскими ладонями. – Вы что, всю ночь провели на морозе?!

И я рассказала ей об отравлении. Конечно, я умолчала о взрывчатке, придумав историю о сжигании во дворе резиновых отходов, мол, именно дым от них отравил меня, и Ангелина Войцеховна, покачав головой, забралась в мое горло металлической палочкой.

– Скажите, милочка, "а"! – попросила врачиха.

– А-а-а... – протянула я.

– Шире ротик!.. Вот так...

Она ползала у меня в глотке, потом велела лечь на кушетку и долго мяла живот правой рукой, левую уложив почти на грудь.

– В горле чисто, – сказала Ангелина Войцеховна. – В животе мягко... А давайте-ка, милочка, посмотрим вас на предмет женских дел.

– Это не особенно нужно сейчас, – мягко отказалась я. – У меня ведь отравление.

– И все же! – настаивала врачиха. – Когда вы последний раз сидели у меня в креслице?

– Не помню, – призналась я. – Года два назад, может быть...

– Вот-вот, – укоризненно покачала головой Ангелина Войцеховна, помогая мне забраться в гинекологическое кресло. – А в вашем положении надо минимум раз в полгода это делать!

– А какое у меня положение?

– А такое, что вы не ведете половой жизни, – и по-вороньи блеснула глазами.

Она затолкала в мою муши зеркало и долго смотрела нутро, обжигая

его металлическим холодом.

А черт с нею! – плюнула я. – Пусть наслаждается!

Наконец врачиха закончила осмотр и, бросив в таз использованные инструменты, сказала:

– Я была о вас другого мнения.

– А что такое?

– Да ничего особенного, – ответила она холодно. – Вы беременны.

– Что?!!

– Наверное, уже с месяц!

– От кого?!! – изумленно вырвалось у меня.

– Вам лучше знать.

– Этого не может быть!

– Хотите, еще один тест проведем? – предложила Ангелина Войцеховна и протянула мне пробирку. – Помочитесь сюда.

Когда я вернулась из туалета, врачиха сунула в пробирку какую-то палочку, и когда шкала на ней наполовину закрасилась в зеленое, удовлетворенно кивнула головой и произнесла:

– Что и требовалось доказать.

Я сидела с открытым ртом и очумело пялилась на анализ.

– А что вы удивляетесь? – пожала плечами Ангелина Войцеховна, – У вас там все в порядке. Только вот как вы рожать будете, без упора!

– Да уж как-нибудь, – ответила я.

– Только не вздумайте ничего предпринимать! А то я тут недавно была на выезде с уголовкой. Там одна сама себе аборт пыталась сделать. Так истекла кровью и померла!

Ошеломленная, я покатила к дверям.

– Раз в две недели ко мне! – услышала я за спиной властный голос.

Такое удивление я испытала разве что когда Бутиеро схватил меня в объятия и шагнул с крыши. Да и то тогда удивление было кратким, всего лишь в пять секунд полета, а сейчас я попросту не в силах прийти в себя. Обалдело таращусь на весь мир, как будто он перекрасился в другой цвет.

Весь день я просидела возле окна, уставившись внутрь себя. Глаза как бы развернулись на сто восемьдесят градусов, опустились на лифте в низ живота и исследовали его содержимое.

Мне уже отчетливо представлялся зародыш, почему-то девочка с остреньким носиком и голубыми глазенками. В иные секунды казалось, что она уже шевелится, толкая ножками стенки живота, но я брала себя в руки, убеждая, что это лишь психологический обман, что там всего-то несколько сот клеток, которые еще не сформировались даже в рыбку.

От внутреннего созерцания меня отвлек Лучший Друг, взобравшийся на колени и поглаживающий мой живот.

– Ты мой дорогой! – сказала я ему с огромной нежностью. – Ты мой славный и прекрасный!

От этой речевой ласки он весь задрожал и завибрировал и было забрался пальцами ниже, но я легонько оттолкнула его и сказала:

– Теперь нельзя! Теперь можно спугнуть зародыш! Надо потерпеть некоторое время, пока он не привыкнет там существовать. А потом уже, потом и видно будет.

Лучший Друг не стал настаивать, а спустился с моих колен и принялся об угол стола сдирать с себя бинты.

Срослись кости, – поняла я, и на душе мне стало так легко и покойно, что я заблагодарила вдруг небеса быстрой-быстрой молитвой, которая сама срывалась с губ моих и очень красивыми словами уносилась ввысь.

Ах, – молилась я. – Спасибо за все, что дадено неожиданно и сладко. Спасибо за то, что сладко, но не приторно, что неожиданно, но не больно. Спасибо за белый день и безмятежное существование в нем порою. Спасибо за муки, без которых непонятна безмятежность. Спасибо за нежданый плод, зреющий во мне всеми существами, живущими на земле. Спасибо за то, что я беременна всем мирозданием, а разрожусь лишь частичкой его!..

Я поклонилась небесам и радостно произнесла:

– Хочу обедать!

В ту же самую секунду Лучший Друг, освободившийся от бинтов, взвился чуть ли не под самый потолок и понесся в кухню, где загремел всяческими кастрюльками и сковородками, жаря в них и паря что-то питательное и вкусное.

А потом я ела картошку с чесночным соусом и тефтелями, запивая эту чудесную еду компотом из мороженой брусники. Лучший Друг подносил к моему рту кусочек черного хлеба, и я осторожно откусывала от него краешки.

У меня три руки! – осознавала я с восторгом.

И тут я вспомнила, что в шкафу, в черном футляре лежит, до времени оставленная, еще одна рука.

А воспользуюсь-ка я ею! Ведь наступило время занять Лучшую Подругу! В моем положении лишняя женская рука отнюдь не помешает!..

Я вытащила из шкафа ящик, открыла и достала ее, затянутую в полиэтилен. Аккуратно срезав пленку, я положила руку ладонью вниз и нажала на костяшку.

Лучшая Подруга ожила сразу. Она пошевелила тонкими пальчиками, разминая их, поднялась на ладонке и потянулась к настольной лампе, обогреваясь о ее свет нежной кожей.

– Интересно, что ты умеешь? – спросила я и вспомнила:

– Ах да, ты ведь массажистка!

Я откинула спинку каталки и приказала:

– Сделай мне массаж плечей и шеи.

Лучшая Подруга отреагировала с опозданием, словно ей не хотелось расставаться с теплым светом, но затем она, грациозно вышагивая на пальчиках, спустилась со стола и взобралась ко мне на кресло.

Она действительно соответствовала своему названию "массажистка" и, вероятно, когда-то принадлежала женщине, знающей свое дело в совершенстве. Ее пальцы нажимали именно туда, куда следовало. Не сильно и не слабо, а именно так, как нужно...

Через минуту я блаженствовала, испытывая доселе неизвестные ощущения. Как будто моя голова отделилась от туловища и стала такой легкой, словно могла взлететь воздушным шариком под потолок. По телу разлилась истома, и я сама не заметила, как глаза мои закрылись и я заснула...

Проснулась я ночью, лежа в своей кровати. Я не помнила, когда перебралась на подушки, но забеспокоилась от того, что не обнаружила рядом с собою Лучшего Друга. Обычно он спит всегда возле, запутавшись пальцами в моих волосах, а сейчас его не было.

Я села в кровати, прислонившись спиной к стене, протерла рукой сонные глаза и увидела поистине фантастическую картину. В потоке лунного света, проливающегося с небес в мое окно, в его мертвенной красоте переплелись руки. Это было похоже на какой-то странный танец, так как конечности ритмично покачивались, поглаживая друг друга нежно и осторожно, как будто впервые ластились, прежде чем стать любовниками.

Я не знаю, что со мною произошло, но я смотрела на эту странную картину, и волна злости накрывала меня неизбежно и бесконтрольно, так что лицо мое искривилось, и я, схватив подушку, швырнула ее в танцующих, разбрасывая их в разные стороны.

– Ах ты, негодяйка! – закричала я в бешенстве. – Я тебя оживила, а ты, дрянь такая!.. Да как ты смеешь!..

Утерев с губ слюнную пенку, я бросила вдогонку вторую подушку и закричала еще более истерично:

– Лучший Друг! Немедленно иди сюда!

Он неохотно пополз по полу к кровати, то и дело останавливаясь, как

бы проверяя, как там Лучшая Подруга, жива ли, не зашибло ли ее невзначай подушкой.

Когда он взобрался ко мне на постель, я схватила его и принялась с остервенением колотить по пальцам, словно пощечинами била.

– Мерзавец! Кобелина!

А он терпел и не вырывался, лишь вздрагивал от ударов, пока я не истратила всех сил и не задышала собакой.

– Дрянь!.. – шипела я пересохшими губами, а Лучший Друг вдруг принялся меня гладить по щекам, плечам, животу, успокаивая мои вздрагивающие мускулы, и как будто извинялся тем самым.

– Все равно ненавижу! – сказала я почти беззлобно. – Где она, эта твоя партнерша? Зови ее сюда!

Лучший Друг приподнялся в кровати и замер, словно ужасом охваченный.

– Не бойся, – успокоила я. – Не трону ее.

Тогда он спустился на пол и помчался в темноту, где по его разумению должна была находиться Лучшая Подруга. С минуту я слышала какие-то шепуршения, словно Лучший Друг уговаривал ее повиноваться, успокаивая, что ничего страшного не случится, что я уже спустила злобные пары, а потом руки появились вместе. Он подсадил ее, как истинный джентльмен, и она, вся трясущаяся от страха, предстала передо мною, переминаясь с пальчика на пальчик.

– Ну, моя дорогая, – спросила я строго голосом помещицы, отчитывающей провинившуюся крепостную, – как же ты могла поступить так со мною? Ведь не подобает совершать такое в приличном обществе.

Лучшая Подруга стояла, опустив плечо, словно виноватый ребенок голову.

– Что же ты молчишь? – продолжала я, как будто не знала, что ей никогда не будет суждено ответить на мои вопросы. – Ты очень передо мною виновата, и я должна тебя наказать. Надеюсь, ты понимаешь это?

Рука опустила плечо еще ниже, но тут перед моими глазами засуетился Лучший Друг, тряся указательным пальцем, мол, я же обещала не трогать ее.

Меня раздражало его мельтешение, я отодвинула его и сказала:

– Бить я ее не буду! Я свои обещания выполняю! Но наказание последует!

Я задумалась над тем, какое средство избрать для экзекуции провинившейся, но ничего путного нафантазировать не могла, к тому же и злость моя совершеннейшим образом испарилась, оставив место лишь

легкой досаде.

– Уже поздно, – отступила я. – Позаботимся о наказании завтра! А теперь спать!

Обрадованные руки чуть было не слетели с кровати птицами, но я пресекла полет Лучшего Друга окриком:

– А ты останься!

Он покорно улегся рядом, но уже не гладил меня по волосам, как обычно, а просто лежал устало, и казалось мне, что вздыхает он тяжело, как переживающий горе человек.

И тут я придумала!

Вы знаете, дорогой Евгений, какая чудесная мысль пришла мне в голову?.. Ай-яй-яй, какая прекрасная мысль!.. Я пришлю Лучшую Подругу вам! Пусть она живет, мой милый, с вами и станет моей рукой на вашей груди, как Лучший Друг является вашим продолжением и успокаивает мое сердце!.. Теперь, мой родной, когда мы оба готовимся стать родителями голубоглазой девочки, нам обоим необходимо больше тепла и ласки, которые, как мне кажется, смогут обеспечить руки!..

Счастливая своей придумкой, я заснула сном праведницы, а на следующее утро собралась в дорогу. Прежде всего я нажала на костяшку пальца Лучшей Подруги, отключая ее от реального мира, а потом принялась успокаивать Лучшего Друга, объясняя, что это вовсе не наказание, а мера, необходимая для транспортировки руки в Москву на новое место жительства.

От моих объяснений Лучший Друг пришел в еще большее исступление, закрутился волчком по комнате, затем взметнулся на письменный стол, где попытался перерезать себе вены о ножичек для вскрытия писем, бывшую пилочку для ногтей, укрепив ее в щели. Но оружие оказалось окончательно тупым и особого вреда не принесло, лишь слегка покорябало кожу.

Дабы Лучший Друг не учинил над собою более серьезных предприятий, я привязала его за кисть к ножке стола и, погладив бицепс, попыталась объяснить, что так надо, иначе ничего хорошего не выйдет, и чтобы он по возможности не обижался на меня.

Обмотав Лучшую Подругу шерстяным платком, я перевязала его бечевкой, а затем уложила в спортивную сумку с теннисной ракеткой, нарисованной на боку.

Мне необходимо было успеть на четырехчасовой автобус, идущий в город, а потому я, застегивая на ходу пальто, выкатилась во двор. Я, конечно, знала, во что превратятся мои руки после этого путешествия, ведь

до автобусной станции предстояло преодолеть почти три версты, а в городе один Бог знает сколько нужно сделать пересадок, пока я доберусь до вокзала.

Вежливые и сердобольные люди внесли коляску вместе со мною в автобус, который тут же отправился по снежной дороге в Санкт-Петербург. Пот тек с меня ручьем, и какая-то пожилая женщина, укутанная в пуховый платок, запричитала на весь автобус:

– Ой, бедненькая! Что же с ножками твоими приключилось, у такой молоденькой?

Она порылась в своей кошелке и, выудив из нее монетку, протянула мне.

– На-ка, болезная, копеечку!

– Да что вы, в самом деле! – разозлилась я. – Что я, нищенка какая-нибудь!

Старушка обиделась и забубнила себе под нос о человеческой неблагодарности, а со всех сторон ее поддержали попутчики, совесть меня, что бабушка делала все от чистого сердца, а я не поняла ее благородных устремлений и не приняла подарка с открытым сердцем.

В конце концов, чтобы не напрягать обстановки, я извинилась перед старушкой, а та в ответ поджала обиженно бесцветные губки и процедила:

– А копеечку я тебе теперь не дам!

И тут я увидела его!.. Он сидел на переднем сиденье, втянув голову в плечи, прикрываясь большим медвежьим воротником. На черном драпе пальто таяли снежинки, он то и дело поводил шеей, и капли скатывались куда-то под ноги.

Господи! – взмолилась я про себя. – Не дай, Господи, чтобы он меня заметил!

Не успела я договорить молитву, как Владимира Викторовича что-то насторожило, он заворочал головой, бросая на попутчиков подозрительные взгляды и посекудно вскашливая в тепле после морозной погоды.

Я сидела в своей коляске на задней площадке, сокрытая многочисленными пассажирами, и потому он все же меня не заметил и принялся наблюдать в окно природу, подсматривая в мокрый кружочек, который кто-то проделал теплым пятком на замороженном стекле.

– Хочешь хлебушка? – спросила старуха в пуховом платке громко и неожиданно.

Меня всю передернуло от ее мерзкого голоса, и, вероятно, я так взглянула в ее морщинистое лицо, что она тотчас захлопнула беззубый рот и стала ревно протискиваться в середину салона.

До Санкт-Петербурга автобус прошел экспрессом и затормозил на окраине города, возле большого универсального магазина, где все и сошли. Я же умышленно задержалась в душном салоне, чтобы не столкнуться с сапером, который, напротив, постарался сойти в числе первых, прокладывая себе дорогу плечом.

Я видела через окно, как Владимир Викторович сел в такси и покатил в сторону центра, и только после этого свободно вздохнула.

– Болезную в автобусе забыли! – услышала я старушкин голос, но уже не рассердилась на него, а, наоборот, обрадовалась его безопасности и подкатила к самым ступенькам автобуса.

Мою коляску подхватили чьи-то руки и опустили резиновыми колесами в городскую слякоть, по которой я и покатила к следующему маршруту...

Мне невозможно пользоваться метро, в этом вся проблема спинальников на колясках, а потому я добиралась до вокзала еще двумя автобусами и одним трамваем.

Я поспела к перрону вовремя, а если быть точнее, чуть раньше, минут за пятнадцать до подачи состава, и решила перекусить под навесом парой сосисок, но тут разглядела в меню на прилавке название "Пицца с курицей" и сразу вспомнила ваше пристрастие к этой еде, мой дорогой Евгений.

Ах, это оказалось достаточно вкусно, но на мое усмотрение слишком жирно; я даже капнула маслом на пальто и припорошила пятно солью, надеясь, что она съест жир...

Наконец поезд затормозил у платформы, и многие тут же поспешили занять свои места.

Я была выдержанна и дождалась, пока основная волна пассажиров рассядется по своим полкам, и только после этого покатилась вдоль состава.

– Не возьмете сумочку до Москвы? – спрашивала я у проводников. – За пятьдесят копеек, а?

– Мало, – отказывались проводники.

– А семьдесят?

До головы поезда осталось лишь три вагона, и я испугалась, что сумку так и не приспособят, а потому предложила за услугу целый рубль.

– Давай сюда, – согласился повар из вагона-ресторана и, засунув целковый под накрахмаленный колпак, взял у меня сумку. – Кому?

– Евгению Молокану, – ответила я. – В собственные руки.

– Ага, – согласно крикнул повар и скрылся в вагоне.

Ну и хорошо, порадовалась я и неторопливо покатилась по перрону к

вокзалу, морщась от боли в натруженных руках.

Какие будут некрасивые мозоли. Неожиданно я почувствовала, как коляска моя покатила быстрее, словно под горку, хотя уклона вовсе не было.

Что за странность такая? – удивилась, затем обернулась и увидела над собою криво ухмыляющуюся физиономию Владимира Викторовича,

Он толкал мою коляску перед собою и, деланно лыбясь, цедил сквозь зубы:

– Где сумка твоя, сука? Отвечай!..

От ужаса я не могла вымолвить и слова, а тем временем дикторша проговорила в микрофон, что поезд Санкт-Петербург – Москва отправляется с шестого пути.

– Говори, падла! – сапер тряхнул коляской так, что я чуть было не вывалилась из нее в грязь.

Поезд тронулся, Владимир Викторович прихватил меня за горло жесткими пальцами и развернул коляску лицом к двинувшемуся составу.

– Не скажешь, брошу под поезд! Ну?! Кому сумку сдала?!!

– В ресторане, – прохрипела я. – В вагоне-ресторане...

Он тотчас оттолкнул меня и побежал по ходу поезда, тыркаясь в запертые двери, показывая что-то проводникам знаками. Но те на призывы реагировать не хотели, состав набирал ход, а сапер бежал все быстрее и быстрее, стучась кулаком во все окна. Потом его нога неожиданно скользнула по снежной жиже, поехала резиновой подошвой по дряблему льду; Владимир Викторович взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, но тело по инерции несло вперед, а потому он ударился о стенку набравшего ход состава, был отброшен ею в сторону, перелетел через голову и рухнул на рельсы пятого пути, который находился в это время на ремонте. Упав на шпалы, тело его закорчилось от боли, а я услышала за спиной крики: "Человека поездом убило! Человек на рельсах!"

Я не стала дожидаться разбора ситуации и что есть силы покатила к зданию вокзала. Навстречу мне бежали полицейские, врачи с саквояжами и просто зеваки, желающие поглазеть на катастрофу.

В здании вокзала я отыскала почту, где отбила вам, Евгений, срочную телеграмму:

"Встречайте поезд Санкт-Петербурга зпт отбывший восемнадцать сорок тчк Высылаю посылку вагоне-ресторане тчк Подробности письмом тчк Ваша Анна Веллер тчк"

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

**Отправлено 9-го февраля
по адресу: Санкт-Петербургская область,
поселок Шавыринский, д. 133.**

Анне Веллер.

Милая моя, дорогая, единственная Анна!

Мне трудно передать количество изумлений, постигших меня в последние дни и связанных непосредственно с вами!

Начну хотя бы с вашей посылки. Я же совершенно не знал, что находится в сумке, а потому, когда получил ее из рук поездного повара, то не мог сдержать любопытства и тотчас погрузился в изучение содержимого. Представляете, я сделал это прямо на вокзале, при стечении сотен человек!.. Я развязал веревку и обнаружил под платком женскую руку!

Другой бы на моем месте, не привыкший ко всяческим ужасам, отбросил отчлененную конечность прочь, но я не был напуган, а озаботился лишь тем, не заметил ли кто сей криминальный предмет... Слава Богу, волнение было напрасным. Вокзальным людям нет дела до того, что и у кого в сумках, а потому я без осложнений добрался до дома, где и разобрал посылку.

Вначале я подумал, что ваш повар засунул в дороге сумку под какой-нибудь котел, так как на руке виднелись синяки. Уже позже из письма я узнал о вспышке вашей ревности и отнес синяки на этот счет.

Порывшись в предыдущих посланиях, я отыскал письмо, в котором говорилось о том, как приводить руки в действие, и сию минуту последовал инструкции.

Лучшая Подруга сразу же ожила и как будто огляделась по сторонам, осматривая свое новое жилище. Потом, удовлетворившись увиденным, оборотила внимание на меня, сидящего за столом и наблюдающего за ней, забалансировала на локте и оцупала мое лицо.

Я отметил, что у Лучшей Подруги красивые пальцы, и сказал вслух громко:

– Хочу, чтобы ты поджарила яичницу с беконом и заварила свежий чай!

Рука нехотя, но отреагировала неспешным поиском кухни, обследуя помещения на двух пальчиках, как будто слегка брезговала моим грязным

полом. Затем она исследовала содержимое холодильника и приступила к приготовлению еды.

В это время я тщательно прочитывал те ваши письма, в которых речь шла о действии рук, стараясь познать больше и не делать ненужных ошибок.

– Уберите ее! – услышал я истошный крик. – Уберите ее немедленно! – кричал Niprotomus из моего нутра.

– Кого? – не понял я, оторвавшись от чтения.

– Да вон же она! В окне!

Я посмотрел на окно и увидел сидящую в форточке маленькую цветную птичку, наклонившую головку и смотрящую на меня стеклянными глазами.

– Чернильным прибором в нее! – надрывался жук. – В лепешку!

Казалось, что птичка, приподнявшая крылья, готова к своему хищному нападению, а потому я немедленно скомкал лист бумаги и швырнул им в форточку. Птичка отбила бросок, выпятив свою грудку, и открыла клюв, показывая острый, как жало, язычок. Это меня разозлило, – а потому я взял со стола банку со скрепками и метнул ею в обнаглевшую тварь. Бросок пришелся точно в цель и сорвал птицу с форточки.

– А-а-а! – торжествуя кричал Niprotomus. – Так ей, гадине!

Я подкатил к окну и посмотрел вниз. Цветная птичка валялась на снегу, казалось, замертво, но от дуновения ветра она ожила и, поднявшись на ножки, захромала в сторону от дома, волоча следом сломанное крыло.

– Убили вы ее? Убили? – не унимался жук.

– Нет. Только ранил.

Какая-то девочка лет двенадцати подобрала птичку и, засунув находку себе под шубу, отправилась куда-то в свои края.

– Ах как жаль! – сокрушался Niprotomus. – Ее надо было всмятку, чтобы мокрого места не осталось!

Увлеченный войной с птицей, я совершенно забыл о Лучшей Подруге и вспомнил о ней лишь из-за запаха горелого, тянущегося с сизым дымом из кухни.

Немедленно я отправился туда и обнаружил на пылающей жиром сковородке мелкие угольки, оставшиеся от яичницы с беконом. Лучшая Подруга, в саже до локтя, активно помешивала остатки пожара ножом, то и дело подливая в огонь оливковое масло.

– Готово! – закричал я, поворачивая до отказа ручку плиты. – Яичница готова!..

Позже, ликвидируя несостоявшийся завтрак, я подумал, что Лучшая

Подруга вовсе не создана для хозяйственных нужд, а потому ее не следует этим затруднять...

Когда я получил ваше последнее письмо, Анечка, догнавшее посылку, то из него узнал, что Лучшая Подруга великолепная массажистка, а потому решил использовать ее строго по назначению...

Милая моя!

Строки, в которых вы сообщаете, что у нас будет ребенок, вызвали во мне счастливую лавину эмоций! Я безумно счастлив получить от вас и от Бога это великолепное известие! Я целую вам ноги за ту драгоценность, дорожающую с каждым мгновением, которая хранится и живет под вашим сердцем, заставляя мое сердце рваться навстречу вам! Если бы я мог, то сорвал бы свою душу с насиженного места и тотчас прилетел бы к вашему ушку ангелом и нашептал в него всяческих радостей и признаний!.. Но я не летаю ангелом, я даже не летаю самолетами, а потому грущу и гадаю бессмысленно о возможности нашей встречи... Может быть, снова в санатории!.. А может быть, в ночи?..

Она пришла ко мне ночью, когда я, засыпая, думал о вас. Она была робка и стеснительна. Легонько тронула меня за плечо и замерла в ожидании реакции. В этом ее прикосновении я почувствовал вас, моя драгоценная, а потому задрожал, словно от электрического разряда, под вашими пальцами, ласкающими мою грудь, проверяющими крепость мускулов, плоскость живота и твердость бедер.

– Нiprotomus, помоги! – попросил я про себя. – Наполни меня сталью!

В вашей руке столько страсти, столько энергии исходит из пальцев, что, кажется, искры гуляют между волосами у меня на груди и кадык, словно пинг-понговый шарик, летает вверх-вниз.

Я весь словно из стали. Как и в прежние времена, я силен, точно истребитель, набирающий высоту... Вы ощущаете в своей руке мою сталь, Икаром взмывающую в поднебесье. Устремление металла ввысь подобно влечению всего живого в небытие. Лишь ваши пальцы удерживают его своими ласками от преждевременного обрыва в бесконечность. Из горла моего вырывается стон. Он несет в себе муку сладострастия и безумия... Я лечу!.. Я лечу!.. Лечу!..

Но за взлетом Икара неизбежно следует падение. Падение всегда слаще, чем взлет, так как несет в себе смерть!.. Я падаю!.. Я падаю!.. Падаю!..

Я умирал в этот раз долго и по-звериному, с хрипотой и конвульсиями во всех членах...

Она легла рядом, сжав уставшие пальцы в кулачок. Она устала так же,

как я. Каждая клеточка излила из себя то, что накопила за все времена, и сон, самый крепкий в жизни сон, победил мое сознание.

Когда я проснулся следующим утром, то меня приветствовал *Niprotomus*, ворочающийся в шишке, как будто ему было там мало места.

– Ну вы и разоспались! – протянул он с завистью. – А у меня вот бессонница!

– Что так? – поинтересовался я, зевая во весь рот.

– Все прошлое мучает.

– Какое? Человеческое или жуковое?

– Попрошу, кстати, купить мне видеокассету с записью про жизнь насекомых! Между прочим, у меня тоже должна быть личная жизнь!

– Непременно, – согласился я, поглаживая локоть Лучшей Подруги. – Из жизни навозных жуков хотите? – пошутил.

– Навозных? – Он задумался, а потом ответил:

– Ну что ж, это должно быть весьма эротично.

После завтрака я попросил ее сделать мне массаж. Она тут же отреагировала и знаками заставила меня раздеться догола.

– Только пусть мою шишку не трогает! – напомнил *Niprotomus*. – А то парализую!

Лучшая Подруга нашла в ванной крем и, прежде чем начать процедуру, тщательно натерла меня им от шеи и до самых пят.

– Я ниже пояса ничего не чувствую, – напомнил я.

Она легонько шлепнула меня по ягодице и принялась за дело.

Ах как она это делала! В этой руке скрываются великолепная сила и огромный талант. С первого прикосновения душа рискует расстаться с телом!

– Мои ноги стали тонкими потому, – объяснял я ей, – потому, что я ими не пользуюсь, и мышцы атрофируются за ненадобностью. Раньше у меня были очень сильные ноги. Я мог пробежать марафонскую дистанцию и вытоптать дюжину полей.

– Продолжим? – спросил *Niprotomus*, отрывая меня от наслаждений.

– Что? – не понял я.

– Ознакомление с моей жизнью.

– Почему это нужно делать прямо сейчас! – возмутился я. – Когда я занят!

– Сочетание приятного и полезного!

– Не вижу ничего полезного!

– Вы эгоист! – обиделся жук. – Когда вы о чем-нибудь меня просите, я непременно это исполняю! А стоит мне о чем-нибудь заикнуться, так у вас

всегда найдется отговорка!

– Ну вы нахал! – в свою очередь обиделся я. – А как я вас давеча от птицы спасал! Не будь меня, вас бы склевали вместе с вашими рогами!

Niprotomus всхлипнул.

– Ну что такое?

– Я старый.

– А при чем здесь возраст?

– Потому что мне уже три года, и я скоро умру, а вы меня все время обижаете!..

– А что, жуки так мало живут?

– Да. Наша жизнь коротка, – тяжело вздохнул Niprotomus. – Если мой возраст переводить на человеческий, то получится, что сегодня мне исполнилось шестьдесят три года.

– У вас сегодня день рождения?

– Ага.

– Так я вас поздравляю!

– Спасибо, – поблагодарил жук. – Скорее, надо высказывать соболезнования.

– Что же мне вам подарить? – задумался я. – Хотите склянку с перекисью водорода? Или... Знаете, я видел в антикварной лавке коллекцию жуков. Ну, знаете, в такой коробочке, под стеклом... Это здорово дорого стоит, но вам понравится. Должно быть, это эротично для насекомых, как эротический журнал для людей!

– Вам бы понравилось, если бы вам подарили засушенную женщину?

– Нет, – честно ответил я.

– Так-то вот... Послушайте лучше мою историю.

– Ну, хорошо, – согласился я, окончательно расслабляясь под рукой Лучшей Подруги. – Только потому, что у вас день рождения...

– Несколько лет после трагической гибели Бертран я не мог расслабить свою душу и полюбить. Конечно же, я увлекался красивыми девицами, коих в Париже превеликое множество, но увлечения мои носили поверхностный и мимолетный характер, впрочем, как это свойственно всем студентам – подальше припрятать свою холостую жизнь от цепких ручек дочерей каких-нибудь замшелых полковников.

А закончив университет и устроившись инженером на гидроэлектростанцию, я познакомился с девушкой Полин, особой двумя годами старше меня, работающей секретаршей директора станции.

Она поразила меня своими стремительными руками, тонкими бровками взлет, карими глазками и крошечной грудкой взлет без

бюстгальтера под шелковой блузкой.

Придя с чертежами к директору и ожидая, пока он освободится от посетителя, я не мог оторвать своего взгляда от этой пленительной грудки с ягодками сосков, трущимися изнутри о нежную ткань.

Девушка не обращала на меня внимания совсем, перепечатывая какие-то бумаги, стопкой лежащие на столе. Она делала это так ловко и быстро, что ее тонкие, словно ветки, руки то и дело взметались над пишущей машинкой, вытаскивая из нее использованный лист и вставляя в каретку новый.

– Вжик! – гуляла каретка по рельсам. – Вжик!

Я был зачарован ее стремительными руками с тонкими пальцами и обрезанными ногтями, покрашенными в красное.

– Вы кто? – спросила она, не отрываясь от работы.

– Меня зовут Аджип Сандал, – представился я. – Я ваш новый инженер.

– Я Полин Готье, старая секретарша. Работаю здесь уже шесть лет.

– Очень приятно.

Только теперь она оторвала свой взгляд от клавиатуры и посмотрела на меня более тщательно.

У нее оказался нос с горбинкой и глаза с легкой мутиной, как будто она была слегка простужена или покурила марихуаны. Эта мутинка делала выражение ее лица почти безразличным к окружающему миру, а оттого воспламеняла интерес у окружающего мира к ней и к ее грудке вразлет.

– По какому вопросу? – поинтересовалась секретарша, найдя мой взгляд на своей грудке чем-то обыденным и давно привычным.

– Мы переоборудуем топливные отсеки, и я принес чертежи.

– Хорошо, – сказала девушка и тряхнула короткими крашенными в черное волосами. Они были уложены на висках в вопросительные знаки вниз загогулиной и подчеркивали маленькие бледные уши с дырочками в мочках. – Директор освободится через пять минут. Вы – араб?

– Почему? – удивился я ее вопросу.

– Мне кажется, что Аджип Сандал – мусульманское имя. Правильно я произношу? Аджип Сандал?

Кивнув, я сказал, что я – русский и что произошли некие обстоятельства, при которых мне дали такое имя.

Она безразлично пожала плечами, мол, всякое бывает, и попрощалась с посетителем, вышедшим из кабинета директора.

– Можете войти, – кивнула мне.

А потом я использовал любой предлог, чтобы зайти к директору, а по

дороге посидеть минуту-две в его приемной напротив Полин, которая реагировала на меня равнодушно, впрочем, как и на всех остальных.

– Дорогой мой! – сказал мне директор, когда я в очередной раз пришел к нему с каким-то пустячным делом. – Решайте сии простые вещи сами! А иначе для чего вы инженер?..

Он вытер платком лоб с огромными залысынами на бесцветной голове и посмотрел на меня прозрачными глазами скучного человека.

– Или вам Полин приглянулась?

Я покраснел от неожиданности вопроса и тут же признался во всем опущенными плечами и потупленным в паркет взглядом.

– Ах, вот в чем дело, дорогой, – понял директор. – Не повезло вам.

– Почему? – спросил я его проникновенно, как отца.

– Потому что Полин живет со мной.

– Давно?

– Шесть лет.

– Вы же старше ее лет на тридцать.

– На тридцать два года.

– Вы используете служебное положение.

– И это правда.

– Она, наверное, вас не любит.

– И это может быть.

– Тогда отпустите ее.

– Не хочет, – развел руками директор.

– Что не хочет? – не понял я.

– Она не хочет от меня уходить. Вероятно, у нее есть на это причины.

– Какие?

– Идите, мой дорогой, работайте. И забудьте о Полин, мой вам совет. У вас еще много случится девушек в жизни.

Тогда я вышел из его кабинета и посмотрел на Полин таким пронзительным взглядом, наполненным страданием всех мучеников любви, что девушка не выдержала призывного магнетизма и, посмотрев на меня в ответ, обнаружив слезы в моих глазах, спросила:

– Вы говорили с ним обо мне?

Я кивнул.

– Что он сказал?

– Что вам нравится с ним жить.

– Это правда, – согласилась она.

– Попробуйте жить со мной. Вам, вероятно, больше понравится.

– Почему вы так уверены?

– Потому что я моложе.

Она щелкнула пальцем по клавише пишущей машинки и посмотрела на меня серьезно.

– Это самый глупый аргумент, который я когда-либо слышала.

– У меня их еще куча, – ответил я. – Если вы посидите со мною после работы в сквере, я расскажу вам про свои остальные аргументы.

Вероятно, в моем лице было столько искренней мольбы к ее карим и равнодушным глазам, что она пожала худыми плечами нерешительно, а потом все же кивнула головой в знак согласия и чуть улыбнулась, показывая зубы.

– Купите немного хлеба, – попросила Полин. – Мы покормим лебедей...

Я был счастлив ее согласием, но ожидая ее на лавочке возле пруда, сдерживал свой восторг глубокими вздохами. Я понимал какой-то частью мозга, что девушка согласилась прийти, лишь сострадая моему неразделенному чувству к ней, и что, если я не найду нужных слов, заинтересовав ее беседой, через минуту-другую она уйдет домой кормить своего директора постным ужином.

– Здесь живет пара лебедей, – услышал я за спиной ее голос. – Два молодых белых лебедя. На свежем воздухе ее голос казался немного странноватым, слегка в нос, а когда я обернулся к ней, вставая, то увидел в свете вечернего солнца ее равнодушные глаза с легкой мутинойкой и нос с горбинкой.

Она точно курит марихуану, подумал я и взял ее за руку.

Рука была очень холодной, а потому задержалась в моей, нагретой набедренным карманом ладони и согривалась своими тонкими косточками.

– Итак, Аджип, я слушаю ваши аргументы.

Полин высвободила свою руку из моей и взяла с лавочки пакет с теплым хлебом.

– У вас всегда холодные руки? – спросил я, наблюдая, как она отщипывает от булки мякиш и бросает кусочки навстречу гордо плывущим лебедям.

– Да, – ответила девушка. – У меня плохое кровообращение.

– Я вам буду греть по вечерам руки. Это мой первый аргумент.

– Очень мило. Говорите следующий.

– Я сумею завоевать достойное положение в обществе!

– Каким образом?

– Буду много работать.

– Лучше синица в руках, чем журавль в небе, – сказала она, бросая

остатки хлеба в пруд и разглядывая, как лебеди лакомятся размокшей коркой. – Вам должно быть стыдно пытаться отобрать у пожилого человека его единственную радость.

– Молодость должна принадлежать молодости! – в запале сказал я.

– Еще одна глупость, – повернулась ко мне Полин, отряхивая ладони от крошек. – Молодых всегда тянет к пожилым, а пожилых к юным. Потому что одних привлекает неизведанное, а других то, что давно позабыто.

Девушка сделала шаг навстречу и почти коснулась своей грудкой вразлет моей груди.

– У вас есть еще аргументы?

– Я люблю вас.

– Бедный мальчик, – произнесла она и погладила меня холодными пальцами по щеке. – Это не аргумент... У вас еще борода плохо растет.

– А у него она седая.

– Вы – злой, – она посмотрела вслед уплывающим лебедям. – Мне нужно идти.

– Готовить ему ужин?

– Да, – согласилась девушка и собралась уходить из сквера, как тут я перегородил ей дорогу и отчаянно заглянул в лицо.

– У меня есть еще один аргумент, – прошептал я. – Готовы ли вы его выслушать?

– Говорите, только быстрее!

Я взял ее за кисти рук и сжал их так, что она поморщилась от боли, но ничего не сказала, а только смотрела на меня выжидающе и равнодушно.

– Дело в том, – собрался я с духом, – дело в том, что у меня нет на пальцах правой ноги ногтей!

На мгновение в ее глазах просветлело или мне только показалось, что мутинка сошла со зрачка, открывая всю его глубину до карего цвета.

– Как – нет ногтей? – спросила она с интересом.

– А так. Я родился без ногтей.

– Вы – шутите?

– Я абсолютно серьезен.

Полин на секунду задумалась.

– Вот любопытно! Что, совсем ровные пальцы?

– Совершенно.

Она утвердительно кивнула головой.

– Я хотела бы посмотреть.

– Поехали ко мне домой.

- Я только позвоню ему.
- Не звони.
- Хорошо. Только давай поедem быстрее.

Мы поймали такси и всю дорогу ехали молча, взявшись за руки и сжимая их сильно, до белых косточек, как будто ожидали, что случится нечто таинственное, а оттого страшное.

Я дышал ее запахом, а иногда, когда авто подпрыгивало на неровной дороге, видел в вырезе ее блузки мелькнувшую ягодку коричневого соска, и слюна заполняла весь мой рот, словно я не ел три дня и хотел проглотить устрицу.

Входя в подъезд своего дома и держа Полин под локоть, я вдруг вспомнил хохотушку Бертран и старого следователя, но волею одной размысл воспоминания и зашагал по лестнице к своей квартире, к чистой постели.

– Ты бы познакомил меня с ней! – прошептала Настузя, после того как я пропустил Полин в свою комнату и кивнул чернокожей няньке. – Это твоя девушка?

– Отстань! – грубо ответил я и, подтолкнув Настузю в спину, шагнул вслед за Полин.

Когда я обнял ее сзади за плечи и уткнулся носом в пахнувший яблоком затылок, она лишь повернула слегка голову к фонарному свету из окна, так что губы мои толкнулись ей в ухо, а язык нащупал в мочке дырочку.

– Я совсем не для этого пришла, – произнесла Полин ровным голосом. – Показывай! – и наклонилась слегка, отталкивая меня своим задом.

Я задохнулся от такой вожденной грубости и, сев на кровать, стал снимать ботинок, путаясь в шнурках, стягивая влажный носок, и смотрел на девушку косым жадным взглядом.

– Гляди! – просипел я, и она потянула издалека шею к моей ноге, щурясь и стараясь разглядеть в полумраке странные пальцы. – Подойди ближе!..

– Действительно нет ногтей, – произнесла Полин задумчиво, словно размышляла, к чему такое чудо природы.

Она наклонилась еще ниже, почти к самой лодыжке, так что я почувствовал кожей ее дыхание, оглядела ступню со всех сторон, а затем дотронулась легонько до моих пальцев в том месте, где, по ее разумению, должны были произрастать ногти.

– Удивительное дело! – прошептала она. – Ничего нет, – и неожиданно поцеловала мой кривой мизинец.

– Ах! – вскрикнул я восторженно и потянул к ней свои жадные руки, хватая в них, что попадалось выпуклого на пути.

– Подожди! – шептала Полин, целуя и облизывая мою ногу, засасывая в свой мокрый ротик каждый палец в отдельности. – Подожди!..

Выстрелила в темноту пуговка с ее блузки, и маленькая, вразлет грудка забежала ко мне в ладони, упираясь ягодками в жизненные линии... Я целовал ей спину, задрал шелковую ткань почти до самой шеи, вцеловываясь в каждый позвонок, кусая повернутые к моей ноге плечи, жуя, словно траву, крашенные в черное волосы, а она все ласкала мою пятипалую ступню крепкими губами и гуляющим между ними языком и шептала, шептала на одну мелодию в темень – "подожди!.."

Весь дрожащий, томящийся сковородным жаром, я потянул за матерчатый ремешок ее брюк, но ткань заскользила в обратную сторону, и столь силен был мой напор, что Полин вскрикнула, перетянутая, почти передавленная в пояснице, а затем куснула меня в косточку на лодыжке в отместку, так что я закричал от боли и в ответ сдернул со всей силы с нее штаны; ткань треснула, и обнажились мраморным светом круглые ягодицы с сумеречным входом между ними.

Я не различал ни ночи, ни света, только бешеный пульс во всем теле, а потому заспешил к ее входу, влекомый могучим инстинктом, затыкался в него неуклюже, а она встрепенулась, сжала мраморные бедра и скакнула в сторону лягушкой, утирая рукой тянущуюся к простыням слюну.

– Нет! – сипло прошептала она, сверкая глазами. – Нет!

– Почему? – изумился я, стараясь унять дрожь.

– Нет!

– Я люблю тебя! – взмолился я.

– Нет! – твердым голосом сказала Полин и стала застегивать оставшиеся на блузке пуговицы.

И тогда, чувствуя каким-то нервом, ощущая им, тревожным, что она сейчас уйдет от меня навсегда, испытывая будущее горе, я переломился в отчаянии пополам, упал лицом в подушку и заплакал навзрыд. В какие-то секунды вся влага вышла из меня слезами, захлюпала под щекой промоченной наволочкой, а я все взывал басом, рискуя захлебнуться в самом себе.

Она склонилась ко мне и перевернула на спину, пытаясь отнять от моего мокрого лица руки.

– Успокойся! – просила она уже не так жестко. – Перестань плакать!

Крепко, по-детски прижав пальцы к глазам, я почувствовал, как Полин коснулась ложбинки на моей груди подбородком и заскользила им к пупку,

очень медленно, как будто соскальзывала, того не хотя, в пропасть.

Я отлепил руки от глаз и встретился с ее взглядом, сейчас окончательно очистившимся от мути и сверкающим карей чистотой.

Я всхлипывал, а она съезжала все ниже по вздрагивающему животу, пока ее скольжение не закончилось препятствием, и тогда она чмокнула губами, хватая ими за самую душу, за уязвимейшее из ее мест, по-прежнему не расставаясь своим равнодушным немигающим взглядом с моими глазами.

Ее голова с черными крыльями волос взметалась надо мною всею ночью и опускалась пастью кусающей волчицы, заставляя меня взывать уже не от горя, а от тупого наслаждения.

Она выпила меня до основания, до края, до нервного срыва, а потом села буднично на краешек кровати и пригладила волосы в одно движение.

– Ты будешь жить со мною? – спросил я.

– Нет, – покачала она головой.

– Почему?

– Потому что я не женщина.

– Как это?

– Так. Во мне, как и в тебе, есть аномалия.

Я приподнялся на локтях.

– У тебя тоже нет ногтей?

– С ногтями у меня все в порядке.

– Тогда что же?

– У меня нет самого основного.

– Чего же?! – не выдержал я.

– Того, чего ты больше всего во мне желаешь.

Она посмотрела на меня пристально и спокойно.

– Во мне нет входа.

– Какого входа? – не понял я.

– Ты никогда не сможешь овладеть мною полностью, потому что у меня отсутствует то, чем обладает даже самая безобразная женщина. Я не смогу впустить тебя в себя, даже сходя от вожделения с ума. В меня нет входа! Понимаешь?

– Но я же видел и чувствовал...

– Это лишь декорация! – прервала меня Полин. – Это такая моя аномалия. Во мне есть дверца, за которой нет комнаты, а лишь непробиваемая стена.

– Так не бывает!

– Ты никогда не сможешь войти в меня, а оттого будешь мучить

невыносимо! Ты не Пиноккио, и тебе не удастся проткнуть своей деревяшкой нарисованный очаг!..

Она улыбнулась.

– А что говорят врачи?

– Они не смогут помочь мне ближайшие триста лет. Я никогда не смогу родить тебе ребенка!

Я сел рядом с Полин, потрясенный услышанным. Еще горячий ее телом, я тряс головой, не в состоянии поверить в услышанное.

– Я люблю тебя и хочу с тобою жить!

– Потерпи!

– Не буду!

– Дурак.

Она взяла мою руку и положила на свой плоский живот, подтягивая пальцы к самой устрице, распахнувшей навстречу свои теплые створки, за которыми действительно не было входа...

– Мне все равно, – сказал я, прислушиваясь к своим пальцам. – Я хочу с тобою жить!

Неожиданно она обхватила своими стремительными руками мою голову, прижала щекой к своей, стучащей громким сердцем груди и зашептала жарко мне в ухо:

– Я согласна!.. Я готова рискнуть!.. Я люблю тебя!.. Я хочу быть с тобою, пускай ты меня потом выбросишь, как ненужную тряпку!..

– Нет, что ты!.. – встрял я, но Полин закрыла ладонью мои губы.

– Не перебивай меня! Я брошу его сегодня же! Я к нему никогда не вернусь! Я лягу спать с тобою!.. Он не мужчина!.. Ах, Господи, не то!.. Я открою тебе запасной вход!..

Она шептала что-то еще несвязное, лаская мои волосы грубовато, обратившись взглядом куда-то глубоко в себя, в самое нутро, отыскивая в нем силы для противления опасности, сокрытой во мне до времени.

Полин действительно осталась у меня ночевать, заснув поперек кровати, а на следующее утро, наевшись горячих круассанов, подогретых Настузей, мы вместе отправились на работу.

Директор вызвал меня в конце рабочего дня и, усадив в кресло, долго ходил вокруг, всматриваясь своими прозрачными глазами в пустоту.

– Значит, она уходит? – спросил он наконец совершенно убитым голосом.

– Да, – ответил я, и мне стало его очень жаль.

– К вам?

Я кивнул.

– А вы знаете?..

– Я знаю все!

Директор вздрогнул и сгорбился дряхлым стариком.

– Она вам все рассказала...

– Да, я все знаю и все видел!

Он побледнел и стал тереть рука об руку, как будто замерз, а потом заговорил быстро-быстро:

– Вы бросите ее! Она с вами погибнет! Зачем она вам нужна! Вы молоды, найдете себе нормальную! Я скоро умру! У меня никого нет! Оставьте мне ее, прошу вас, умоляю!

Он бросился передо мною на колени, схватил за руку и стал отчаянно, исступленно целовать ее.

– Прошу вас!

Я оттолкнул его, трясущегося, и вскочил из кресла, отходя на безопасное расстояние к окну.

– Не сходите с ума! Я вам ее не отдам никогда! Если сможете, поймите!

Директор взял себя в руки, приговаривая: "Да-да, значит, так тому и быть", и сел за стол, заваленный бумагами.

– Вы уволены, – скучным голосом произнес он, напяливая на нос очки. – И она тоже. Ее вещи я пришлю к вам по адресу в автомобиле. У нее много вещей. Я много дарил ей... Надеюсь, вы тоже поймете меня.

– До свидания, – попрощался я и закрыл за собою дверь.

Полин стала жить со мною и Настузей, открывая для меня свои запасные входы, и, многожды проходя через них за ночь, я просыпался на следующий день далеко за полдень и проводил остаток светлого времени суток в баре "Рамазан", проедаая скопленные деньги на устрицы, запасаясь морскими силами для следующей ночи и надеясь выплеснуть в нее свою накапливающуюся неудовлетворенность.

Как-то, приканчивая очередную дюжину моллюсков, я запивал обед кофе, лениво листал какую-то газету и обнаружил на второй ее странице не большую заметку, в которой говорилось, что в крохотной стране России, находящейся рядом с Арабскими Эмиратами, в возрасте пятидесяти девяти лет скончался Русский Император, место которого занял наследный принц Порфирий, справивший в недавнем времени свое восемнадцатилетие.

Тогда я понял, что у меня есть брат, который вместо меня взошел на престол. И еще я понял, что мой отец умер и я остался совершенным сиротой. Хотя нет, вру. У меня есть Настузя и спортивный лук, из которого я продолжал стрелять по воскресеньям в далекие мишени.

Я жил с Полин восемь лет. Все эти годы каждый сочельник в нашу дверь стучался директор гидроэлектростанции, и мы наливали ему чаю в большую пивную кружку.

Он выхлебывал ее часами, а мы наблюдали за ним, не испытывая неприязни, слушая пустую болтовню человека, вышедшего на пенсию.

– Обещал скоро умереть, а вот не умер, – улыбался директор. – Отчего люди редко умирают от горя? Вы не знаете?

– Они должны дохлебать отпущенные им муки до конца, – отвечал я. – Как вы свой чай.

– Вы правы.

Во времена директорских посещений Полин обычно молчала, стараясь заниматься какими-нибудь домашними делами и не смотреть в глаза нашего бывшего начальника, которые с годами стали еще более прозрачными и бесцветными.

– Как хорошо, что вы счастливы! – умилялся директор, оглядывая нашу уютную комнату с большой кроватью. – Это стоит моего несчастья.

Если бы он знал, что у нас происходит ночами, то больше бы уже никогда не умилялся в своей жизни, а приходя к нам, давился байховым чаем до кровавой блевотины...

Я избивал ее со всем изощрением, на какое способен человек. Я стегал ее плетью по нежной спине, оставляя на коже кроваво-мясные рубцы. Я бил ее по голове смоченным узлом полотенца, от ударов которого Полин приходила в неистовство и, стоя на четвереньках, абсолютно голая, с таким соблазнительным псевдовходом, темнеющим осиным гнездом между мраморных ягодиц, ошалело трясла избитой головой и пускала к полу розовые слюни... Она как-то странно, по-собачьи, взывала от ударов ноги под печень и улыбалась в ответ своими крепкими губами, окрашенными кровавой пенкой.

Я бил ее диким образом все восемь лет нашей совместной жизни и, возвышаясь над ее искореженным телом, кричал:

– Где твой вход?! Где твой основной вход?! Я хочу войти в него, или я сойду с ума!

Тогда она собиралась с силами и, подползая к ногам, целовала мою правую ступню, с каким-то мучительным наслаждением облизывая пальцы, на которых не было ногтей...

Она повесилась за неделю до сочельника. Я обнаружил ее болтающейся в петле, когда вернулся из кафе "Рамазан", набив брюхо до отказа свежими устрицами.

Ветер из форточки качал ее заголубевшее тело с вытарщенными

глазами, которыми она пучилась на меня, заставляя выблевывать моллюсковое варево прямо на нашу кровать, в которой мы тщетно все эти годы искали ВХОД.

На столе лежали две записки. В одной говорилось, что Полин просит никого не винить в ее смерти, а во второй она открывалась мне в своей любви и в невозможности далее мучить меня своей непробиваемой стеной.

На этот раз меня долго не таскали. Следователь оказался молодым парнем, только что с университетской скамьи, а потому ограничился дознанием, где интересовался всего двумя вопросами. Почему на теле женщины свежие следы побоев, и что является истинной причиной самоубийства?

Я рассказал ему, что Полин страдала сексуальной неудовлетворенностью в силу своего аномального физического обустройства и, дабы компенсировать недостаточность наслаждений, прибегала к садомазохистским экзекуциям.

– Вы помогли ей в этом? – поинтересовался молодой следователь.

– Да.

Его удовлетворила моя искренность, а так как в деле имелась предсмертная записка с просьбой самоубиенной никого в ее гибели не винить, следователь со спокойной совестью закрыл дело.

Что со мною происходило после того, как гроб с телом Полин уехал по рельсам в печь крематория и когда я к вечеру дотащился до дома, знает одна Настузя.

Целые сутки я стоял на коленях перед унитазом, выкорчевывая из себя по кусочкам внутренности, смывая их в канализацию с шумной водой. Сосуды в глазах полопались, и я стал похож на вурдалака, шатаюсь ночью по дому и принохиваясь в каждом углу, пытаюсь обнаружить в них хотя бы запах Полин.

Настузя бродила за мною по пятам черной тенью и при возможности гладила меня ночной ладошкой по спине. Тогда я плакал совсем тихонько, уткнувшись в нянькину грудь и шепча бессвязные слова.

А в сочельник пришел бывший директор.

– Умерла? – удивился он, грея руки о пивную кружку с чаем. – Вот штука!..

Улыбаясь, он смотрел то на меня, то на Настузю и шмыгал замерзшим носом.

– Вероятно, я не буду больше к вам приходить в сочельник.

– Отчего же?

– Так нет ее больше.

– Есть я.

Он поставил недопитую кружку на стол и поплелся к дверям.

– А вы, молодой человек, мне не нужны!..

К девятому дню ее смерти, стоя у лунного окна, я вспомнил пророческие слова.

– Уж не знаю, прав ли я или мистифицирую, – говорил из прошлого пожилой следователь. – Но все женщины, встретившиеся вам на пути, закончат жизнь подобно бедной Бертран!

И подобно несчастной Полин, подумал я...

– Каплю перекиси! – попросил Niprotomus.

– Минуту, – отозвался я, необычайно тронутый рассказом жука. – Вам побольше или поменьше?

– Еще немного, – прошептал он после того, как я смочил из пипетки шишку на руке.

– Как пожелаете...

Мой Niprotomus отправился по волне своей памяти в чудесную страну, а я, отмассированный Лучшей Подругой, лежал, нежась в приятной истоме, и думал о вас, родная Анна. Как там вы? Как наша маленькая под сердцем?..

А потом я смотрел телевизор.

А потом пришел мой товарищ Бычков.

Если бы я не знал о том, что с ним происходит в последнее время, то, вероятно, подумал бы, что моего товарища съедает изнутри тяжелая болезнь, поедая в его могучем теле жировую прослойку.

Бычков похудел почти на треть. Одежда болталась на нем хламидой, а щеки, лишившись мясной подпорки, отвисли ненужной кожей над плечами.

Зато глаза его были наполнены озерами свежей воды и лучились в мою сторону небесной благодатью.

– Неужели нашел? – вскричал я.

Он помотал головой, но известил меня, что уже близок к своему счастью, так как обнаружился верный след.

– Ее видел полицейский патруль в Кусковском районе Санкт-Петербургской области, – рассказал Бычков. – Она ехала на телеге, запряженной старой кобылой, некогда в яблоках, а сейчас в расплывшихся по бокам пятнах. По этим пятнам полицейские и определили, что кобыла была старой. Ею управлял мужчина лет пятидесяти, от которого исходил холод.

– Это твои домыслы?

– Нет. Полицейские так и сказали – "от него перло холодом"!

– Ты думаешь, это был он?

– Да. Это был Эдерато. Я просто в этом уверен... Семь агентов разъехались по районам и разыскивают старую кобылу в яблоках. Ведь кому-то лошадка принадлежит и кто-то одолжил ее Эдерато.

Бычков сглотнул слюну и улыбнулся мне.

– Лошадь не человек, лошадь быстро найдут!.. Кстати, – он порылся в кармане и выудил из него почтовый конверт. – Вот – тебе. Валялся перед твоей дверью. Наверное, почтальон в ящик промахнулся.

– Положи на стол, позже прочту.

– Она была такая несчастная и ехала на телеге, понуря голову.

– Это тебе тоже полицейские сказали?

– Господи, если бы ты знал, как я ее люблю! Мне без нее жизнь не нужна совершенно. Что я буду делать, скажи на милость?

– Служить Родине.

– А-а, – махнул рукой Бычков. – Знаешь, вот так живешь, уверенный, что делаешь самое любимое и нужное в жизни дело, отдаешься ему целиком, а потом встретишься глазами с одной-единственной небожительницей и вдруг трезвеешь в мгновение, понимая, что все ничтожно перед любовью к своей женщине; перед ее святыми глазами все меркнет! Все становится таким необязательным вокруг!..

– А может быть, наоборот? – спросил я. – Не трезвеешь, а пьянеешь?

– А какая разница?

Я пожал плечами, думая, что, действительно, разницы нет никакой.

– Я ее найду! – с уверенностью сказал мой товарищ Бычков. – Я собственными ногами прочешу все деревни и поселки в Кусковском районе. Я сверну шею этому Эдерато!

– Может быть, это ее муж?..

От этого вопроса у него испортилось настроение. Бычков смотрел на меня не мигая и ждал продолжения.

– Может быть, это ее муж, – повторил я. – И она вернулась к нему. А ты собираешься свернуть ни за что ни про что человеку шею!

– Нет-нет! – уверенно сказал Бычков. – Он ей не муж!

– Откуда такая уверенность?

– Я проверял загсы. Нигде не зарегистрировано такое имя – Эдерато!

– Может быть, это она так его зовет – Эдерато, а на самом деле он какой-нибудь Эдуард или Эдвард?..

– Почему ты так жесток? – неожиданно спросил Бычков. – Ведь ты мой друг? По-моему, ты хочешь сделать мне больно.

На мгновение я поймал себя на том, что мне действительно хотелось

увидеть в его глазах страдание. Наверное, потому, что в моей жизни тоже все было не слава Богу.

– Прости, если что не так. Но я просто пытаюсь мыслить логически. Я вовсе не хотел причинить тебе боль.

– Это ты меня прости! Я сейчас в таком состоянии, что от всех ожидаю подвоха!

Зазвенел мобильный телефон. Бычков вытащил его из кармана и слушал трубку несколько секунд, за которые его лицо совершенно изменилось – потускнело и посерело, как алюминиевая кастрюля на морозе.

– Что? – спросил я.

– Они нашли лошадь, – вздохнул Бычков. – Со вспоротым животом. Она замазала все сугробы окровавленными внутренностями.

– А хозяин лошади?

– Ее наняли в соседнем районе. Нанимала женщина. Она.

– Не отчаивайся. Ищи!

– Зачем он лошадь убил? – спросил себя Бычков. – Как будто она что-то могла рассказать...

Он ушел в свой трудный поиск, а я взял со стола конверт, ожидая, милая Анна, обнаружить в нем ваше послание. Надорвав краешек, я вытащил сложенный вчетверо лист бумаги. Развернув его, обнаружил странный предмет – тоненькую, засушенную в форме вопросительного знака змейку. А по всему листу бумаги было написано одно имя – РАКЪЕВЯРЕ.

Я понял, что это вовсе не змейка лежит передо мною на столе. Этот засушенный вопросительный знак принадлежал когда-то Зое и служил ей хвостом... Его отрезал цирковой импресарио, финн Ракъевяре...

С любовью

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

**Отправлено 20-го февраля
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Очень и очень рада, мой дорогой Евгений, за две вещи. Конечно, первое то, что вы со счастьем восприняли факт, что в скором времени станете отцом этакой востроносенькой девчонки с голубыми глазами, проказницы и грозы мальчишек со всех окрестностей. Второе – это то, что вам пришлось Лучшая Подруга, которая, как и положено, рьяно выполняет свое предназначение! Вы правильно поступили, что не насилуете руку несвойственными ей обязанностями, а предоставляете полную свободу выбора...

В начале этой недели опять ездила к Ангелине Войцеховне, и врачиха сказала, что беременность проходит нормально, хоть и с небольшим токсикозом.

– Наверное, мальчишка будет! Они всегда такие ядовитые!
– Девочка! – возразила я, уложив ладони на четко обозначившийся живот. – Совершенно не мальчик!

Ангелина Войцеховна была удивлена таким моим напором, но в ответ лишь развела руками и сказала, что на все воля природы, зависит от того, как семя завяжется и как за ним Вселенная ухаживать будет.

Я не совсем поняла ее странные словеса, но думать над ними не стала.

Напоследок врачиха попыталась было рассказать историю из своей уголовной практики, но я уже ее не слушала, а покатила обратно восвояси.

Весь следующий день я смотрела телевизор, преимущественно канал для Путешественников.

Особенно мне запомнился один документальный фильм, в котором говорилось о разных измерениях, коих насчитывалось до недавнего времени всего четыре, а в современности многие ученые считают, что измерений в действительности гораздо больше и, может быть, их бесконечное число даже. Все пространственные и временные измерения соединены между собою своеобразными входами, через которые перемещаются Вселенные... Также в программе рассказывалось о некоем гипотетическом сосуде, существующем лишь теоретически, который в нутре своем объединяет все временные и пространственные измерения.

Если в него поместить какой-либо предмет, тот будет находиться одновременно во всех измерениях. Этот сосуд придумал человек по фамилии Готлиб.

Ведущий передачи под конец показал странную находку – кусочек искореженного металла, оказавшийся в действительности двумя пулями, которые сошлись своими траекториями в одной точке, расплющившись всмятку. И не то даже удивительно, что пули нашли друг друга в огромном пространстве, а то, что одна из них была отлита лет сто пятьдесят назад. Они встретились, перейдя через пространственный вход.

Ах как я люблю всякие такие странности и всякого рода мистические штуки. Они возбуждают мою фантазию и дают некоторую надежду на то, что не все так брэнно в мироздании; что, может быть, живое не обязательно перетекает в мертвое, а осознанное в бессознательное. Ласкается в голове такая заветная мыслишка, что все мы бесконечны в своих вариациях, что случится с нами нечто, подобное истории с вашим жучком *Hiprotomus'oM...*

В пятницу меня должен был навестить человек из благотворительного общества, а посетил сапер Владимир Викторович. В этот раз он не пил со мной чай.

Наверное, читая эти строки, вы, Евгений, удивляетесь моей глупости. Мол, какая дура, пустила к себе в дом врага, который уже неоднократно покушался на ее жизнь.

Предваряя сие ваше заключение, хочу сказать, что произошли такие обстоятельства, при которых я не могла не пустить Владимира Викторовича в дом.

Я открыла дверь и увидела его сидящим в инвалидном кресле с резиновыми колесами, точно такими же, как и на моей коляск. Само же его кресло было устаревшей модификации, и я представляю, как трудно в нем передвигаться. Сапер был привязан ремнями к сиденью, дабы с непривычки не соскользнуть в грязь. Его голову удерживал шейный каркас, а под глазами расплылись огромные синяки, как будто опустились почки.

– Это лекарства, – просипел Владимир Викторович, поясняя происхождение синяков. – Мне кололи их двадцать дней, вот и попортили почки.

– Что с вами?

– Я хочу въехать.

Крутанувшись в кресле, я пропустила его коляску, которой он даже внутри дома управлял неумело, путаясь в направлениях и ударяясь об углы.

– Вот упал на рельсы неудачно, – сказал сапер. – В двух местах сломал

позвоночник. Хорошо, что еще жив остался.

– А где Соня? – спросила я.

– Я вернулся из больницы, а ее нет.

– Наверное, на работе.

– Я уже пять дней, как вернулся. Она ушла.

Он закашлялся, и я видела, как кашель отдается болью в шее, которой он не мог пошевелить.

Что он делает, когда шея чешется? – подумала я.

– Я думал, что, может быть, вы знаете, где Соня?

– Нет.

– Она ушла от меня, я думаю.

– Вы плохо к ней относились.

– Я думаю – да.

– Что же вы удивляетесь?

– Яне удивляюсь.

– Хотите чаю?

Он попытался было покрутить головой, но каркас удерживал шею, и Владимир Викторович глухо вскрикнул.

– Вы беременны? – спросил он через некоторое время, когда боль утихла.

– Да, – ответила я и улыбнулась. – Неужели уже так заметно?

– Заметно. Поздравляю.

– Спасибо. Может быть, все-таки чаю?

– Нет-нет.

– Как знаете.

Владимир Викторович чуть приподнялся в кресле на руках и переместил центр тяжести с одной половины тела на другую. Я подумала, что у него затекли ноги и потому он так сделал, но что-то странным показалось мне в этом движении, а что – я так и не поняла.

– Я хочу просить у вас прощения за все неудобства, которые вам причинил, – произнес сапер быстро, как будто долго брал себя для скороговорки в руки, а теперь собрался с духом и удачно протараторил.

– За неудобства? – изумилась я. – И это вы считаете неудобствами?! Попытка изнасилования, толкание под поезд и посылка со взрывчаткой! Вот уж неудобства, так неудобства!

– Я вас не насиловал.

– А что же вы делали?!

– Я вас любил.

Он произнес эту фразу тихо и проникновенно, так что у меня екнуло

под сердцем.

– Такое у меня проявление любви, – добавил Владимир Викторович.

– А когда под поезд бросали?

– Я вас не бросал под поезд, я сам на рельсы упал.

– Ну конечно же!.. И взрывчатку не вы послали?

– Какую взрывчатку? – он поднял на меня удивленные глаза.

– Не прикидывайтесь! Вы вложили в посылку, из Института Мировой Литературы, взрывчатку: мне могло руки оторвать!

– Никакой взрывчатки я не вкладывал! Посылки ваши перехватывал, рукописи читал, каюсь, но посылал их дальше по адресу! – сапер вытер с ладоней пот. – Не понимаю, зачем вы Горького переписывали от первого лица?

В сердцах я хотела было сказать, что вовсе не переписывала Горького, что сам классик это сделал, но вовремя спохватилась и, пожав плечами, оправдалась, что от нечего делать случилось такое и, мол, мне интересно было, как на такую штуку посмотрят в Институте Мировой Литературы.

– Видать, и я скоро от тоски буду всякими такими глупостями заниматься, – со слезами на глазах произнес Владимир Викторович.

– А что, никаких надежд?

– Никаких.

– Вы же рыбак, – попыталась я утешить его. – Будете себе сидеть на льдине и рыбку ловить!

– Да-да, – согласился сапер.

– Будет клевать и большая и маленькая!

– Да-да.

– А там, глядите, и Соня вернется!

– Конечно...

– Только коляску вам надо достать посовременнее! На этой трудно ездить! У меня имеется друг один в Москве, может, он сумеет помочь!..

– Молокан? – спросил Владимир Викторович, невинно захлопав глазами.

– Какой Молокан? – переспросила я, поняв, что сказала лишнее, а оттого покраснела отчаянно.

– Саксофонист.

– Почему, собственно, он?

– Да так, в голову пришло.

Сапер крутанул колесами и подъехал ко мне ближе, затормозив в нескольких вершках от моей коляски.

– Думаю, что не его ребенок будет, – прошептал он, глядя мне в

самые глаза.

- А чей? – поперхнулась я от неожиданности.
- Вполне мой.
- Чушь!
- Мальчишечка будет!
- Бред какой-то! Вы пролились мимо меня!
- Достанет лишь капли одной!
- И одной капли не попало!
- Уверена?

Его глаза заблестели, а руки непрерывно поглаживали ручки кресла, как будто он хотел отполировать их своими ладонями.

- Уверена, – твердо сказала я. – Убирайтесь отсюда!

В ответ он протянул мне свои ладони и прошептал:

- Отдай мне то, что не принадлежит тебе.
- Да что же это такое, в самом деле! Вон отсюда!
- Прощу тебя! – молил Владимир Викторович, вытягивая ко мне руки все длиннее, словно они были раздвижные. – Мне так это нужно!
- Да что вы имеете в виду? – прикидывалась я непонимающей.
- Ящичек у тебя есть такой, черненький!..
- Никакого ящичка у меня нет!
- Футлярчик!..
- И футлярчика тоже!

Неожиданно в глазах сапера потемнело, руки его задвинулись восвояси, а рот искривился в злобной гримасе.

- Нету, говоришь? – прошипел он.
- Нету, – подтвердила я, бледнея от страха.
- А колечко у тебя со змейкой откуда?
- Колечко?..

– Где ящик, сука? – заревел медведем Владимир Викторович и вдруг стал подниматься с инвалидной коляски.

Он сорвал со своей шеи каркас и подвигал ею для разминки. Ноги его прекрасно держали туловище, и тут я поняла, что насторожило меня, когда сапер перекладывал затекшее тело с одной его половины на другую. Парализованные не чувствуют, когда их тело затекает. На то они и парализованные!.. Он обманул меня! Он вовсе не парализованный!

– Теперь тебя никто не спасет! – улыбался Владимир Викторович, роняя на пол капельки слюны – желтые и густые, почти сбившиеся в пену.

Он подступал ко мне маленькими шажочками, как будто оттягивал сладкий момент расправы, и щерился мелкими зубами, как дикая тварь.

Ужас сводил меня с ума! Я механически крутила колесами, отъезжая от сапера подальше, а он продвигался за мною следом и шевелил пальчиком с длинным ногтем.

– Умрешь сейчас! – приговаривал Владимир Викторович. – Сейчас!

Похоже, на этот раз он был прав, и ничего меня уже не спасет! На кой черт я спрятала Лучшего Друга в шкаф! Человек из благотворительного общества не разглядел бы его под полотенцем, а теперь я из-за этого пропадаю!

– Что рыщешь глазенками по сторонам! Нет твоего защитничка?!. Ах, незадача какая вышла!

– Так вы и Соню убили! – догадалась я внезапно. – Никуда она от вас не уходила, просто вы ее на куски разрезали, как и меня хотите!

– Замолчи, шлюха!

Я докатилась до письменного стола. Дальше отступить было некуда.

Владимир Викторович тоже остановился и сказал:

– Сначала я откушу тебе ухо. А следом выдавлю правый глаз.

И вновь стал придвигаться, наклонившись головой вперед и высунув изо рта красный язык.

В смертельном страхе я оперлась руками о стол и вдруг почувствовала под пальцами ножичек для вскрывания писем, некогда пилку для ногтей, которым пытался перерезать себе вены Лучший Друг и который хранится у меня очень давно.

Сапер потянулся к моему лицу пальцем с длинным ногтем и почти уже достал до глаза, когда я схватила свой ножичек и со всем отчаянием, на какое была способна, размахнулась и воткнула пилку саперу в висок.

Железка вошла с треском, как будто пробила корку арбуза. В голове Владимира Викторовича хлюпнуло, он в изумлении захлопал глазами, потрогал голову с торчащим из нее ножичком и заудивлялся багровой крови, текущей по щеке.

– Ишь ты! – проговорил он и рухнул на пол, словно ему в одно мгновение перерубили сухожилия на ногах.

Под затылком сапера быстро растекалась темная лужа, а я часто дышала, еще не совсем веря в свое спасение.

Через пятнадцать минут, потрогав пульс на запястье Владимира Викторовича и не нащупав толчков, я догадалась, что он скончался от нанесенной раны.

А еще через десять минут, в сгущающихся сумерках, я поняла, что убила его и что просто так это для меня не кончится.

В чем была я выкатилась на улицу и поехала по тающему снегу к

телефонной будке, находящейся в версте от моего дома.

– Я убила человека, – сказала я в трубку спокойным голосом.

– Адрес? – спросила женщина с другой стороны.

– Поселок Шавыринский, дом сто тридцать три.

– Ваше имя?

– Анна Веллер.

– Как?! – не расслышала женщина.

– Анна Веллер.

– Давно это случилось?

– Сорок минут назад..

– Ваш телефон.

– У меня его нет. Я говорю из будки на улице.

– Через пять минут у вас будет бригада, – обещала женщина. – Никуда не уходите! Ждите дома!

Я повесила трубку и покатила обратно. Конечно же, я приехала позже, чем полицейская машина, и, въехав в дом, застала троих полицейских, пьющих на кухне чай, и медэксперта Ангелину Войцеховну, глядящую по телевизору передачу "Лототрон".

– А вот и моя милая! – обрадовалась врачиха. – А мы вас ждем!

– Вы меня заберете с собой?

– Зачем? – удивилась Ангелина Войцеховна.

– Я же убила человека.

– Какого человека?

И тут я увидела, что тело Владимира Викторовича исчезло из комнаты, а на месте лужи крови было тщательно затертое пятно.

– Вы забрали труп? – поинтересовалась я.

– Какой труп?

– Здесь, на этом месте, лежал труп отставного сапера, – ответила я. –

Видите след от крови?

Ангелина Войцеховна наклонилась над пятном, повозюкала по нему пальцем, затем понюхала и лизнула.

– Это подсолнечное масло, – прокомментировала она. – Рафинированное. Вероятно, вы его, милочка, пролили!

Руководитель экстренной бригады, маленький человек с волосатой головой, отставил чашку с чаем и вышел из кухни в комнату.

– Где, вы говорите, труп лежал? – спросил он, уставившись на меня черными глазами.

Я показала место, но Ангелина Войцеховна что-то зашептала руководителю, указывая наманикюренным пальцем в след от кровавой

лужи. Волосатый полицейский закивал головой, бросая взгляды то на меня, то на пол.

– Кого вы убили и как это произошло? – спросил он, отстраняясь от медэксперта.

– Сапера, – повторила я. – Отставного сапера, своего соседа.

– Адрес?

– Шавыринский, сто тридцать три.

– Адрес сапера, пожалуйста!

– По-моему, сто девятый дом.

– Как его фамилия?

Я пожала плечами.

– Владимир Викторович его зовут. У него жена, э-э, сестра – почтальонша. Он мне еще сказал, что она пропала.

– Сто девятый дом, вы говорите?

– Ага.

– Росселини! – позвал руководитель. – Ну-ка, пойді сюда!

Звякнула о блюдецe чашка, и из кухни вышел здоровый парень лет тридцати в тесном пиджаке, натянутом на широкой спине до риска.

– Давай-ка, Росселини, в сто девятый дом! Посмотри там хозяина! Одна нога здесь, другая там!

– Хозяина сюда привести? – спросил парень.

– Просто документы проверь, если он дома.

– Понял.

Росселини убежал, а руководитель, усевшись на стул, спросил:

– А как вы его убили?

– Ножом в висок.

– Э, как! – присвистнул волосатый. – За что же, позвольте поинтересоваться?

– Я защищалась.

– От чего?

– Он неоднократно пытался меня убить.

– За что?

– Мне это неизвестно.

Все время нашего диалога Ангелина Войцеховна сидела, уставившись в телевизор, досматривая передачу "Лототрон", в которой сегодня разыгрывался главный приз квартала – двенадцать тысяч рублей.

– Почему вы раньше не сообщили, что вас пытаются убить?

– Вы же видите мое положение.

Руководитель оглядел мою коляску и в знак согласия кивнул.

- Нож был кухонный?.
- Нет. Это пилочка для ногтей.
- И что же, вы его пилкой для ногтей в висок? И убили?

Я кивнула и почти было заплакала, но тут ведущий с экрана заорал, что главный приз достался коту Бенджамину Франклину, чья фотография оказалась в барабане "Лототрона"! И что это первый случай за всю историю игры, когда выигрыш достался животному!

– Сделайте тише! – рыкнул руководитель и, когда испуганная врачиха вовсе выключила телевизор, продолжал:

- Это надо иметь большую силу, чтобы убить пилкой для ногтей!
- Я была в стрессе! В аффекте!

Мне все-таки не удалось удержать слезы, и они потекли густо по моим бледным щекам, капая на пол.

– Успокойтесь, – мягко попросил руководитель, а от его невольной ласки я еще больше расклеилась и заплакала в голос, так что Ангелине Войцеховне пришлось открывать свой следственный саквояж и искать в нем банку с нашатырем.

- Не волнуйтесь так, милая! Вам крайне вредно это делать!

Врачиха держала вонючую ватку возле моего носа и приговаривала:

– Вы сейчас уже не одна, вы ребеночка носите! Нервничать не надо, а то мальчишечка слабеньким родится!

- Почему мальчик! – взвизгнула я. – Девочка! Я жду девочку!

Ангелина Войцеховна развела перед руководителем руками, мол, я вам говорила, что особа нервная!

Но тут вернулся Росселини и что-то заговорил волосатому скороговоркой, отведя его в сторону и бурно жестикулируя.

Я видела, что руководитель разозлился; он посмотрел на меня исподлобья, а потом, не дослушав Росселини, ринулся ко мне.

- И чего вам, собственно говоря, понадобилось морочить нам голову?!

– В каком смысле? – удивилась я, утирая слезы.

– Сапер, которого вы убили в висок, на данный момент сидит у себя дома и вместе с сестрой пьет чай!

- Не может быть!
- Росселини, ты проверил документы?
- Все точно, – отозвался парень.
- Сто девятый дом?
- Ага. И сестра у него почтальонша.
- Вот видите!.. Спрашивается, какого черта!
- Ничего не понимаю! – ответила я, точно не зная, радоваться мне

такому исходу или отчаиваться совершенно.

Руководитель механически перекладывал на моем столе бумаги.

– Мы могли бы вас привлечь за ложь, – пригрозил он. – Знаете вы это?

– Знаю.

– Я же вам говорила. – Ангелина Войцеховна захлопнула свой саквояж. – Она беременна! У нее токсикоз! А когда у женщины токсикоз, то ей всегда видится всякая чертовщина! Это вовсе не сознательная ложь, а лишь галлюцинации! Чего пристали к женщине!

– А-а! – махнул рукой волосатый. – Поехали отсюда!

Он сделал неловкое движение, и бумаги с моего стола слетели белыми птицами на пол. Под ними, испуская тусклый отблеск, лежал ножичек для вскрывания писем.

– А вот и пилка для ногтей! – почему-то обрадовался находке руководитель. – Определенно галлюцинации!

Он держал маникюрную принадлежность в руке, приподняв ее к свету, и говорил всем, что даже ему не удалось бы причинить этой штуковинной серьезного вреда. Разве что глаз выколоть, да и то, если повезет!..

Следственная бригада отправилась к месту своей дислокации, оставив мои сердце и голову в полном недоумении. Я никоим образом не понимала, что произошло, а оттого мне было очень маятно и абсолютно не было возможности найти себе место в пространстве.

Ах, может быть, это и в самом деле галлюцинации? Может, и впрямь токсикоз повинен в наваждении?..

Накинув на плечи пальто, я во второй раз за сегодняшний вечер выехала со двора. Была почти ночь, и звезды обтыкали серебром сумрачный небосвод. Шелестел под колесами тающий снег, и кое-где наружу выпячивалась жирная земля.

Я ощущала себя разведчиком, отправившимся на трудное задание в тыл врага. Самое интересное, что это так и было на самом деле. Меня тянуло, меня стремил к логову моего преследователя, которого я сегодня убила точным ударом в висок!

Я подъехала к его дому со двора, с трудом проделывая колею в прессованном снеге своей коляской. Из его окна падал желтый свет, высвечивающий стволы яблонь и вишен.

Подкатившись вплотную, я уставилась через мутноватое стекло и тотчас увидела его. Сапер стоял по пояс голый; он оказался чрезвычайно мускулистым, с треугольной, как у боксера, спиной. Его голова, посаженная на крепкую шею, склонилась над полом, на дубовых досках которого лежала обнаженная Соня с круглыми от ужаса глазами. Правой

рукой Владимир Викторович сжимал черную палочку с острым концом, сверкающую в свете лампы эбеновым деревом. В углу комнаты стояла огромная пустая бутылка с тонким горлом. В таких емкостях обычно готовят домашнее вино.

Владимир Викторович взмахнул палочкой, словно фокусник, я услышала, как завывала в ужасе Соня, в комнате погас свет, что-то сверкнуло в темноте падающей звездой, и все в природе затихло затем, оставляя ночь покойной.

Заинтригованная происходящим, нашпигованная массой вопросов, я было собралась уже путешествовать обратно к дому, как свет в доме вспыхнул вновь, открывая моему взору картину совершенно иную.

Сапер сидел за столом, одетый в толстый свитер, и пил чай, прихлебывая его, горячий, из расписного блюдца. Сони в комнате не было, не было и бутылки из-под домашнего вина.

Галлюцинации, – уверилась я абсолютно. – Меня преследуют галлюцинации!

Успокоившись своей уверенностью, я отправилась к родному двору и, нуждающаяся в расслаблении, вытащила из шкафа Лучшего Друга. Я щелкнула костяшкой его пальца, и он сразу же заласкался ко мне сладкой кошечкой, добрым щенком.

Ах, мой славный Евгений! Как я счастлива, что все произошедшее со мною сегодня – лишь плод моего отравленного беременностью воображения. Только в нездоровую голову могут войти фантазии такого странного рода. Как я могла вообразить и на секунду поверить, что мое чрево может понести от Владимира Викторовича! Его гадкое семя достойно только печи, но никак не моей муши, тем более развиться в голубоглазую девочку!

Знаете, что мне пришло в голову?.. А не поехать ли мне в санаторий, в котором мы когда-то с вами познакомились? Вероятно, там мне будет легче носить наше детище, охраняя его от посягательств на незаконное отцовство. А может, и вы потянетесь в санаторий следом за мною, и я наконец поцелую ваши глаза, осушив на них слезы долгожданной встречи!

На досуге я очень часто думаю о вашем товарище Бычкове и о его неземной любви к толстой Асе. Почему-то я уверена, что он обязательно ее сыщит и они нарожают множество толстых детишек, которые непременно станут друзьями нашей дочечки.

Вы рассказывали, что поиски Бычкова ведут в Санкт-Петербургскую область?.. Дайте ему мой адрес, чтобы он при okazji навестил меня, уж очень хочется посмотреть на него и познакомиться с товарищем отца моего

ребенка...

Почему-то интимные ласки Лучшего Друга более не воодушевляют моего тела, как ранее. Вероятно, сказывается беременность, защищающая себя понижением чувствительности к петтингу.

Вы знаете, Женечка, меня безусловно затягивают передачи про пространственные и временные измерения! Никак из головы нейдут столкнувшиеся в бесконечности пули! Уж я бы хотела иметь такой талисман и носить его на шее, как символ другой жизни и другого измерения, в котором моя душа присвоится каким-нибудь жучком наподобие вашего *Niprotomus*'а. Тогда я влюблюсь в пожилого паука и буду жить с ним в качающейся на ветру паутине!

Ах, моими бы молитвами заполучить следующую жизнь, пусть с шестнадцатью ножками и длинными усами, но лишь бы перебраться в нее!..

Женечка, любимый мой! Как я тоскую без вас, кто бы знал! Придите ко мне в сегодняшнем сне, и мое тело даст пристанище вашему, и мы взлетим под самый купол мироздания и споем песню чистой и светлой любви!

Ваша навсегда

Анна Веллер

P.S. Ах!..

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Отправлено 4-го марта
по адресу: Санкт-Петербургская область, поселок Шавыринский,
д. 133.

Анне Веллер.

Я чернею от злости! Не знаю, но мне трудно удерживать себя в руках, когда я перечитываю строки вашего письма, в которых говорится о существовании возможности того, что не я отец нашей девочки, а какой-то подонок Владимир Викторович!..

Я схожу с ума и готов поднять на ноги все спецподразделения Санкт-Петербурга, чтобы они добрались до этого сапера и засунули бы ему в штаны секретную мину "Кузьку". Пусть он ее разминирует!..

Если бы вы в конце своего послания не выразили уверенность в том, что все это плод ваших галлюцинаций, не знаю, какую бы я мог учинить над собою гадость!.. Мог бы наподобие вашего Бутиеро прижать к груди Лучшую Подругу и выброситься с ней в окно ненужным мусором!.. Смотрите же, Анна Фридриховна, берегите нашего ребенка, как свои фантазии о пространственных измерениях! Пусть наша любовь будет помещена в сосуд Готлиба и распространится во все параллельные миры, заполняя их просторы своим мускатным запахом!..

– Какая разница? – спросил Niprotomus.

– О чем вы?

– Не понимаю, какая разница, вы отец ребенка или кто-то там еще!

– Иногда меня ваша тупость просто поражает! – рассердился я. – Какая-то косность в ваших жучьих мозгах!

– Это в ваших мозгах слишком много темных мест! – заспорил жук. – Ну посудите сами, если вы воспитываете ребенка, холите и нежите его, любите, как самый праведный отец, всю жизнь, а потом, на его восемнадцатилетии узнаете от своей верной жены, что не вы вовсе отец, а какой-нибудь инженер-путеец, хорошо певший в молодости под гитару, с которым ваша супружница в романтическом опьянении согрешила всего лишь раз!.. Я вас спрашиваю, будете ли вы любить выращенную вами красавицу дочь меньше, чем ранее, оттого, что не вы посадили свое семечко во влажную земельку жены?

– Да, – ответил я уверенно.

– Что – да?

От этого его повторного вопроса я вдруг задумался и лежал долго лицом вниз, чувствуя, как Лучшая Подруга массирует тело своими крепкими пальцами.

После того, как я полежал таким образом и подумал, я уже не был так категоричен. Мне вдруг показалось, что при таком теоретическом раскладе моя любовь к дочери окажется более сильной, так как к ней прибавится мучительности и одновременно мужского отношения к женщине, возможности любить ее несколько по-другому, как дочь и одновременно падчерицу!

– Вот-вот! – порадовался Niprotomus. – Что и требовалось доказать!

– У вас сколько детей? – поинтересовался я.

Жук пошевелился в шишке и легонько ткнул своей иголкой кожу изнутри.

– А Бог его знает. Тысяч двадцать, тридцать, может быть...

– Ого! – присвистнул я, привставая, но Лучшая Подруга хлопнула меня по спине, заставляя опуститься на подушки.

– А вы как думаете, – с некоторой гордостью подтвердил Niprotomus. – У нас женщины за раз тысяч по пятьдесят личинок откладывают. Другое дело, что из всех родившихся выживают сотни. А что делать?!

– Поэтому вам все равно, ваши дети или чужие!

– Абсолютно плевать! Я их никогда не видел!

– А у нас, у людей, рождаются единицы, поэтому мы и любим своих чад безумно, готовые жертвовать ради них даже жизнями!

– Ой! – вздрогнул жук. – Что там такое на окне?

– Где?

– Да вон же, в форточке?

Я внимательно посмотрел через плечо, но ничего такого, привлекающего внимание, не заметил.

– Наверное, показалось! – облегченно вздохнул Niprotomus. – Все та мерзкая птица мерещится! Слава Богу, что вы ее тогда прибили!

Я не стал говорить ему, что цветная птичка выжила, что у нее лишь крыло поломалось и какая-то добрая школьница подобрала ее со снега и, наверное, выхаживает в своей уютной квартирке, кормя свежими червячками из зоомагазина.

– А у меня для вас сюрприз!

– Какой же? – заинтересовался жук.

Я приподнял подушку и вытащил из-под нее баночку, в которой по наложенной травке, перебирая множеством лапок, бегало насекомое коричневого цвета с длинными, загнутыми на концах усам.

– Вот, – потряс я баночкой. – Мой вам подарок!

– Ах какая прелесть! – умилился *Niprotomus*. – Какое прекрасное создание!.. Когда же вы ее приобрели?

– Когда вы под перекисью находились.

– Ай, да какая разница! – воскликнул он. – Редкостная красавица! А молоденькая какая, прямо не тронутая еще! Ну, удружили! Ну, вам спасибоще огромное!

Niprotomus зашевелился нервно под кожей, словно ему не терпелось поскорее забраться в баночку и познакомиться с жучихой.

– А кстати, – поинтересовался я. – Откуда вам известно, что это она, а не он?

– Экий вы все-таки странный! Ну неужели вы думаете, что я не в состоянии отличить Ее от Него! Вы же находите разницу между мужчиной и женщиной!

– Ну, это просто! Слишком много даже внешних различий!

– Ну и у нас много отличий!

– Каких? – не унимался я.

– Господи, вот пристал! – разозлился жук. – Все как у вас! Видите, у нее брюшко на конце чуть раздвоено?.. Вот оттуда она яйца кладет. А головка какая у нее милая! А запах!.. Все совершенно женское! Неужели не видно?!

– Конечно-конечно! – успокоил я *Niprotomus*'а. – Простите меня за мое невежество! Уж в следующей жизни я научусь отличать жуков от жучих!

– Так-то, – сказала насекомое, и я различил в его голосе некоторое сомнение. – Э-хе-хе-хе...

– В чем дело?

– Да ни в чем.

– А все-таки?

– Отнесите ее обратно в магазин!

– Зачем же?! – удивился я несказанно.

– Вы ее специально приобрели, чтобы меня выманить из руки, а затем раздавить каблуком!

– Чушь какая! У вас нездоровое воображение! Да и будь у меня каблуки, ноги все равно не двигаются!

– Ну гадостью какой-нибудь обольете! Дихлофосом или чем еще!

– Перестаньте молоть ерунду! – прикрикнул я. – Зачем мне вас давить или травить? Я просто могу вас выкинуть в окно и скормить голубям!..

– Это правда.

Я вздохнул и признался:

– Привык я к вам, честно говоря... Да и потом, вы мне вернули то, на что я уже никогда не надеялся!..

– Не врите?

– Совершенно нет.

– Значит, я могу выбраться из-под вашей кожи, а потом вернуться обратно?

– Когда хотите.

– Спасибо. Могу я сделать это сейчас?

– Она вас ждет.

– Я иду! Положите руку горизонтально!

Я вытянул руку, уложив ее рядом с баночкой, в которой копошилась жучиха, ожидая появления *Niprotomus*'а. Он не заставил себя долго ждать. В шишке произошло сильное волнение, мощный укол иглы прорвал кожу, и под мой крик сквозь образовавшееся отверстие жук появился на свет.

Он оказался совсем не таким, как я его представлял. Я вообще не думал, что так может выглядеть насекомое!

Niprotomus был цвета молочной сыворотки. Его тело было совершенно прозрачным, и сквозь отвисшее брюшко просвечивали свернувшиеся внутренности. Рогамы оказались два розовых отростка, панцирь отсутствовал вовсе, а спину венчали два недоразвитых слюдянистых крыла, смятых от долгого пребывания под кожей. Он зашевелил всеми своими многочисленными ножками, как будто разминал ослабевшие суставы, и посмотрел на меня огромными, выпуклыми, розовыми глазами. А говорил, что без глаз и с панцирем...

Честно говоря, меня чуть не стошнило от созерцания своего соседа, я чудом подавил мощный спазм и поднес руку к банке.

– Вперед! – сказал я громко, сглатывая соленую слюну.

Niprotomus на удивление ловко спрыгнул на проложенное травой дно банки и зашевелил розовыми глазами, рассматривая подергивающую усамы самку. Затем он подполз к ней ближе, расправил склизкое крылышко и дотронулся им до жучихино панциря. Самочка от этого движения опустила свое брюшко и затыкала им в стеклянную стенку, оставляя на ней мокрые следы.

Действительно, все как у людей, – подумал я и вдруг поймал себя на мысли: а не раздавить ли мне *Niprotomus*'а в самом деле, избавиться от надоевшей твари в одно мгновение?

Пока я искал ответ на этот непростой вопрос, жук взобрался на самочку, и из его нутра появилась иголочка-сабелька, которой он обычно тыкал меня в кожу, когда чем-нибудь был недоволен. Сабелька изогнулась и

пронзила жучихино раздвоенное брюшко.

Если я его раздавлю, то не смогу более любить! – подумал я. – Пусть живет...

Тело *Niprotomus*'а сокращалось подобно человеческому, розовые глаза застыли льдышками, а передние лапки дрожали в экстазе.

Самочка внешне никак не реагировала на дерганье жука, лишь усы ее шевелились, определяя влажность воздуха.

Их любовное соитие продолжалось около десяти минут. Затем тело *Niprotomus*'а задергалось в конвульсиях, огромные глаза завертелись по кругу, он разрядился в два мгновения и убрал свою укоротившуюся сабельку обратно в прозрачное тельце.

– Домой? – спросил я, и мне показалось, что жук в ответ кивнул головкой. – Тогда вот вам моя рука.

Я протянул ее к банке, он выбрался на кожу и побрел к отверстию, слегка сочащемуся кровью.

Спружинив всеми лапками, заработав крыльшками, *Niprotomus* взметнулся под самый потолок, завис под ним на мгновение, а затем, рухнув пикирующим бомбардировщиком на мою руку, забрался под кожу, проделав в ней новое отверстие.

– А-а-а! – закричал я.

Жук заворочался, устраиваясь поудобнее в шишке, а определившись, сказал:

– Вы баночку под кровать поставьте. Там ей будет приятно и не жарко.

– Как скажете, – согласился я, засовывая банку с жучихой в угол под пружины, кривясь от боли и жалея, что все-таки не раздавил надоедливое насекомое.

– Ах какая все же красавица! Изумительная!..

– Рассказывайте! – скомандовал я, испытывая потепление во всем теле от массажа Лучшей Подруги.

– Что? – не понял *Niprotomus*.

– Рассказывайте свою историю, пока я добрый!

– Что, в самом деле?

– Валяйте про ваши беды!

– Притомился я, – пожаловался жук. – Да и о грустном после веселого как-то несподручно.

– Как знаете. Другого шанса может и не быть.

– Ах, что с вами поделаешь! – с притворством вздохнул сосед. – Слушайте, но предупреждаю – финал сей истории столь печален и ошеломителен, что может серьезно ранить ваше сердце!

– Смелее! – подбодрил я. – Будем надеяться, что сердце выдержит!

– Итак, Полин умерла... – продолжил рассказ Niprotomus. – Я страдал несказанно!.. Так высока была вершина моей трагедии, что моя милая нянька Настузя была готова отдать свою жизнь тотчас, дабы мои мучения сократились хотя бы на толику... Я был вынужден признаться, что пророчества старого следователя сбылись и женщины, черпающие нежность и любовь из моего сердца, любимые мои женщины погибли, убив себя в силу причин, вам уже известных. И тогда, находясь на пике своего трагизма, сам качающийся между жизнью и смертью, я поклялся всем богам и самому себе, что более никогда не сблизюсь с женщиной душевно и любовно, что в трезвом рассудке своем не возжелаю любви слабого существа под страхом собственной гибели!.. Коли суждено любимым созданиям гибнуть в моей ядовитой тени, то я вовсе оттолкну их, оставшись до смерти чистым духовно и телесно!

Целыми днями я проводил время, стреляя из лука. Лишь это спортивное занятие помогало мне унять свою плоть и желание души любить. Насыщенные и наполненные желанием страсти, стрелы летели точно в цель, поражая мишени в самые сердцевины... Со временем я стал принимать участие в небольших соревнованиях, в которых обычно занимал самые высокие призовые места. А однажды, когда я вступил на пьедестал почета первым номером, мне в подарок вручили колчан со стрелами, среди которых была стрела с золотым наконечником.

Меня даже приглашали на международные соревнования, но я всегда отказывался от такой чести, так как нисколько не был тщеславен, занимаясь спортом лишь для успокоения непокорной плоти.

А через десять лет после смерти Полины началась шестидесятилетняя война с Германией, причиной которой послужило убийство Эммануила, сына германского короля, французским террористом, метнувшим в подростка двухфунтовую бомбу.

Несмотря на извинения нашего короля перед осиротевшим Францем IV, войну все же не удалось предотвратить, и все мужское население Франции в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет было мобилизовано.

Мне довелось пережить все страдания, являющиеся атрибутами любой войны. Я голодал и замерзал от холода, я был тяжело ранен в грудь осколком снаряда, и если бы не Настузя, добровольцем вступившая в армию санитаркой и вытащившая меня с поля боя, заваленного пудами человеческого мяса, то, вероятно, я бы еще тогда отдал Богу душу.

Настузя обнаружила меня за холмиком. Я лежал бессознанный,

пробитый куском раскаленного металла почти под самым сердцем, и изо рта вытекала струйкой кровь, паря в зимнее небо и пузырясь от моего неровного дыхания.

Нянька промокнула рану ватой и, перемотав накрепко бинтами, ухватилась за воротник моей шинели и потянула тяжелое тело по снегу к родным позициям. От рывков я пришел в себя и увидел ее черную головку с трясущимися от усилий кудряшками.

– Ничего, мой дорогой! – улыбнулась она. – Я спасу тебя непременно!

– Лук мой возьми! – взмолился я. – И колчан со стрелами!..

– Возьму, милый! Успокойся, родной!

И тут я увидел протянутые к нам из-за соседней насыпи руки. Руки были черными, с длинными сильными пальцами и принадлежали огромному солдату-негру, лицо которого затекло кровью, лишь глаза просили о помощи, особенно выделяясь выпуклыми белками на багровом фоне.

– Настузя! – прошамкал негр раненым ртом. – Настузя!..

И я узнал его. Сквозь ускользящее сознание я ухватился за вспомнившийся образ и признал в нем знакомого негра Бимбо, который любил когда-то мою няньку самым страстным образом и которого я сделал навсегда несчастным в порыве юношеского эгоизма.

Сейчас Бимбо с раскроенной головой, через шевелюру которой проступали розовые мозги, тянул к нам свои руки и шептал умирающим горлом:

– Настузя! Любовь моя!

Она узнала его с первого взгляда. Она вспомнила его по голосу... Несмотря на то что с момента их разлуки прошло более двадцати лет, не обращая внимания на искореженную голову своего давнего возлюбленного, Настузя признала в умирающем эфиопе своего Бимбо, единственного мужчину, ее любившего, а теперь протягивающего к ней свои руки, дабы ухватиться за обрывающуюся жизнь и скончаться под благословения любви.

– Ах, мой Бимбо! – вскричала нянька и было рванулась навстречу своей молодости, как споткнулась о мои глаза, закатывающиеся под надбровные дуги предвестниками конца, и осеклась на полушаге.

– Иди к нему... – прошептал я. – Иди!..

Но она уже сделала выбор между двумя родными душами, точно такой же, как и двадцать лет назад, честно исполняя свой долг няньки сына Русского Императора. Она вновь ухватилась за воротник моей шинели и потянула мое бессознательное тело к нашим позициям, заливаясь от

чудовищного горя слезами.

– Прощай, мой дорогой Бимбо! – скулила она. – Прости меня, любимый! – И тащила меня, тащила. – Кроме тебя в моей жизни был и есть только один мужчина, мой Аджип Сандал! – Она в последний раз обернулась в поле и втащила мое тело в отечественный окоп.

Меня вовремя успели доставить в лазарет. Еще несколько минут, признался хирург, и уже никакие чудеса медицины не были бы способны удержать мою душу в раненой груди.

Осколок извлекли из-под ребра, подлатали сердечную мышцу и уложили меня в палату выздоравливать.

А уже совсем вечером, когда на позиции сходила ночь, давая возможность воинам отдохнуть перед следующим сражением, моя Настузя сидела под зимним небом и ждала возвращения специальной команды, вытаскивающей с поля боя под покровом темноты тела погибших.

Она смотрела своими ночными глазами в мертвое пространство и почти не оглядывалась на солдат, проносящих носилки с мертвецами. Она точно знала, что почувствует, когда вынесут Бимбо... И верно: что-то повернулось у нее под сердцем, что-то защемило в душе в нужное время, и она незамедлительно бросилась к санитарам, умоляя поставить носилки на землю, и, откинув брезентовое покрывало, нашла под ним своего черного Геркулеса, почившего от ран с открытыми глазами, в которых застыла последней фотографией любовь.

Настузя сама обмыла его. Со всей нежностью, накопившейся за годы, она ласкала его тело на прощание, смывая влажной губкой военную пыль с опавшей на выдохе груди, с расслабившихся навеки плечей, плоского живота, уже остывшего, словно пустыня на ночь, и бедер, даривших ей когда-то всю радость мира... Она прикоснулась ладонью к лицу Бимбо и закрыла ему глаза навсегда.

Когда Бимбо опускали в общую могилу, Настузя что-то шептала одними губами. Или молитву, или просто обращалась к небесам, обещая встречу своему мужчине, как только сможет решиться.

А когда над могилой насыпали холм земли, она поклонилась кладбищу и пришла в палату лазарета, где принялась с любовью выхаживать меня – последнего мужчину, оставшегося в ее жизни...

Я выздоравливал почти полгода, а когда меня выписали и предложили демобилизоваться, я наотрез отказался от мирной жизни, ссылаясь на то, что мне необходимо полностью рассчитаться со своим врагом.

На самом деле война – то единственное, что отвлекало меня от мучительного желания любить, и я без страха и упрека бросался во все

самые опасные бои и операции, в которых принимали участие лишь самые отчаянные добровольцы.

Отобрав одно, жизнь обычно сохраняет что-то другое. До конца войны меня более ни разу не ранили, а зажившую грудь украсили два ряда боевых наград, рассказывающих обывателям о моей героической натуре.

В самом конце войны я и десять моих солдат попали в окружение. Немцы, уже осознавшие свое глобальное поражение на этом историческом промежутке времени, со всей злостью загнанного в угол зверя пытались уничтожить мой отряд, укрепившийся на небольшой высоте.

Во время передышек Настузя перевязывала раненых, а уцелевшие готовились к новым атакам. Именно в тот день мне понадобилось умение стрелять из лука, так как боеприпасы заканчивались, а вертолет, который должен был нас вытащить из этого пекла, все не появлялся.

– Господи, что это? – вскричал наблюдающий солдат, глядя с высоты вниз.

Все проследили за его взглядом и открыли от удивления, а следом и от ужаса рты.

Внизу, во все поле, на нас мчались собаки. Они не лаяли, а бежали своим галопом молча, а оттого становилось совсем жутко.

– Доберманы! – сказал кто-то.

– Доги, – опроверг другой.

– Вот скоты, даже и собак не жалеют!

– Они нас не жалеют, а не собак! – вступил в беседу третий.

– Гранатами забросаем! Собаки не люди, отстреливаться не станут!

– А у нас гранат штук пять всего, а их штук триста или все пятьсот!

– Это не доберманы и не доги, – констатировал еще один. – Это питбули.

– Приготовиться к бою! – приказал я и передернул затвор автомата.

Рядом с собою я услышал такие же металлические клацанья. Я верил в то, что солдаты не подведут и что мы сможем перестрелять этих тварей.

Они навалились на нас со всех сторон, обрушиваясь в окоп простреленными телами, лязгающие жадными пальцами, истекающие желтой экстазной слюной, и я видел, как один из солдат повалился на землю с разорванным горлом. Бешеная тварь продолжала рвать его мертвую плоть до тех пор, пока ударом приклада ей не размозжили голову.

Я продолжал поливать свинцом пространство, тогда как у других уже кончились патроны и они отбивались от питбулей с помощью штык-ножей.

Наконец я расслышал звук лопастей приближающегося вертолета.

– Еще немного! – прокричал я.

Весь наш окоп был завален сдохшими псячьими телами с оскаленными от застывшей злобы пастьями, а новые все напирали и напирали сзади, находя свою смерть на этой уже кончающейся войне.

Вертолет не стал садиться, а спустил веревочную лестницу, и я приказал всем подниматься по одному.

– Быстрее-быстрее! – орал я, стреляя в собачье море с остервенением, пока последний солдат не скрылся в кабине вертолета и я не остался в окопе один.

Они поддерживали меня огнем сверху, но стреляли осторожно, отсекая лишь основную собачью свору, боясь ранить меня случайно.

Я уже вступил на веревочную лестницу, когда в рожке кончились патроны, и, пользуясь этой невооруженной секундой, одна тварь с крысячьей мордой отчаянно прыгнула, вцепилась мне зубами в сапог и рванула его в бешеной злобе.

Я сжал в сапоге пальцы, вертолет стал подниматься, увлекая меня на веревочной лестнице с болтающейся на ноге собакой... Передернувшись от омерзения, я затряс ногой со всей силой, на какую был способен! Сапог соскользнул с ноги и рухнул на землю вместе с питбулем, который не заметил ни своего взлета, ни падения, а все продолжал вгрызаться в свиную кожу моей утерянной обуви.

И тогда я снял с плеча лук, вытащил из колчана стрелу, натянул тетиву и выстрелил...

Даже в свое последнее мгновение жизни собака не заскулила, а лишь еще более оскалила пасть с желтыми зубами и сдохла рядом с сапогом.

Только в кабине вертолета, осматривая свой лук, я понял, что в горячке вытащил из колчана стрелу с золотым наконечником, навсегда израсходовав свою награду на ничтожную собачью жизнь...

Но так или иначе, война закончилась, и мне пришлось вернуться к обыденной жизни, развлекаясь лишь стрельбой из лука и поглощением устриц в огромных количествах.

Я заметно растолстел, и лишний вес помогал глушить мои эротические фантазии, которые, впрочем, стали приходить ко мне гораздо реже, разве что когда я чрезмерно употреблял вина и острой пищи.

Через восемь лет после войны я познакомился на стрельбище с русским послом, поселившимся в Париже лишь месяц назад, после того как Франция установила с Россией дипломатические отношения.

Посол оказался молодым человеком лет тридцати пяти и так же, как и я, увлекался стрельбой из лука.

Нас свел старый Лу, хозяин стрельбища, нашептав послу, что я тоже

русский и что двое русских на одном стрельбище вещь чрезвычайная – такая малая и далекая нация одарила стрелковый спорт двумя русскими лучниками, волею судеб оказавшимися в одном маленьком пространстве.

– А много ли русских в Париже? – поинтересовался я у посла.

– Человек пятнадцать, – ответил он, запуская стрелу в короткое путешествие. – А вы как давно в Париже?

– Более сорока лет.

– Ого! – присвистнул посол. – Как вам удалось оттуда выбраться в те времена?

– Меня выслал Российский Император.

Он посмотрел на меня с недоверием, утер со лба пот и сказал вежливо:

– За всю историю России из страны был выслан лишь один человек – сын Императора, Аджип Сандап.

– Это я.

Протягивая послу руку, я заметил, как он заметно побледнел, но все же совладал с собою и пожал мою ладонь.

– Ахмед Самед, – представился он.

После тренировки я пригласил русского посла отобедать в "Рамазане", и он любезно принял мое приглашение, так как никогда не пробовал еще устриц и даже не знал, как они выглядят.

– Они похожи на укромное местечко моей жены! – с восторгом воскликнул он, когда перед ним поставили огромное блюдо с моллюсками, уложенными на кубиках льда раскрытыми раковинами. – И на вкус точно такие же!

Я вспомнил, что подобное сравнение пришло мне на ум более тридцати пяти лет назад, когда я познакомился с хохотушкой Бертран, научившей меня всем премудростям любви, подмешав к ним устричного вкуса и здорового смеха.

– Это очень старое кафе, – сказал я. – В него приходят только знатоки... Как там, в России?

– Все по-прежнему, – ответил Ахмед, запивая очередную устрицу вином. – Мне нравится быть здесь, в Париже! Все-таки огромный город, больше, чем вся Россия, вместе взятая! Обратно, цивилизация!..

– А как мой брат?

– Брат?.. Я не знаю вашего брата, – признался посол.

– Мой брат – Русский Император.

– Порфирий?! – удивился он. – Ах да! У вас же общий отец!..

Неожиданно Ахмед икнул, выскочил из-за стола и склонился передо мною в низком поклоне.

– Простите меня! – бормотал он. – Просто в голове не совместилось! Ваше Высочество!..

– Прекратите! – возмутился я, поймав на себе изумленные взгляды завсегдатаев "Рамазана", никогда ранее не державших меня за важную персону. – Немедленно сядьте за стол.

– Слушаюсь! – повиновался посол.

– Итак, как мой брат? – повторил я свой вопрос, когда он уселся за стол и унял икоту стаканом газированной воды. – Я его никогда не видел, только раз на газетной фотографии. Знаете ли, у нас о России мало пишут...

– Все хорошо! Его Величество здравствует и мудро правит страной!

– Он женат?

– Государыня Российская, Марья Петровна, мудрая и достойнейшая женщина во всех отношениях!

– Давайте по-простому, – попросил я.

– Никак нельзя! Я лицо официальное и должен все по протоколу!.. К тому же прошу простить меня, но более личным временем я не располагаю!

Ахмед вышел из-за стола, еще раз поклонился мне в пояс и спешно покинул "Рамазан".

С тех пор я его не видел. Он перестал приходить на тренировки, и Лу высказал предположение, что на одном стрельбище двое русских – действительно перебор!

– Экая странность, – пожал плечами старик. – Заплатил за год, а пришел лишь раз!..

... Я познакомился с ней через три года. Она была дочкой моих знакомых адвокатов, и в январе ей исполнилось лишь десять.

Она вышла из своей спальни, когда мы, устроившись у камина, пили чай и обсуждали казусы современной юриспруденции.

– Но это же глупость сажать мужчину в тюрьму лишь за то, что он спал со своей женой абсолютно голым! – возмутился я.

– Никто его, конечно, не посадит! – отвечала хозяйка дома. – Это будет всего-навсего прецедентом для внесения поправок в закон, который не менялся последние двести лет!

– Тем не менее он сидит в камере!

– Это до суда, да и то потому, что у него нет денег для залога!

– Если бы он занавесил окна, когда решил доставить своей жене удовольствие, – поддержал разговор хозяин дома, слегка взмахнув гривой темных с проседью волос, – если бы он не дал возможности подросткам

заглянуть в его окно, то лежал бы себе сейчас под боком своей жены!

– А за то, что подростки заглядывают в чужие окна, привлекать не надо?! – не унимался я.

– Можно принудить их родителей к штрафу, – ответила хозяйка. – Но это уже другое дело.

– Подумать только! Если бы на нем были хоть носки, то у закона не было бы вопросов! Глупость какая!.. Вы тоже спите в носках? – поинтересовался я у хозяина.

Он улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Но я не снимаю часов! – уточнил он.

В этот момент она и появилась. В красной пижаме, заспанная, стриженная под каре и рыжая, она стояла босая на ковре и смотрела на нас вопросительно.

– Почему вы разговариваете так громко?

– Прости, дорогая! – сказал отец. – Мы увлеклись.

Мать вышла из-за стола, взяла девочку на руки и, извинившись, ушла наверх.

– Как ее зовут?

– Ида, – ответил хозяин, улыбнувшись...

К этому времени мне исполнилось пятьдесят пять лет, и я был совершенно один, если не считать моей милой, постаревшей Настузы.

Что-то произошло со мною тем вечером, когда я увидел в доме своих знакомых эту маленькую девочку с серьезным лицом и со следами от подушки на щеке. Что-то загрустило в моем сердце, не давая спокойно спать, и путало сновидения с наваждениями, расстраивая меня совершенно.

Целую неделю я ходил сам не свой, постоянно видя перед собою ее босые ножки, так удобно вставшие на пушистом ковре, и губки, алые в тон пижаме.

– Что со мною? – спросил я няньку.

– То же, что и со мною, – ответила Настузя. – Твое сердце полно любовью, и тебе некуда ее расплескивать. У тебя, как и у меня, не было детей и не на кого проливать свою отцовскую доброту и нежность. А теперь мы с тобою уже годимся в дедушки и бабушки, а потому всякое кукольное личико вызывает в нас умильное желание потрогать эту нежную кожу на шейке и поцеловать завиточек над ушком... Так-то вот...

И когда во мне совместились мое томящее чувство со словами, сказанными мудрой Настузей, болезнь моя облегчилась, я подумал, что вот та любовь, которая не принесет в своем финале драмы, вот то чувство, которое вознесет мою душу, не оскверняя тела, и все в конце закончится

самым естественным образом. Я благословлю свой предмет любви и умру спокойно и со счастьем в груди...

С этой минуты я стал часто бывать в доме своих знакомых адвокатов, ставших со временем моими добрыми друзьями.

Я никак не мог налюбоваться на Иду и баловал девочку со всем отчаянием, как самый любящий отец. Я задаривал ее самыми дорогими игрушками, ходил с ней в зоопарк и поднимался на Эйфелеву башню, рассказывал малютке самые интересные сказки, которые помнил еще со времен своего детства.

Она с удовольствием слушала про Репку и про Илью Муромца, про Кощея Бессмертного и Бабу Ягу, сажающую Ивана-дурака в печь, а про Царевну-лягушку сказала, что это самая хорошая сказка, которую она слышала.

– Может быть, те лягушки, которых мы с тобою видели в зоопарке, – предположила Ида, – может быть, под их кожей тоже скрываются царевны?

– Может быть, – согласился я.

– И им тоже повстречается Иван, запустив стрелу в болото?

Я кивнул.

– И потом, когда Иван полюбит царевну, он сожжет ее кожу в печке, чтобы она всегда принадлежала только ему? А царевна из-за этого уйдет к злому Змею Горынычу?

– Все может быть.

– Но Иван спасет ее, отрубив Змею головы, и, проживет с нею счастливо?

– Ага.

– Почему ты со всем соглашаешься? – спросила Ида, держа мою руку в своей теплой ладошке.

– Потому что ты права...

– У вас чудесная дочь! – признавался я родителям Иды. – Только вы не настораживайтесь по моему поводу! Просто у меня нет своих детей, а очень надо кого-то любить!

– Почему вы не женитесь? – спросила мать. – Вы ведь еще не старый и сможете иметь своих детей!..

– Не складывается, – пожал я плечами и улыбнулся...

– Ты очень хороший! – сказала мне как-то Ида, когда я по ее просьбе рассказал Царевну-лягушку во второй раз. – Ты лучше моих родителей, и я жалею, что ты не мой папа.

Тогда я чуть не расплакался и объяснил девочке, что мне в глаз попала соринка и что ее родители прекрасные люди и очень любят ее!

– Да? – спросила девочка, заглянув мне в глаза.

– Да, – ответил я, убирая с ее лба рыжие волосы...

Когда на следующий день я пришел в дом адвокатов, чтобы взять с собою Иду на рождественский каток, то дорогу мне перегородила гувернантка-немка и сказала с неприятным акцентом, что меня отныне не велено пускать!

– Почему? – удивился я.

– Без комментариев, – произнесла немка надменно и захлопнула перед моим носом дверь.

Когда вечером этого же дня я набрал номер их телефона и попросил хозяйку дома, то мне ответили, что госпожа отсутствует, а впрочем, она не велела соединять ее с господином Аджип Сандамом в какое бы то ни было время!

Что происходит?! – мучился я в невыносимом желании видеть Иду. – За что они причиняют мне такую боль?!

Наконец мне удалось подкараулить отца девочки возле Министерства юстиции, и он, взмахнув гривой своих темных с проседью волос, объяснил мне:

– Вы должны понять. Она ревнует, так как Ида относится к вам куда лучше, нежели ко мне и к матери. А недавно она сказала прямо, что хотела бы жить с вами, чтобы вы были ее отцом!.. Вы понимаете, моя жена Бог весть что подумала, и мне с трудом удалось убедить ее, чтобы она не возбуждала против вас преследований со стороны закона!..

– Но в моих чувствах к девочке нет ничего дурного!.. – попытался возразить я.

– Да знаю я! – махнул рукою адвокат. – Но поймите же, что это наш ребенок, а не ваш, и что мы имеем прав на него куда больше, чем вы!.. Возьмите ребенка из приюта, в конце концов! Хотите, я вам поспособствую в этом?!

– Хорошо. Я более не буду вас преследовать.

– Прошу понять нас, – попросил адвокат, встряхнув напоследок своими красивыми волосами. – И не держите зла!..

Той же ночью меня забрали в больницу с сердечным приступом.

Когда я пришел в себя в реанимационной палате, то обнаружил рядом Настю и доктора, который прилаживал к моей руке капельницу.

– Это, видимо, шовчик, оставшийся с войны, вас потревожил! – объяснил он. – Сердце-то хорошее для ваших лет, а вот голова его мучает изрядно. Надо бы нервы успокоить!..

Я кивнул и попытался улыбнуться старой няньке. Она перехватила

мою улыбку своими ночными глазами и вздохнула – мол, что делать, все переживем...

Последующие шесть лет я почти не выбирался из дома. Лишь иногда в кафе "Рамазан", чтобы съесть полдюжины устриц, или на стрельбище.

Старый Лу умер, и лучниками заправлял его сын. Он приветливо мне улыбался и приглашал к мишеням, призывно чернеющим на белом снегу.

– Для вас бесплатно, – соблазнял он. – Как старому клиенту!

Но я более не стрелял из лука, расставаясь с силой в руках и меткостью глаза, и лишь наблюдал за молодыми, как у них все прекрасно получается, как наполнена энергией тетива, как свистят азартом новенькие стрелы...

Как-то я случайно зашел в небольшое кафе на улице Коперника и, заказав чашечку кофе, пролистывал свежие газеты.

– Можно сесть с вами? – услышал я женский голос и механически кивнул ему навстречу.

– Спасибо, – поблагодарила девушка и попросила официанта принести ей нежирный йогурт с овсяными печеньями.

И тут я случайно поднял на нее глаза...

Это была моя Ида... Она была прекрасна, и ее рыжие, огненно-рыжие волосы укрывали худые точеные плечи, а глаза, серьезные и глубокие, смотрели на меня пристально, как бы медленно, но все же что-то узнавая во мне – краешек из далекого прошлого.

– Вы – Ида? – спросил я, внезапно ослабев.

– Да, – ответила она. – А вы?.. Вы, э-э-э, Аджип Санда?..

И тут она вспомнила. В ее глазах просветлело, брови приподнялись под рыжую челку, она неожиданно схватила меня за руку и поцеловала пальцы.

– Царевна-лягушка?! – радовалась она.

– Так точно, – отвечал я, пока еще не владея собою, трясясь от радости всеми членами.

– Куда же вы тогда пропали? – спросила девушка. – Я так переживала!..

Я пожал плечами и лишь улыбнулся в ответ.

– Со мною даже случился нервный припадок, и целый год мы жили в Италии!

– Я очень рад видеть вас!

– Ой, да зовите меня на ты! Вы же мне были как отец!.. Надо же, Царевна-лягушка!.. Подумать только!..

– Вы стали такая взрослая!.. Извини, ты стала такая взрослая!..

– А ты ничуть не изменился!..

– Да-да...

– Надеюсь, что теперь мы не потеряем друг друга и ты мне завтра же перескажешь Царевну-лягушку! Договорились?

Я кивнул.

– А теперь мне надо идти!

Ида порылась в своей сумочке и достала из нее ручку, которой чиркнула что-то на салфетке.

– Вот мой телефон.

– Ты по-прежнему живешь с родителями? – спросил я, пряча салфетку в карман.

– Родители погибли в авиакатастрофе четыре года назад, и я живу с опекушкой... Обязательно мне завтра позвони, слышишь!..

Я смотрел ей вслед – стройной и рыжеволосой, и сходил с ума от счастья. Я вновь обрел мою Иду, мою маленькую Иду с алыми губками и теплыми ладошками!..

Я стал встречаться с ней каждый день. Она училась на первом курсе университета и, сбегая после занятий по мраморным ступенькам, сочно целовала меня в щеку, брала под руку, и мы шли куда-нибудь обедать.

Потом мы шли в кино и шептались в темноте про всякие глупости, жуя попкорн и запивая его лимонадом.

Каждый день Ида просила меня рассказать ей Царевну-лягушку, и я покорно повторял русскую сказку, придумывая все новые и новые подробности.

– Вот видишь, – радовалась девушка. – Ты еще что-то вспомнил!

– Может быть, – предлагал я, – может быть, тебе рассказать другую сказку?

– Мне нравится эта...

Иногда я покупал Иде красивые вещицы. Например, я подарил ей браслетку с камушками. Впрочем, она не поняла, что браслетка золотая и что каменья, вправленные в золото, самые настоящие изумруды. Она нацепила подарок на тонкую кисть своей руки, покрутила запросто, как бижутерией, блеснула в металле солнцем и сказала:

– Ты настоящий джентльмен!..

А как-то вечером, когда мы сидели в ресторане и шумно смеялись над какой-то глупостью, я вдруг услышал сзади:

– Вот старый кретин! Девчонке, поди, еще и шестнадцати нет, а он седой бородой ее нежные щеки корябает и думает, что ему тоже шестнадцать!..

Словно хлыстом по спине, прошлись эти слова по моим ушам! Я осекся на полуслове и весь как-то обмяк сразу и обвис лишней кожей.

Ида тоже расслышала брошенную грубость, но продолжала улыбаться, хотя глаза ее смотрели в мои и уже мучились моей болью.

– Пойдем отсюда! – предложила она, тут же встала из-за стола, бросила на скатерть купюры по счету и пошла к выходу.

Проходя мимо стола, за которым сидел автор гадости, Ида склонилась на мгновение к уху мелкого обшарпанного человека и на весь ресторан сказала столь бранное слово, что в ту же секунду все зазвенело столовым серебром, выроненным клиентами в фарфоровую посуду.

– Откуда ты знаешь такое? – изумился я, когда мы отошли от ресторана на значительное расстояние.

– Бог его знает, – ответила девушка, улыбаясь всем лицом. – Просто вспомнилось!..

А потом она пригласила меня к себе домой и после чая вдруг поцеловала в губы долгим настоящим поцелуем, в котором я чуть было не поймал рыбку ее языка!

Я хотел что-то говорить, но Ида прикрывала мой рот теплой ладошкой и сама говорила быстро-быстро, захлебываясь чувством как счастьем, и было в ее щебетании столько прекрасного, столько чудного многоцветия, как в оранжерее ботанического сада.

Она говорила, что я глупый, что я близорукий, что она любит меня уже много лет, с тех пор, как я, сжимая маленькую ручку в своей большой, вел ее в зоопарк и показывал всяких зверей и птиц.

Она расстегивала мою рубашку неловко, срывая пуговицы через одну. Они падали с пластмассовым звуком на деревянный пол и катились куда-нибудь в разные стороны с белыми ниточками на хвостах...

Она была в эти минуты агрессором, а я слабо сопротивляющейся жертвой, хотя жертва была куда как опытнее своего хищника.

– Мой дорогой! – шептала Ида. – Мой любимый!..

Я встречал ее неловкие руки своим телом, поддаваясь ласкам все более, пока не сломился совершенно и не стал нападать в свою очередь, припоминая те любовные науки, которые не забываются и за десятилетия.

В какой-то момент она тихо вскрикнула, а потом обмякла подо мною маленькой девочкой...

А потом я увидел на ее коленке алую капельку...

Она спала, обнимая меня за плечи, а я смотрел на себя в зеркало, лежа на боку, и сквозь полумрак видел лицо, заросшее седой щетиной, впалые глаза, безвозвратно теряющие свой цвет, и губы – серые и дряблые.

Господи! – закричал я про себя. – Мне уже за шестьдесят! Мой бег уже слишком быстр, чтобы она, юная и чистая, могла угнаться за мной и перегородить собою прыжок в небытие!.. Господи, почему ты заставляешь меня так мучиться всю жизнь!.. Почему все не ко времени!.. Господи, прошу тебя, дай ей счастья! Пусть слова старого следователя не сбудутся, и пусть она живет всегда, еще долго-долго после меня!..

А потом что-то стало происходить с нами...

Как-то утром, когда она причесывалась перед зеркалом, взметая рыжими волосами, словно крыльями, я заметил седые волоски возле розового ушка. Тогда я ничего не сказал Иде, лишь поцеловал ее в висок.

Через неделю я посетил психотерапевта.

– Разница в возрасте никакого значения не имеет! – выразил свое мнение врач.

– А когда она в сорок пять лет?

– Тоже никакого.

– Я гожусь ей в деды.

– Если вы будете об этом помнить, то и она непременно это почувствует. Относитесь к годам легче, и вскоре разница сотрется. Вот увидите! Главное – молодеть душой!

– Спасибо, доктор.

– Сколько, вы говорите, ей лет? – любопытствовал психотерапевт, когда я был уже в дверях.

– Шестнадцать.

– Педофил, – послышалось мне на прощание.

Я оглянулся, но увидел лишь сочувственную улыбку...

А еще потом Ида как-то сказала, что общение с нею пошло мне на пользу, что я стал выглядеть гораздо лучше и что в моих глазах появился юношеский блеск.

– Любовь омолаживает! – наставляла она. – А ты комплексуешь!

И действительно, наблюдая себя в зеркале, я нашел, что кожа моя порозовела, а волосы заблестели, как будто я смазал их травяным бальзамом.

А еще через неделю, проснувшись утром, я почувствовал себя сильным и молодым, а потому мне внезапно захотелось вытащить из-за шкафа лук, колчан со стрелами и отправиться на стрельбище, на котором я не был столько времени.

– Конечно, пойдди!

– Хочешь со мною? – спросил я.

– Нет. Мне что-то нездоровится, – ответила девушка и, видя, что я

после ее признания собираюсь отложить свой поход, замахала на меня руками и почти вытолкала за дверь насильно.

Самое удивительное, что я не промахнулся ни разу! Все стрелы легли в самый зрачок мишени, и сын старого Лу в восхищении захлопал в ладоши, призывая остальных посмотреть на столь значительный результат.

– Это потрясающе! – кричал он. – Вы, месье Санда, могли бы с успехом выступить на чемпионате мира!

– Да, – подхватил какой-то тридцатилетний стрелок. – В пятьдесят лет такая поразительная точность!

– В шестьдесят два, – поправил я...

А еще через месяц, когда большинство моих седых волос потемнели и стали походить на воронье крыло, когда отвислый и дряблый живот подтянулся, а грудь окрепла, я понял, что происходит какая-то непонятная, неладная вещь.

Когда я ласкал свою Иду долгими ночами, поражаясь своей силе и выносливости, то чувствовал теперь под ладонями не упругую девичью спину, а мягкое тело взрослой женщины с сильными, чуть полными ногами...

– Что же происходит? – спрашивал я, когда она, довольная, разметавшаяся по постели, прикрывающая простыней прибавившийся животик, жмурилась негой и перебирала пальцами мои черные волосы.

– Ах, – вздыхала она. – Я делюсь с тобою своей молодостью!..

– Прошу тебя, не надо!

– Ах, я не могу этого не делать! Таково уж мое предназначение! Вскоре с тобою произойдут и вовсе непонятные вещи, но ты не пугайся и относись к этому как к должному.

Она потянулась в постели, заколыхав большие рыжие груди, усыпанные веснушками.

– Я – это ты, мой дорогой! – улыбнулась Ида...

Старые знакомые, встречавшие меня на улице, делали совершенно удивленные лица и, прижимая руки к груди, восторгались по-детски.

– Месье Санда! – поражались они. – Это вы?! Как вам это удалось?!

Сначала я кивал утвердительно, но когда по прошествии еще одного месяца тело мое избавилось от полутора пудов веса, то на вопрос, не Санда ли моя фамилия, я сам делал удивленную физиономию.

– А как похож на Аджип Сандала! – поражались встречные. – На молодого Аджип Сандала!..

Мне пришлось перестать посещать стрельбище и кафе "Рамазан", в котором меня знали как облупленного. Я перестал появляться там, где меня

знали, и проводил почти все время с моей Идой.

Весь ужас происходящего заключался в том, что пока я молодец, превращаясь в двадцатипятилетнего юношу, моя Ида претерпевала обратное превращение, словно бы она действительно отдавала мне свою жизнь, перекачивая ее через ночные поцелуи и проникновения.

– Да остановись же ты! – кричал я в отчаянии, когда при свете дня смотрел на ее расплывшееся лицо, полные, в веснушках руки с вздувшимися на кистях венами. – Немедленно прекрати это делать!

– Я не могу! – признавалась она с печалью.

Ей было страшно, когда она, случайно взглянув на себя в зеркало, обнаруживала в нем сорокапятилетнюю женщину взамен шестнадцатилетней девочки, пришедшей ко мне год назад девственно чистой и непорочной. Но мужество в ней пересиливало страх, и в такие минуты она с философским спокойствием говорила, что на все воля Божья, и если так происходит, то, значит, так надо и так тому и быть!

– Понимаешь ли – предназначение!

– Но до какой же степени все поменяется? – вопрошал я.

– Не знаю, – отвечала Ида глубоким, с трещиной голосом.

А еще через месяц я почувствовал к ней отвращение. Мое тело налилось молодецкой силой, и я то и дело ловил на улицах кокетливые взгляды юных девиц, праздно шатающихся по парижским улицам.

Сама же Ида превратилась в женщину бальзаковского возраста и с удивлением взирала на свои бесцветные волосы, которые еще совсем недавно поражали своим огненным морем.

– Ты ли это? – спрашивал я ее в ванной, сбривая густую черную щетину со своих крепких щек.

– Я, – отвечала Ида, плача в наполненную ванну.

– Твои груди расплылись, как будто ты выкормила тройню!

– Я знаю.

– Как ты находишь меня?

– Ты прекрасен.

– А ты ужасна.

– Я знаю, – отвечала она и радовалась, что не видит себя в запотевшем от пара зеркале. – Никто не знает, близок ли, далек ли его конец! И каков он случится!..

– Да-да, – отвечал я автоматически и выбегал на улицу навстречу сладкому дыханию юной природы, дабы насладиться его земляничным запахом.

А как-то, идя по бульвару, я вдруг увидел впереди цокающую

каблучками женщину с черными волосами. Что-то в ее походке показалось мне ужасно знакомым, и я погнался за ней стремительно, стараясь заглянуть в самое ее лицо, но женщина неожиданно исчезла, то ли за аркой, то ли просто растворилась в солнечном дне.

И только поднимаясь по лестнице, возвращаясь вечером к Иде, я понял, что это была Полин. И тогда я развернулся, перекрутился на каблуках по мраморной ступеньке лестницы и помчался вон из дома, в котором жила моя последняя любовь, моя пятидесятилетняя красавица Ида.

Я несся навстречу своему предыдущему пожару, зная, что никогда не сгорю в его пламени, что даже не обожгусь огненным языком страсти, а лишь пленюсь иллюзией таковой, так как все было в давнем прошлом и в нем же погребено безвозвратно!..

– Поли-и-ин! – просил я прошлое. – Моя любимая, Поли-и-ин!..

И лишь Настузя, моя милая Настузя, нянька моей жизни, гладила морщинистой рукой мои кудрявые волосы и совсем не удивлялась такому превращению. Она принимала картинки своего прошлого как должное, как плату за такую несчастную жизнь, за потерю своей любви, за потерю своего народа в глубоком детстве, и по-прежнему варила мне курицу на обед.

Я молодец с каждой минутой, нежнее щеками, и глупел мой взгляд. Я перестал удивляться Божественному провидению и перестал думать, что со мною случится впоследствии, как не думают дети всерьез о смерти.

А потом я более не смог улавливать события, происходящие вокруг. Лишь какие-то их обрывки летали ненужной бессмыслицей в моем мозгу. То я видел развешанные по квартире купальники, сочиненные Настузей, то вдруг слышал залиvistый смех, доносящийся с улицы.

– Ха-ха-ха! – взлетало от подъезда. – Ха-ха-ха!..

Тогда я бросался к окну, распахивал его настежь и кричал во всю глотку:

– Бертра-а-ан! Любовь моя, Бертра-а-ан!!!

А потом опять горячая ладонь моей негритянки и холодная тряпочка на лбу...

А потом я услышал ее голос. Это было наяву...

Она говорила, что умирает. Она говорила, что пришли последние минуты ее жизни. Она сказала, что честно выполнила свой долг императорской няньки и с лихвой отработала полученную за себя отцом-папуасом кашихонскую сетку... А еще она шептала мне на ухо, чтобы я постарался добраться до России. Там родная земля позаботится обо мне!..

Я открыл глаза и увидел ее лежащей на полу. Руки были неестественно

вывернуты, а глаза смотрели безжизненно вверх, как будто угадывали через потолок бесконечное небо с его однополыми обитателями.

И я заплакал по-детски от первого своего горя, от первой своей потери, прижимая руки к сердцу, словно боялся, что из него выпорхнет душа и вслед за нянькиной устремится в пространство.

– Моя Настузя! – простонал я. – Нянька моя любименькая!!!

А она лежала недвижимо, умершая на рассвете, оставившая меня одиноким в своем стремлении к детству, и мчалась ее душа безоглядно навстречу Бимбо.

И тогда, осознав свое одиночество, испуганный до ужаса, я заговорил, глядя на мертвую негритянку:

– Ты плохая. Ты оставила меня одного, а я боюсь!.. Я очень боюсь, понимаешь ли ты?!. Мама! Мама!.. Где моя мама?!!

А потом я помню пустыню и рыжего верблюда, везущего меня через осыпающиеся пески...

А еще потом как будто что-то вспыхнуло, и разглядел я себя на балконе дворца, в котором когда-то родился. Рядом стоял отец – Русский Император, взирающий на площадь, украшенную эшафотом; астролог и звездочет Муслим прислонился к стене, прикрывая от ужаса ладонью лицо, и старуха Беба, занавешенная кашихонской сеткой, икала от волнения.

А внизу, в море толпы, улюлюкающей в ожидании экстаза, взмывала на шест государственным флагом моя мать, привязанная за руки и мучающаяся от нестерпимой боли всем телом. Ее рыжие волосы развевались и рождали легкий ветерок в мире.

– Мамочка!.. – прошептал я с балкона вниз. – Мама!..

А палач все тянул за узлы веревки, выворачивая руки матери из плечевых суставов, то и дело поглядывая на бамбуковые колья, вбитые в землю... И наконец руки достигли металлического кольца, палач укрепил веревку и принялся сверкать на солнце кривым ножом, показывая царскому балкону готовность перерезать канат.

Ронял слезы на белое жабо мой отец, Император Всея Руси.

Я судорожно гадал, за что ее так тяжело пытаются, ведь она старая и ее необходимо простить за грехи, мою мать, Инну Ильиничну Молокову, Государыню Российскую!

– Ах, мамочка, я тебя прощаю! – прошептал я. – Проща-а-а-ю!

– Это не ваша мама! – сказал астролог Муслим печально. – Это чужая женщина!

– Как ее зовут? – нервничал я, всматриваясь в казнь.

– Как ее зовут?.. – Звездочет задумался, припоминая. – Какое-то не

наше имя!.. Кажется, Аида, или Ида... Да-да! – уверился он. – Ида!..

– Нет!!! – заорал я во все горло. – Отмените немедленно казнь!!! Я приказываю!!! Опустить флаг!!!

Отец посмотрел на меня с изумлением, поправил корону и сделал отмашку красным платочком.

И тут же стихла барабанная дробь и воцарилось на площади общее молчание. И только истошные крики павлина разорвали эту покорную тишину, разметали стоячий воздух, возвещая о всемилостивейшем прощении и о безумной радости жизни.

– Е-е-е-а-а-а! – орал победу павлин. – Е-е-е-а-а-а!!! – уносилось во Вселенную.

И толпа вновь заулюлюкала, теперь уже во здравие спасенной царицы, завывала великодушному монарху: "Слава!" – и помчалась снимать с дыбы свою Ильиничну, чтобы отнести российскую матушку на руках в монаршие покои и возложить на царское ложе отдыхать душою и замученным телом...

– Слава Эль Калему-у-у!!!

И тут я оказался на ее постели – голенький и розовый и, хлопая пустыми глазами, пускал к полу хрустальные слюнки, тыкая пухлыми пальчиками в рыжую материнскую пятку.

И она раздвинула на зов голые ноги, бесстыже раскинула их на север и на юг, открыв мне свое сумеречное лоно настезь, маня им мой туманный взор, притягивая рыжей порослью, слепя алой зарей...

И я пополз, пополз неуклюже, из последних сил, дергая лысой головкой и хватаясь за теплые простынки. Я полз к сумеречному лону, и крутилось в моем мозгу последнее слово, последнее в этой жизни понятие – ВХОД!.. И, войдя в него туго, растворясь в последе теплой массой, царским семенем, я припомнил образ моей Полин и осознал, что тогда все было не до срока, все не ко времени хотелось, и что так и должно было быть без ВХОДА, а потому умилился последним вздохом и счастливо потерял мысль...

Niprotomus закончил свой рассказ и замолчал. Я тоже ничего не говорил, а лишь наслаждался массажем Лучшей Подруги, то и дело почесывая зудящую щекоткой пятку.

Так в молчании прошли полчаса, а потом Niprotomus надрывным голосом попросил меня достать из-под кровати баночку с жучихой, дабы развеять свою неутолимую печаль по прошлому плотской утехой.

– Ах, любовь! – вздохнул он и заворочался в шишке, готовясь выбраться.

Я выудил из темного угла баночку и, прежде чем поставить рядом, заглянул в нее... Сначала я не увидел самочки, а потом рассмотрел ее под травкой, забившуюся на самое дно...

Она была мертва... Жучиха напоролась на елочную иголку и, пронзенная в грудь острием, издохла.

– Ай!.. – взвизгнул Niprotomus.

– Я куплю вам другую, – пытался я утешить соседа. – Сегодня же!

– Ай!..

Да что же так нога чешется? – подумал я и удивился, что и в этой жизни жука преследует злой рок и предсказания старого следователя вновь сбываются уже в другом пространстве, в другой его жизни.

– Ай!

– Помните, – спросил я его, – помните, вы рассказывали о том, как на поле боя пристрелили собаку золотой стрелой? Питбуля?..

– А что такое? – слабенько отозвался он.

– Не было ли, случаем, на наконечнике начертано чего-нибудь особенного?

– Нет, – уверенно ответил Niprotomus. – Ничего такого. Лишь мои инициалы – А. и S.

И тогда я встал с постели и подошел к шкафу. Открыв дубовую дверцу и порывшись на самом его дне, я вытащил маленькую медицинскую коробочку. Поддев ногтем крышку, я подставил под солнечные лучи золотой наконечник стрелы, с выгравированными на нем буквами А. и S.

– Его когда-то извлекли из моего позвоночника, – сказал я.

– Да-да-да! – чему-то обрадовался жук. – Значит, это я вас тогда, как собаку! Через пространства и измерения!.. Ха-ха!.. Бывает же такое!.. Ха-ха-ха!..

И тогда во мне все восстало. Кровь прилила к лицу, а сердце захлебнулось ненавистью!

– Я вас убью! – зашипел я. – Раздавлю!..

– Э-э-э! – испугался Niprotomus. – За что, позвольте спросить?

– За то, что по вашей воле я столько лет лежу недвижимым с изуродованным позвоночником!

Схватив со стола коробок со спичками, я зажег одну из них и поднес к руке, оккупированной Niprotomus'ом.

– Всего вам доброго! – пожелал я на прощание.

– Подождите! – истошно завизжал жук. – Немедленно подождите!!! Ведь вы же сейчас стоите на ногах! Посмотрите на себя! Ваши ноги несут ваше тело, а вы меня жечь спичкой! Немедленно погасите ее! Задуйте!!!

После его слов я упал на пол, как будто мне по ногам ударили палкой.

– Не волнуйтесь, не волнуйтесь! – морально поддержал жук, отдышавшись от смертельного испуга. – Это от неожиданности! Вы сейчас все осознаете, подниметесь на свои ножки и зашагаете ими по просторам необъятной родины! А колясочку отошлите обратно конструктору Ситосиши. Не нужны нам милости побежденных! Так ему и отпишите в сопроводительном письме! И пусть поклонится могиле своей бабушки Киоке!..

Я лежал на полу, всей щекой ощущая прелесть прохладных досок, и был совершенно спокоен. Я пытался восстановить мозговые импульсы, командующие мускулатурой ног, и совершенно не слушал болтовню жука.

Мои ноги шевелятся! – осознавал я. – Я чувствую, как чешется пятка. Я чувствую тепло в пальцах! Я даже чувствую, как пробиваются на ляжках волоски!!!

А потом я повернул голову и увидел ее. Она лежала на кровати, свесившись кистью с матраца. Она была абсолютно бела, а ногти ее сильных пальцев посинели васильками.

И я поднялся. Сначала на четвереньки, затем, трясясь коленями, стал возносить свое тело на отвычную высоту и рыскал по сторонам руками, ища случайную опору чьего-нибудь плеча, но не находил ее, сейчас необязательную, а потому балансировал на своих двоих и улыбался в окно счастливо.

А потом, подбадриваемый *Niprotomus*'ом, я спустился ступень за ступенью по лестнице и оказался на Арбате, который вдохнул всей грудью со всеми его пешеходами и выдохнул затем обратно. А улица украсилась весенним солнечным днем!..

– Я иду! – сказал я громко и счастливо. – Я иду сам!!!

– Ну и иди, – сказал кто-то в ответ...

Я ходил своими ногами целый день, наслаждаясь их жуткой усталостью и сбитыми в кровь пятками, и только здравая мысль удерживала меня от бега на длинную дистанцию в полном обмундировании и с рюкзаком в два пуда...

Я похоронил Лучшую Подругу ранним утром, уложив ее в огромную музыкальную шкатулку, купленную специально для прощального ритуала, и, отпустив пружину, под звуки Испанской рапсодии, опустил гроб в огненное жерло котельной нашего дома.

Я беззвучно шептал ей слова благодарности, облагороженный чужой жертвенностью, и плакал, роняя слезы на свои окрепшие ноги...

Идя по булыжной мостовой еще не проснувшегося Арбата, одинокий в

своем раннем пробуждении, я лениво думал о будущем. Не о том, что мне надо будет делать, кого любить и кого жалеть. Я думал о будущем целиком, как о чувстве голода, которое нужно удовлетворить и насытить. Мне нужно насытить свое будущее!

– Ах, ноги мои, ноги!!!

В этот ранний час солнце так припекало, что я снял куртку и закатал до локтей рукава рубашки. Уже появились первые продавцы бубликов и питы, и я подошел к одной из тележек, вдруг почувствовав, что смертельно хочу есть.

– Питу с курицей, пожалуйста! – попросил я. – И кетчупа побольше!

Помидорный соус брызгал во все стороны, я измазал им свое лицо до ушей, а продавщица, пухленькая девушка, смеялась от души, протягивая мне пачку салфеток.

И вдруг из переулка, в котором находится "Комитет по абстрактным категориям", вылетела на еще не проснувшуюся улицу пролетка, запряженная парой лошадей.

– Посторонись! – кричал бородатый возница. – Эге-ге-е-ей!

Он промчал своих лошадей и скрылся в другую улицу. А по мостовой шел мой мальчишка, сдерживая вырывающийся из рук красный воздушный шар. Он был жив, мой мальчишка, а значит, был жив и я.

– Вы видели мальчика с шариком? – спросил я продавщицу.

– Нет, – ответила она с улыбкой, оглядывая пустую улицу.

– А лошадей, здесь сейчас проскакавших?

– Нет, – ответила она, кокетливо склонив головку, уверенная, что я шучу, таким образом завязывая с ней знакомство.

– Прощайте! – кивнул я и пошел прочь, оставив ее за прилавком одну, враз погрузневшую.

Я направлялся домой, чтобы взяться за гусиное перо и описать монблановскими чернилами все радости, происшедшие со мною за последние дни.

Сидя за письменным столом, я вдруг понял, осознал в одно мгновение, что в прошлой жизни был собакой. Питбулем с крысиной мордой.

– Злобной, кровожадной собакой! – подтвердил жук. – Это меня вы кусали за сапог, роняя желтую слюну! Вы были бешеной собакой! Я вас застрелил призовой стрелой! Собаке-собачья смерть!

Я открыл пузырек с перекисью и обильно полил ею шишку.

– Ах... – вздохнул *Hiprotomus* с наслаждением.

В среду я отправился в спортивный зал, где когда-то познакомился с Зоей. Слегка волнуясь, я пробовал на ощупь железо, от которого отвык за

много лет, и глядел по сторонам, желая неожиданно встретить ее.

– Зоя не появлялась уже лет шесть! – сказал мне менеджер. – Она продала этот зал и исчезла. Новый хозяин пытался ее разыскать, так как возникли некоторые вопросы по партнерству, но даже следов ее не нашел. Исчезла с концами.

– Она вышла замуж, – объяснил я. – За финна. Его фамилия – Ракьевяре.

– Да? – удивился менеджер. – Я этого не знал... Впрочем, приходите тренироваться, когда захотите. Бесплатно...

Бычков появился в воскресенье через неделю.

– Я нашел ее! – объявил он, но без особой радости в голосе.

– Познакомишь?

– Я нашел адрес, по которому ее скрывают!

– Тебе нужна моя помощь?

– Спасибо, – сказал мой товарищ и оглядел кресло конструктора Ситосиши, в котором я сидел. – Ты мой самый близкий друг!..

И тогда я поднялся во весь рост, оттолкнув ногой ненужную коляску.

– Тебе нужна моя помощь? – еще раз спросил я.

Бычков умел владеть собой. Он лишь покраснел от неожиданности, затем кашлянул в кулак и сделал шаг навстречу.

– Каким образом?

– Молитвами любимой женщины.

– Господи, как я рад!

Мой товарищ подошел ко мне и обнял крепко-крепко, так что я понял, что он по-настоящему мой товарищ.

– Конечно, мне нужна твоя помощь, мой дорогой! – прошептал в ухо Бычков. – Вот удача!.. Мы едем через пять дней!

– Куда?

– В Санкт-Петербургскую область. Поселок Шавыринский. Там ее прячет этот Эдерато!

– В Шавыринский?! – изумился я, отстраняясь от товарища.

– Да, а что?.. Ты знаешь, где это?

– Да. Там живет Анна Веллер.

– Кто это?

– Я тебе рассказывал. Я познакомился с ней в санатории. Помнишь?..

– Ах да! Ну тем лучше, там встретишься со своей Анной и будет где перекантоваться!..

Ах, моя милая Анна!

Через пять дней я увижу вас! Хотя нет, через шесть, так как мы с

Бычковым выезжаем поездом!.. Вот и случилась оказия, при которой мы наконец соединимся, и вы познакомитесь с моим товарищем... Я жутко счастлив, что смогу дотронуться до вашего живота, в котором живет наша голубоглазая девочка, и гладить его досыта, убаюкивая дочь до срока...

До встречи, моя дорогая, единственная, любимая!..

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

**Отправлено 30-го марта
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Здравствуйте, Женя!

Человек из благотворительного общества наконец появился и принес мне бесплатную путевку в санаторий.

Это не тот санаторий, в котором мы с вами познакомились, а совершенно другой, в другом конце страны.

Я счастлива за вас, что так все произошло! Я счастлива за ваше чудесное выздоровление!.. Но, к сожалению, встретиться с вами и вашим другом мне не удастся, так как путевка начинается за день до вашего прибытия, а добираться до санатория не менее двух суток.

Вы знаете, в последнее время что-то со мною произошло. Меня мало интересуют события, происходящие вокруг. Меня вообще мало интересует реальность. Я все более интересуюсь изменениями в себе, а именно в моем набухающем животе. Глаза мои смотрят лишь внутрь плоти, совершенно скучая от созерцания улицы и телевизора... Я вычитала в каком-то журнале, что так и должно быть у беременных женщин. Их перестает волновать окружающее, и даже мужей своих они перестают замечать, так увлечены они созревaniem плода.

Милый мой!

Вы должны отыскать себе другую! Теперь у вас все в порядке, и вам не след любить меня, парализованную домоседку, а потому я не сообщу вам адреса санатория и пробуду в нем до срока родин. Не обессудьте и не обижайтесь, любовь моя!

Ключи от дома будут лежать под крыльцом. Обязательно воспользуйтесь ими для отдыха вашего и вашего товарища Бычкова, которому большой привет и уверения, что я его люблю по-дружески, так как он ваш товарищ!

Ах, ведь не зря я поверила в передачи про пространство этого Готлиба, создавшего сосуд, объединяющий все измерения. Вот и стрела, пронзившая вашу спину, прилетела из другой жизни!..

Прощайте, мой любимый, мой единственный!

Ваша Анна Веллер

P.S. Умер Лучший Друг. Я обнаружила его в углу, холодным, как

мрамор, с растопыренными смертью пальцами. Я уложила его в бархатный футляр и закопала рядом с Горьким. Я плакала... Я плакала и за Лучшего Друга, и за Лучшую Подругу... Их биологический цикл завершился. Они выполнили свое предназначение и умерли...

P.P.S. Попыталась выписать из библиотеки что-либо, написанное физиком Готлибом, и получила отказ. У него совсем нет печатных трудов. Странно!..

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

**Оставлено 7-го апреля на письменном столе
в доме по адресу: поселок Шавыринский,
д. 133. Для Анны Веллер.**

Дорогая Анна!

Добрались мы до Санкт-Петербурга без особых приключений, а далее автобусом до Шавыринского.

У нас с Бычковым было достаточно времени, чтобы разработать предстоящую операцию. Всю ночь мы не спали и обсуждали детали.

– Опиши мне его, – попросил я.

– Ему лет сорок пять, – вспоминал Бычков. – Могучего телосложения, хотя одежда скрывает мускулатуру полностью. Из этого я делаю вывод, что он особо тренирован и не исключено, что мужик – наш коллега.

Бычков открыл спортивную сумку, и я увидел в ней два пистолета-автомата, запасные рожки с патронами, несколько плоских гранат и тротилловый пластилин в прозрачном пакете.

– Не думаю, что нам это понадобится! – усмехнулся я.

– Ничего, ничего. Береженого Бог бережет!

– А как ты все же вычислил этого Эдерато?

– Случай, как всегда, помог. Мальчишка углядел у своего отца фоторобот и сказал, что видел ее входящей в дом почтальонши с мужиком, который все время ловит рыбу. Ну, а отец уже мне сообщил.

– А кто отец мальчишки?

– Опером в Шавыринском, – ответил Бычков. – Кстати, это фамилия такая – Эдерато. Зовут его обычно – Владимиром Викторовичем!

– Как?! – обалдел я...

Почти до самого Санкт-Петербурга мне пришлось рассказывать Бычкову про вас, милая Анна, про Владимира Викторовича, гнусным образом преследующего слабую женщину, и только про руки я умолчал. Зачем про них рассказывать, когда они в земле!.. Таким образом в этом деле возникла и моя личная заинтересованность, а это совсем другой стимул!

– Мы расправимся с ним! – уверил я Бычкова. – Кем бы он ни был!

Весь следующий день мы провели в вашей квартире, готовясь к штурму дома Владимира Викторовича. Ключ, как вы и говорили, обнаружился под крыльцом. Мы десятки раз проверили оружие и обговорили план, по которому я ворвусь через окно, а Бычков должен

выбить дверь.

Все-таки вы не выбросили мою фотографию. Она стоит на вашем письменном столе, и глянец моего лица чуть подернулся пылью. Это – я, а не американский астронавт Армстронг. Мы часто баловались в нашем учреждении компьютерным совмещением фотографий. Луна настоящая, а в скафандре – я. Мои глаза все это время смотрели на вас...

Я увидел на стене гитару работы вашего отца, Фридриха Веллера, подвешенную за кожаный ремень, и обнаружил на письменном столе пилку-ножик, которым вы вскрывали мои письма...

Моя Анна!..

К вечеру в доме появился местный опер, маленький человек с волосатой головой, который рассказал нам о ваших галлюцинациях, связанных с Владимиром Викторовичем.

– Видимо, не все так просто! – покачал головой опер. – Видимо, в словах Веллер была своя правда!..

– Совсем не просто, – подтвердил Бычков. – Дома?

– Дома. От пола отжимается. Я насчитал тысячу двести раз и ушел. А он все еще отжимался. Сильный, сука!

– Только ты смотри, – предупредил мой товарищ. – Никому!

– Я все понимаю, – тряхнул волосами опер.

– Дуй домой! – приказал Бычков.

– Как домой?! – опешил волосатый.

– Давай-давай! Мы сами!..

– И не стыдно вам! – обиделся опер. – Как грязную работу – так полиция! А как что покрасивше, так спецназ!

– Не обижайся! У нас это личное дело! Мы просто не можем тебя взять!..

Опер сокрушенно покачал головой и ушел кормить своего бдительного мальчишку ужином, а мы с Бычковым расселись по разным углам и думали каждый о своем.

Вероятно, мой товарищ надеялся на благоприятный исход операции, представлял себе встречу с толстой Асей, как она бросится к нему на шею, освобожденная от тирании Эдерато, и будет целовать его лицо бесконечно, пока ее тело не нарадуется прикосновениями, пока глаза не посмотрят на улыбку освободителя, а руки не устанут от объятий.

Я же лелеял думку о вас, милая Анна!.. Смею уверить вас, что исцеление вовсе не повлияло на мои чувства, на бесконечную любовь к будущему ребенку, нашей востроносенькой девочке с голубыми глазенками. Конечно же, по завершении операции я найду вас и санаторий,

в котором вы скрываетесь от меня хитрым партизаном!

Бычков взглянул на часы и сказал – "пора!".

Я кивнул и еще раз осмотрел свою экипировку, чтобы нигде не звенело и ничто не натирало. Гранаты висели на левом боку, под курткой защитного цвета, а пистолет-автомат торчал прикладом из кобуры.

– Пошли?

– С Богом! – отозвался Бычков.

Было совершенно темно, когда мы вступили в весеннюю слякоть, утопая в оживающей пузырями жиже по самые щиколотки, и пошли друг за другом к дому Владимира Викторовича, он же таинственный Эдерато.

Уже в огороде, меж грядок, Бычков слегка приобнял меня, еще раз шепнул на ухо "с Богом" и, подтолкнув к светящемуся окну, бесшумно побежал к двери дома номер сто девять. Там проворно скатал шарик из тротилового пластилина, засунул его в замочную скважину и, вставив запал, поднял руку...

Я увидел его сидящим за столом в сумрачном свете слабой лампочки под зеленым абажуром. У него был коротко остриженный затылок и мощная шея. Он неотрывно смотрел на большую бутылку, стоящую в углу, и покачивался из стороны в сторону, как будто медитировал.

В правой руке я удерживал пистолет-автомат, а левой сжимал березовое полено, чтобы выбить по команде оконную раму.

И тут он обернулся. словно какое-то неосознанное звериное чутье заставило его мускулистую шею заворочаться, и он взглянул в окно из-под узкого лба, встретясь со мною черными, слегка раскосыми глазами.

Господи, – покачнулся я. – Это же... это же Поддонный! Прохор Поддонный, автор Метрической системы, которого мы с Бычковым уже когда-то брали и который в недавнем времени скончался в тюрьме! Господи!.. Да что же это за чертовщина такая!..

Поддонный приподнял верхнюю губу, обнажая мелкие белые зубки, вскочил со стула, метнулся в сторону, попутно разбив лампочку, и дом погрузился в пучину темноты.

– Это Эль Калем! – завопил *Niprotomus*. – Это он! Я его узнал! Это из-за него казнили мою мать. А-а-а!!!

– Заткнитесь! – прорычал я. – Сейчас не до вас!

Бычков махнул рукой, и я обрушил полено на оконную раму. В ту же секунду грохнул взрывом тротильный пластилин, и мы ворвались в дом.

– Ложись! – заорал я и принялся поливать очередями автомата по углам. Врезалась в щеки штукатурка, отбиваемая крупнокалиберными пулями, звенело стекло, что-то рухнуло, затем пуля угодила в зеркало, и

осколок резанул меня по шее, враз сделав плечо горячим от крови.

– Сука! – заорал я в приступе бешенства и жал на курок отчаянно, пока рожок не выплюнул последний кусок свинца и затвор не заело намертво.

– Его здесь нет! – услышал я голос Бычкова. – Зажигая фонарь!..

Тут же мощный луч света зашарил по комнате, освещая разрушенное пространство.

– Он в подвале скрылся! – хмыкнул мой товарищ. – Хитрый, гад!

– Знаешь, я его узнал!

– Да что ты! Кто же это?

– Это – Поддонный!

– Кто?! – удивился Бычков.

– Прохор Поддонный, которого мы с тобою брали во время войны в Завязи!

– Не сходи с ума! – жестко бросил мой товарищ. – Это у тебя с непривычки!.. – Он сплюнул и осветил фонарем на крышку подвала. – Лезем! Сначала я, следом ты... Только перемени обойму в пистолете!..

В подвале было так же темно, как и в доме. Спустившись, мы вжались спинами в сырые стены; мы были готовы в любой момент разнести в куски любую человеческую плоть, сверкнувшую во тьме недружественными глазами.

– Его здесь тоже нет! – прицокнул Бычков. – Ловкий мужик!

Он отлепился от стены и, пройдя два шага, предупредил:

– Включаю фонарь!

И опять луч света зарыскал во мраке, открывая нам бытовые картинки продовольственных запасов рачительного хозяина. С дубовых перекладин свисали круги копченых колбас, связки вяленой рыбы источали речной аромат, а жирные окорока покачивались от наших случайных прикосновений.

– Хороша капуста! – похвалил Бычков с хрустом, стряхивая с пальцев капли рассола. – Но где же все-таки наш пациент?

Я включил второй фонарь и пошел в обратную от товарища сторону.

– Будь осторожен! – предупредил он.

Подвал на удивление был просторным и длинным и по моему разумению выходил далеко за пределы фундамента, под самый огород. В этой его части продуктов не хранилось, а покрывалась плесенью старая, вышедшая из употребления мебель, а также прочая ненужная утварь...

И тут я увидел дверь!.. Обитую кованым железом, с чугунными шипами по всей поверхности, ее открывали совсем недавно, размазав пятерней пыль.

– Я нашел его! – проговорил я в темноту, и через мгновение плечом в плечо почувствовал рядом своего проверенного товарища. – Он за этой дверью!..

– Эй, мужик! – крикнул Бычков. – Открывай дверь! А не то мы тебя гранатами забросаем! В ответ мы глотали тишину.

– А вдруг это дверь подземного хода? – предположил я. – И он сейчас где-нибудь на другом конце поселка?

– Все может быть!.. Вот сука, шипы наварил, плечом не надсадишь!

Он порылся в кармане и достал прозрачный пакет, из которого отщипнул кусочек пластилина и намазал по дверному косяку; вставил запал и толкнул меня в грудь.

Свинные окорока оказались хорошим укрытием от взрывной волны, и когда мрак разорвало вспышкой, мясо приняло на себя всю ее силу, тут же запахнув жареным беконом.

С автоматом наперевес Бычков рванулся на вспышку и вскрикнул, как будто нарвался на встречную пулю.

– Ах, мать твою! Не взяла взрывчатка двери!.. Всей мордой о шипы! Вот тварь!..

Он утирал со щеки кровь, морщась от боли, а я пядь за пядью осматривал неприступную дверь, пока не нашел большую замочную скважину, из которой повеяло сыростью и средневековым мраком. И я приставил свое ухо к этой скважине, и показалось мне, что слышу какое-то движение за дверью, что живые существа обитают там и что Поддонный не скрылся через подземный ход, а отсиживается в бункере, укрывая заложницу.

– Он там! – прошептал я. – Я слышу его!

– А ее? – с нежностью и надеждой в шепоте спросил Бычков.

– Кажется, да...

– Ах, нельзя больше тротилом! – сокрушался мой товарищ. – Мы можем ее повредить!.. Что же делать?!

И тогда я достал из кармана конверт, открыл его и вытащил вещицу, похожую на засушенную змейку.

– Что это? – спросил Бычков.

– Какая разница, – ответил я и вставил Зоин хвостик в замочную скважину.

Что-то щелкнуло, что-то клацнуло после поворота, и тяжелая, обитая железом дверь отворилась.

– Всем стоять! – заорал Бычков, врываясь в большое пространство с высокими потолками, подсвеченное тусклым светом. – Стоя-я-я-тттт!!!

Он сидел на стуле посреди зала, сложив на груди руки, и спокойно разглядывал нас, ворвавшихся с искореженными бешенством лицами, с автоматами, готовыми изрыгнуть смертельную дозу свинца. В руках он держал эбеновую палочку и слегка стучал ею себя по колену.

– Тварь! – прорычал Бычков и с ходу обрушил приклад на голову Владимира Викторовича. – Где она, козел?! Я тебя спрашиваю!.. Убью!!!

Но плененный Поддонный молча улыбался и подставлял под свое надорванное ухо горсточку ладони, собирая в нее стекающую кровь.

– Где?!?! Где!!! Где!!! – орал Бычков, вытаскивая из ножен двусторонний нож. – Отвечай, сука!.. Я тебе твою поганую улыбку с лица срежу!!!

– Кто – она? – спросил Владимир Викторович, по-прежнему улыбаясь.

– Это – Эль Калем! – шептал дрожащим от ужаса голосом Niprotomus. – Я видел его на изображениях наших художников! Или нет!.. Это – старый следователь, о котором я вам рассказывал, который всех моих женщин сглазил!.. Господи, как мне страшно!.. Только этот моложе!..

– Так кем вы интересуетесь? – еще раз спросил пленник.

– Кем?..

Бычков повернул ко мне растерянное лицо, и я вспомнил, что он даже имени ее не знает.

– Действительно, Поддонный! Или похож!

– Он ищет Асю, – помог я товарищу.

– Ах, Асю!.. – понял Прохор, закивав головой, потянул руку к выключателю и в одно мгновение щелкнул им, наполняя зал нестерпимо ярким светом. – Ну что ж, ищите вашу Асю! Вон они все! – и указал окровавленными пальцами в противоположную сторону.

А на противоположной стороне, у стены, на толстых дубовых полках стояли зеленого стекла бутылки разных калибров. Огромные и маленькие, узкие и пузатые, они были наполнены мерцающей жидкостью, в которой плавали, шевеля волосами, пуская ртами к поверхности пузыри, обнаженные женщины.

– Ах!.. – обронил я.

– Ах!.. – вырвалось у Быčkova.

– Ах!.. – изумился Niprotomus.

– Которая ваша Ася? – поинтересовался Поддонный.

И мы пошли, зачарованные, вдоль стеллажей с бутылками, вглядываясь в женскую наготу.

– Ах! – еще раз вскрикнул жук, когда в первой бутылки, навстречу нашему ошеломлению, пытаясь разбить стекло, потянула руки девушка с

абсолютно белыми волосами, и казалось, что она безмолвно хохочет, глядя на меня, двигая ногами, словно водолаз.

– Ха-ха-ха!

– Ах, это моя Бертран! – вскричал Niprotomus. – Устрица моя! Хохотушка моя, Бертран!..

Но нас уже тянуло к следующей бутылке, в которой хлопала грустными глазами немолодая женщина в вязаной шапке на голове.

– Женя! – казалось, говорила она беззвучно, а я почти плакал от этого наваждения. – Евгений!..

– Мама!.. – стекла слеза.

– Вот она, вот! – закричал Бычков, тыкая пальцем в следующую бутылку, в которой плавала вниз-вверх, отталкиваясь от дна мощными ногами, толстая Ася. – Вот же она!!! Немедленно освободите ее!.. – и обнял бутылку руками, словно согревал Асину наготу своим телом. И зацеловал прохладное стекло в исступлении!..

А меня тянуло дальше, к следующим сосудам.

– Ах, это Полин! – возопил жук, тыкая иглой сквозь мою кожу на девушку с черными, словно крылья, волосами, стыдливо прикрывающую свое сумеречное лоно ладонями. – Полин, любовь моя!!! Я во всем разобрался! Нет ни Входа, ни Выхода! Есть лишь один бесконечный путь!!! Прости меня, моя Полин!!!

И она простила его, качнув головой, потрянув волосами, как будто водорослями, словно она подводная птица.

– И ты прости меня, моя Настузя! – торжественно проговорил он, когда мы миновали бутылку с девочкой-негритяжкой, смеющейся белозубым ртом, с прической из волос-пружинок, возвышающихся над головой на целый аршин. – Нянечка моя дорогая!..

И папуаска в ответ задорно выпятила свой голый живот-шоколадку.

А потом Niprotomus отыскал девушку с рыжими волосами, рыжей грудью и в умилении зашептал:

– А это моя мама! Это моя Ида! Это Инна Ильинична Молокова, Государыня Российская, от нее мой путь! От нее я весь!.. Mamochka моя, родная!.. Ой! – осекся Niprotomus, разглядывая крохотную бутылочку-пузырек, в которой плавала, шевеля крылышками, жучиха. – Кто это?.. Ах, неужели!..

– А это кто? – спросил я, показывая на незнакомую женщину, шевелящуюся в жидкости, как рыболовная снасть.

– Это – Соня, – ответил Прохор Поддонный. – Наша поселковая почтальонша...

И тут я увидел ее... Я увидел мою Зою. Она находилась в бутылке спиной ко мне, с поднятыми над головой руками, и над смыканием ее розовых ягодиц, среди ямочек, я различил бледный шрам.

И тут я заплакал в голос. Я заплакал и завыл по моей ушедшей любви, по ее неиссякающей силе, по памяти и боли, оставшейся открытой раной в душе, и по невероятному желанию вновь чувствовать чудо с прежней силой.

– Выпустите ее! – закричал я. – Выпустите!!! Я хочу обнять ее! Поцеловать в самые губы!..

– Немедленно! – поддержал Нiprotomus и заметался в шишке ураганом. – Негодяй!.. Выпустите всех!!!

– Кому сказали, выпусти! – рычал Бычков, еще сильнее сжимая в объятиях бутылку с Асей. – Рры-ы-ы!.. Ася!..

Прохор Поддонный перестал улыбаться и сказал с грустью:

– Не могу.

– Почему? – спросили мы хором.

– Вы все равно не поймете, – отмахнулся пленник. – Я их любил. Всех!..

И тут я догадался. Наконец я понял, что человек, сидящий перед нами, рыболов Владимир Викторович, на самом деле тот самый циркач, финн Ракьевяре, укравший мою Зою и отрезавший ей хвост! Это – Эдерато, похитивший у Быčkoвa Асю, его единственную светлую искру! Это – Эль Калем, унесший в свою страну Инну Ильиничну Молокову, мать Аджип Сандала! Это – старый француз-следователь, забравший хохотушку Бертран, сумеречную Полин и молодость рыжей Иды!.. И, наконец, это Прохор Поддонный, объявивший войну моей Родине и уничтоживший тысячи прекрасных любовен на русской земле!..

И он вновь заговорил – многоликий и многострадальный:

– Я не могу достать их оттуда. Это не просто бутылки. Своим стеклом, своим нутром они объединяют все измерения мироздания и создают единое пространство, в которое можно что-либо поместить, но достать уже оттуда невозможно никогда!

– Врешь, гнида! – не выдержал Бычков и щелкнул затвором автомата.

– Помещенные в эти сосуды принадлежат всем измерениям и временам Вселенной! – продолжил пленник. – Они находятся и в прошлом, и в будущем, в параллельном исчислении и параллельных исчислениях, в великих их множествах, и их жизни проистекают по касательной к нашим! Хотите – верьте, хотите – нет!

Он замолчал на мгновение, а потом сказал:

– Я не могу их вернуть! Я самое несчастное существо! Я придумал это пространство, я придумал, как поместить в него женщину, но как вернуть ее оттуда, знает только один Бог...

– Стреляю! – не выдержал мой товарищ.

– Подожди! – остановил я движение автомата. – Он не врет!

– То есть как?!

– Он говорит правду!

– Не понимаю! – замотал головой Бычков. – Какие такие измерения?..

– Тебе и не нужно понимать! Просто поверь мне!

В ответ он лишь развел руками.

– Ну, хорошо... Значит, их нельзя оттуда достать?

– Нельзя, – подтвердил я.

– А что же делать?

– Мне кажется, что их надо отпустить, – сказал я.

– Куда? – совсем не понял Бычков.

И тогда я передернул затвор, выдохнул трусость и нажал на спусковой крючок...

Бутылки обрушивались лопнувшим стеклом, выливаясь на каменный пол мерцающей жидкостью.

– А-а-а-а! – закричал в ужасе Бычков, когда очередь угодила в бутылку с толстой Асей.

– А-а-а-а! – вопил Niprotomus, глядя, как обрушиваются тысячами осколков его любви, превращаясь в водопады остывшей страсти. Бертран, Полин, Ида, Настузя – все растворились невидимым облаком. – А-а-а-а!..

А он сидел молча, мертвенно бледный, закрывая лицо ладонями, и лишь вздрагивал спиной от каждого выстрела.

И только тогда, когда последнее стекло отзвенело по полу, когда последняя капля истекла сквозь щели, когда в углу остались лишь пустые сосуды, я опустил пистолет и закричал в подмогу:

– А-а-а-а-а!!!

– А где же?.. – обалдело разглядывал пол Бычков. – Куда они делись?.. Что это?..

– Они в другом измерении, – ответил я осипшим голосом. – Их больше здесь не будет!..

– Значит, и Аси больше не будет?

– Нет, – покачал я головой.

– Никогда?

– Значит, я ее зря искал!..

– Ты ее нашел...

Бычков умел брать себя в руки. Он стоял несколько минут молча, красный лицом и обмякший телом, а потом сказал серьезно:

– Я его сейчас убивать буду!

– Я – за! – согласился Niprotomus.

– Мы его не убьем! – произнес я тихо.

– То есть как?! – уставился на меня Бычков.

– Никакой пощады! – вскричал жук.

– Для него слишком просто умереть!.. Раздевайтесь! – приказал я пленнику.

– Зачем? – удивился тот.

– Дайте-ка мне вашу эбеновую палочку и раздевайтесь!

– Пожалуйста!

Он пожал плечами, кинул мне под ноги палочку и принялся расстегивать ворот рубахи, обнажая мощную грудь.

– Все же я не понимаю, зачем раздеваться нужно?

– Быстрее! – поторопил я.

Пока пленник снимал штаны, я ловил на себе недоуменные взгляды Быčkoвa, но ничего не объяснял, стиснув зубы.

– Догола раздеваться?

– Ага, – подтвердил я.

Он стоял, слегка расставив ноги, в своей естественной нагоде, а передо мною проносились видения, как он пытался насиловать мою последнюю любовь, единственный смысл моей жизни, который он чуть было не оплодотворил своим злым семенем, и гнев рвался из моей души, стремясь своим острием отсечь подлое его оружие...

– Принеси мне пустую бутылку! – попросил я Быčkoвa, и когда тот потащил за горловину огромную емкость, он, совершенно обнаженный, понял, что я задумал.

И тогда он бросился на меня с отчаянием раненого медведя, шарахая по мне здоровенными кулаками, пытаясь достать когтями до глаз, а я защищался, вспоминая утраченные навыки, и управлял своими ногами с ловкостью кошки...

Он рухнул на пол от удара прикладом. Бычков отер о куртку кровь с автомата и процедил сквозь зубы:

– Сука!.. Я думал, он тебе горло перегрызет!..

И я взмахнул палочкой!.. И в то же мгновение иссяк в пространстве свет и замерцало что-то на дне пустой бутылки. И вдруг заволокло стеклянную пустоту мутной жидкостью, и забурлила она, словно подогретая, и когда развеялась мутность, когда унялись пузыри, в бутылки,

головой книзу, медленно оседая на дно, хватал ртом все измерения Прохор Поддонный, финн Ракьевяре, Эдерато, Эль Калем и рыбак Владимир Викторович! Руки его бились о стеклянную стенку, а на правой, на безымянном пальце, сверкало бриллиантовыми глазами кольцо со змейкой!..

– Вот здорово! – похвалил Бычков. – Вот это да!

– Bravo! – оценил Niprotomus.

– А теперь что делать?

– Лед на реке не сошел еще?

– Да еще с недельку подержится в этих краях!

– Вот мы его и в прорубь!..

Во дворе дома мы отыскивали санки и, водрузив на них бутыл, покатали груз к реке.

Рассветало, и мы поспешали, дабы какой-нибудь случайный прохожий не увидел нашего странного шествия.

Бутыл не хотела сразу тонуть, и мы еще некоторое время созерцали, как она ворочается в черной холодной воде, пока наконец сосуд не перевернулся горлом ко дну и не потянулся в бездну, прощаясь с нами белым пятном своего пленника.

– Вот кто-то джинна достанет! – усмехнулся Бычков.

– Ты весь в крови! – оглядел я товарища.

– Да и ты тоже! – почему-то обрадовался он. – Не возвращаться же такими в поселок! Вот река, вот вода!

Мы разделись до пояса и, охая и ахая, отмывались студеной водой от событий минувших, от ран, нас мучивших.

И тут вдруг я увидел ее краем глаза!.. Она сидела на льдине с хищно открытым клювом и беснующимся в нем язычком!..

Я ничего не успел предпринять, так все быстро произошло!

Цветная птичка бросилась со льдины и со скоростью пули врезалась в мою правую руку, с остервенением выклеывая, выкусывая из-под кожи моего Niprotomus'a.

– А-а-а-а! – завопил жук. – Я-я-я-я!.. Да как же!!! А-а-а-а-а!..

И в то же мгновение хлюпнуло его раздавленное тельце, в другую секунду ставшее долгожданной пищей для цветной птички, которая, добившись этой расправы через месяцы ожиданий, слотнула насекомое и взлетела двумя взмахами крыльев в голубое поднебесье наступившего утра, а потом, пробив небосвод своим необычным стремлением, стала принадлежностью Вселенной...

– Что это было? – удивился Бычков.

– А Бог его знает! – ответил я, разглядывая руку.

Как ни странно, крови не было, а дырочка из-под жука оказалась столь крошечной, что не вызывала опасений.

– Помажешь потом перекисью водорода! – строго сказал Бычков.

Мы возвращались в поселок молча, и я гадал о том, кем же будет мой *Hiprotomus Viktotolamus* в своей будущей жизни, третьей жизни, если таковая существует. И будет ли он так же несчастен, как и в предыдущих своих существованиях, теряя любимых женщин, сжигая их души огнем любви?!. Мой бедный, бедный Аджип Сандал!..

Бычков вечерним поездом отправился в Москву к своей службе, а я, милая Анна, остался в вашем доме, чтобы вдоволь надышаться вашим духом!

Если вы еще сомневаетесь в том, что я найду санаторий, в котором вы укрыли свой поспевающий живот, то напрасны ваши надежды!.. Как там наша голубоглазая девочка?..

За этим прощаюсь

Ваш Евгений Молокан

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

**Отправлено 25-го июля
по адресу: Москва, Старый Арбат, 4.
Евгению Молокану.**

Евгений! Я не писала вам четыре месяца, а сейчас не удержалась.
Третьего дня у нас в санатории был день Кавказской кухни. У нас всегда по пятницам дни национальных кухонь, а третьего дня мы ели Кавказскую.

Очень вкусным был суп Харчо, а на второе дали овощное рагу под названием Аджапсандали! Не нравятся мне вегетарианские блюда!..

А к вечеру я родила мальчика. Очень легко родила!

У моего мальчика есть особенность. На его правой ножке совсем нет ноготков!..

Пока не могу придумать ему имени.

Евгений!

Теперь вы – отец! С чем вас искренне и поздравляю!

Ваша Анна Веллер

P.S. Как хорошо, что вы меня не искали... Или не нашли...

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

**Отправлено 9-го августа
по адресу: г. Завязь, санаторий Чистый.**

Анне Веллер.

Уважаемая Анна!

Прошу простить меня за то, что мистифицировал вас почти целый год. Моя жена – почтальонша поселка Шавыринский, и как-то, случайно вскрыв письмо, отправленное вами некоему Евгению Молокану, я позволил себе вести переписку с вами от его лица!

Еще раз прошу простить меня!

Ваш

Вечно кающийся

ГОТЛИБ

Москва, 1997

Notes